

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 Т.10 № 3

В номере:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

**10
лет**

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

J-Gate
INDEXED

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2019 • Т. 10 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл № ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

Александр Жейт, проф., Федеральный университет
Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва,
Россия

Клаус Зебберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., академик РАН,
ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледаев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,

доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрелжева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьян По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Международный научно-консультационный совет

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.,

МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н.,
проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия,
зам. председателя

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия, *председатель*

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный

технический университет, Анкара, Турция

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

А.Ю. Шutow, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломо-
носова, Москва, Россия, *зам. председателя*

Макет и оформление А.В. Талалаевского

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №36

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,5
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 11.06.2019
Выход из печати: 28.06.2019
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2019
© Воскресенский А.Д., 2019
© Сравнительная политика, 2019
© Издательская группа «Юрист», 2019

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 • Vol. 10 № 3

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Vlacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member, Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia,
Deputy Chair

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia, *Chair*

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'sov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

International Advisory Board

Ayse Dietrich, Professor, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia, *Deputy Chair*

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No.36 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 21,5
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 11 June 2019
Printed: 28 June 2019
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2019
© Voskressenski A.D., 2019
© Comparative Politics, 2019
© Publishing Group "Yurist", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

А.Д. Воскресенский. Слово главного редактора в 2019 г.: представляя юбилейные номера журнала – 10 лет журналу «Сравнительная политика»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Е. Юртаева. Политические свойства конституции и конституционные свойства государств

Н.А. Тарабан. Конституционные основы идеологического плюрализма в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект

И.В. Левакин. Об отчуждении по общественному договору: компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации в конституциях буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств

Я.А. Пляйс. Непрочный фундамент: компаративный анализ оценок российской Конституции 1993 года

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Р.С. Мухаметов. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве

Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина. Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ

Е.Б. Шестопал, Н.В. Смутькина, И.В. Морозикова. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов

Oleg K. Petrovich-Belkin, Arkadiy A. Eremin, Svetlana A. Bokeriya. The Decline of Russia's Influence in the Post-Soviet Region and the Reasons behind It

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

В.В. Гриб. Проблемы и перспективы становления профессии «нормрайтер» в России

5 Alexei D. Voskressenski. A Word of Editor-in-Chief in 2019: Presenting the Anniversary Issues of the Journal – 10 Years of *Comparative Politics Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

7 Evgeniya Yurtaeva. Political Attributes of Constitution and Constitutional Attributes of States

15 Nikolay A. Taraban. Constitutional Foundations of Ideological Pluralism in the Russian Federation and Foreign Countries: a Comparative Legal Aspect

22 Igor V. Levakin. The Alienation along the Social Contract: Comparative Analysis of Basic Features of Alienation and Dealienation in the Constitutions of Burgium-democratic, Socialist, Post-socialist and Theocratic and Clerical states

32 Yakov A. Pleis. Weak Foundation: Comparative Analysis of the Assessments of the Russian 1993 Constitution

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

46 Ruslan S. Mukhametov. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in The Post-Soviet Space

58 Dmitriy A. Lipinskii, Alexandra A. Musatkina. Social and Humanistic Orientation in National Security Strategies of Russia and Germany: Comparative Political and Legal Analysis

74 Elena B. Shestopal, Natalia V. Smulkina, Irina V. Morozikova. Comparative Analysis of One's Own Country Images in Russian Regions

95 Oleg K. Petrovich-Belkin, Arkadiy A. Eremin, Svetlana A. Bokeriya. The Decline of Russia's Influence in the Post-Soviet Region and the Reasons behind It

DISCUSSION

105 Vladislav V. Grib. Problems and Prospects of the Formation of the Profession "Norm-Writer" in Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть II: «Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Е.В. Попов. Доктрина суверенного иммунитета и суверенные фонды: вызовы международной практики

В.Ц. Головачев. Полевые этнологические исследования Павла Ибиса и Джозефа Стира на Формозе в 1873-1875 гг. (сравнительный обзор)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Слука. На пути к «китайскому миру». Памяти Е.Н. Самбуровой

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научное сотрудничество с Мьянмой

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

114 Roundtable “Prospects of Chinese Reforms in a Changed World.” Part II: “Slowdown of Chinese Economy, the Trade War with the United States, an Assessment of Possibilities to Stimulate the Growth of the Growth in China

RESEARCHERS' NOTES

133 **Evgeny V. Popov.** Sovereign Immunity Doctrine and Sovereign Funds: Challenges at Global Scale

148 **Valentin Ts. Golovachev.** Ethnological Field Studies in Formosa by Paul Ibis and Joseph Steere in 1873-1875 (Comparative Review)

REVIEWS

159 **Nikolai A. Sluka.** On the Way to Pax Cinica. In memory of E.N. Samburova

ACADEME

167 Scientific Collaboration with Myanmar

ON THE BOOKSHELF

168 The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019.

170 **GUIDE FOR THE AUTHORS**

10 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10024

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА В 2019 Г.: ПРЕДСТАВЛЯЯ ЮБИЛЕЙНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА

2019 год – юбилейный. Он является 10-м годом с момента выхода первых номеров журнала «Сравнительная политика», зарегистрированного во второй половине 2018 г. За эти 10 лет, которые пронеслись как за секунду, журнал окреп, вошел в перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по политическим наукам и истории. Теперь журнал «Сравнительная политика», наряду с другими индексами, включен, в том числе, в индекс Web of Science Emerging Source Collection, а также в систему общеиндийского национального цитирования.

Для того, чтобы выйти на национальный и международный уровень журнал долгое время опирался на исследовательский корпус МГИМО Университета, прежде всего, существовавшего тогда в МГИМО Факультета политологии. Постепенно круг авторов журнала расширялся. Затем появились авторы из других стран – журнал вышел не только на национальный, но и на международный уровень. Потребовалось на это целых 10 лет, или всего 10 лет?

Теперь у журнала в системе Киберленка 120 тыс. просмотров в год, 22 тыс. скачиваний, индекс Хирша – 9. В системе РИНЦ у журнала 13 тыс. просмотров, 3 тыс. загрузок, индекс Хирша – 10. Динамика развития такова, что за последние 2 года журнал увеличивал цитируемость в два раза ежегодно.

Последние два года журнал на конкурсной основе поддерживался Эндаументом МГИМО, за что редакция, авторы и читатели благодарны Эндаументу. Это дало возможность журналу, в том числе, и обеспечить прирост международного цитирования его авторам. Сотрудничество с Центром комплексного китаеведения и международных проектов МГИМО не только позволило журналу привлечь в редакцию квалифицированных сотрудников, но и публиковать специализированные круглые столы и ситуационные анализы, которые привлекли внимание научно-исследовательского и экспертного сообщества России и стран Востока, прежде всего – Китая. Это вновь позволило журналу расширить авторский состав и привлечь профессорско-преподавательский состав и научных сотрудников не только МГИМО, но и МГУ, НИУ ВШЭ, НИУ ВШЭ – СПб, ИДВ РАН, ИВ РАН, ИВИ,

РИСИ и др. научно-исследовательских и образовательных учреждений России. Теперь сайт журнала за год имеет 70 тыс. просмотров от 16 тыс. посетителей из 121 страны мира и 84 регионов России.

Успешное существование журнала было возможным благодаря бескорыстию и преданности членов редакции журнала и моральной поддержке его авторов. Но редакция уверена, что она делала и делает важное и нужное дело, иначе у электронной версии журнала не было бы посетителей из 121 страны мира. О том, каким стал журнал на 10 год своего существования редакция предоставляет судить читателям этих юбилейных номеров 2019 года. Мы также

надеемся, что не смотря на все трудности финансирования, журнал продолжит свое существование и дальше, открывая новых авторов, обсуждая новые темы и углубляя сравнительно-политическое понимание международной проблематики.

*Главный редактор
и основатель журнала
профессор А.Д. Воскресенский*

*Alexei D. Voskressenski.
A Word of Editor-in-Chief in 2019:
Presenting the Anniversary Issues
of the Journal, – 10 Years
of Comparative Politics Russia*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТИТУЦИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ГОСУДАРСТВ

Евгения Юртаева

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 января 2019 <i>Принята к печати:</i> 20 мая 2019</p>	<p>Аннотация: В статье представлен анализ политической ценности и социального назначения конституций как результата исторической эволюции государств и способа фиксации перспектив политического и общественного развития. В частности, ставятся вопросы о сущности конституционного акта в авторитарных государствах и о его социальном восприятии. Обстоятельному разбору подвергаются конституционные характеристики правового и социального государства, и оценивается их значение либо как принципа, высшей ценности или национальной идеи политического развития, либо как конституционной юридической нормы. Автор обращает внимание на то, что порозному формулируемые конституционные положения в целом не порождают в конституционно-правовой практике государств отличий концептуального свойства. Замечено также, что не всякое государство, которое реально и повседневно обеспечивает верховенство закона и признает имманентной обязанностью государства гарантирование безусловного базового дохода как гарантии достойной жизни граждан, проявляет стремление именовать себя в собственной конституции правовым и социальным. Немаловажный показатель прогрессивного политико-правового развития автор видит в устойчивости конституции и законодательства государства. Автор считает, что имеется гораздо больше юридических оснований характеристики государства как правового и социального фиксировать в конституциях как принципы – организационные идеи для создания соответствующих условий, а не как конституционные нормы.</p>
<p>Об авторе: доцент, кафедра теории государства и права им. Г.В. Мальцева, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС e-mail: yurtaeva-ea@ganepa.ru</p>	
<p>Ключевые слова: конституционный акт; конституционный правопорядок; правовая личность; идеалы права; правовое государство; социальное государство; демократия; устойчивость конституции; фактический смысл конституции</p>	

В политической жизни современных государств поддерживается сложившаяся еще в начале Нового времени установка на то, что нормативное закрепление основ государственной власти осуществляется в разновидности учредительных законов с особой юридической силой. Хотя в большинстве государств для таких законов сейчас применяется унифицированное наименование конституции или основного закона, наличие какой-либо общей консолидированной формы для акта, имеющего высшую юридическую силу, не предполагается¹.

Конституции современных государств – это свидетельство уникального исторического опыта стран и народов, это закономерный результат избранной политико-социальной альтернативы, это юридически обобщенный способ определения перспектив развития нации.

тия Конституции Финляндии 11 июня 1999 г.) состояла из четырех основных законов – Форма правления Финляндии (1919 г.), Устав Парламента (1928 г.), Закон о государственном суде (1922 г.), Закон о праве Парламента проверять действия членов Государственного совета, Канцлера юстиции при Государственном совете и Омбудсмана при Парламенте при исполнении ими своих полномочий (1922 г.). Основным законом в государствах, где государственной религией признан ислам, считается Коран.

¹ Например, конституцию Великобритании составляют статутные акты парламента о сущности содержания власти, судебные прецеденты и правовые обычаи, а конституция Финляндии до недавнего времени (до приня-

Конституции призваны определять устройство высших органов государственной власти, а также пределы государственного вмешательства в регулирование публичных прав граждан². «Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции», – было зафиксировано еще во времена Великой Французской революции³.

Однако правовой смысл конституции, несмотря на кажущуюся очевидность ее политической ценности и социального назначения, является неоднозначным хотя бы потому, что наличие конституции возможно и в государствах с авторитарными политическими характеристиками. Основные законы исторически существовали и регулировали круг ключевых для политического устройства общественных отношений и в условиях авторитарной государственной власти. Высказывается мнение, что «некоторые способы принятия конституций даже формально не влекут за собой легализацию государственной власти»⁴, относя к таковым, в частности, октроированные монархами конституции. Эти конституции, по утверждению автора, не имеют такого свойственного всякой конституции признака, как уважение к авторитету власти, выражаемое народом государственному лидеру не только исходя из иррацио-

нальных настроений и инстинктов, но опираясь на политический и гражданский опыт. Однозначно поддержать такой взгляд не представляется возможным. История создания и действия Основных государственных законов в Российской Империи – тому наглядный пример⁵. Применительно к императорской России даже юридически вполне корректно говорить о власти, имеющей в глазах населения не только исторический, традиционный, освященный религиозным опытом авторитет. Глава императорского дома в продолжение многих правлений сохранял свойства и качества кумира, который идентифицировался с Отчиной – Отечеством, Родиной, а то и с жизнью⁶.

Как показывает российская история, прерогативы авторитарного правителя здесь ограничивали не законы: ограничителем власти всегда выступала личность. Политические полномочия главы государства в разные исторические периоды ограничивались образом жизни народов, продиктованным их правовой культурой: желанием и способностью общества и его членов жить помимо и «вне» государства, а совсем не носительством «прав и обязанностей»⁷.

² См.: Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – М., 1993. – С. 81. [Chetvernin, V.A. Demokratischeskoe konstitutsionnoe gosudarstvo: vvvedenie v teoriyu (Democratic Constitutional State: an Introduction to the Theory). Moscow, 1993. P. 81.]

³ См.: Статья 16 Декларации прав человека и гражданина / Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. проф. З.М. Черниловского. – М., 1994. – С. 207. [Stat'ya 16 Deklaratsii prav cheloveka i grazhdanina (Article 16 of the Declaration of the Rights of Man and the Citizen) / Khrestomatiya po vseobshchey istorii gosudarstva i prava / Comp. by V.N. Sadikov; Ed. by Z.M. Chernilovsky. Moscow, 1994. P. 207.]

⁴ Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 70. [Chirkin, V.E. Legalizatsiya i legitimatsiya gosudarstvennoi vlasti (Legalization and Legitimation of State Power) // Gosudarstvo i pravo, 1995, No. 8, p. 70.]

⁵ Укажем между прочим, что заголовок «Основные государственные законы» оказался предпочтительнее «конституции» не столько по политическим причинам: наименование «конституция» для основополагающего государственного закона в России в XVIII-XIX вв. не воспринималось так однозначно, как, например, в начале XX в. В России времен Александра I и М.М. Сперанского и даже позднее понимание конституции не было связано с какими-либо атрибутами гражданского общества или правового государства.

⁶ Полные действительного смысла лозунги «За царя!», «За Отечество!» послужили своеобразным «прототипом» для лозунгов более позднего времени, аналогичных по звучанию, но имевших совершенно иное происхождение и назначение.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России). – М., 2013. – С. 286. [Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: ot obraza budushchego k real'nosti (k 20-letii Osnovnogo Zakona Rossii) (The Constitution of the Russian Federation: from the Image of the Future to Reality: to the 20th Anniversary of the Russian Basic Law). Moscow, 2013. P. 286.]

Это – уникальное свойство политической жизни в России, неизвестное и непонятное для других государств. Характер совершенно особого рода социальной связи между властью и российским гражданином (породившим, кстати, особый социальный класс – интеллигенцию) выразил А.С. Пушкин в своем дневнике: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного»⁸. Однако нужно согласиться, что создание политико-правовых условий для воспитания идеала «правовой» личности – «личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими»⁹, по-прежнему актуально.

Похожим образом обстоят дела с поиском общенормирующего смысла в конституционных формулировках об иных свойствах государства. Упоминание о России как о правовом и о социальном государстве включено в текст Конституции Российской Федерации 1993 года. Но не только введенное впервые нормативное определение российского государства как правового и социального пробудили интерес к данной проблематике. Концепции правового, социального государства широко представлены в исследованиях; разнообразие мнений демонстрируют и современники, и исследователи предшествующих эпох. Причем идеалами проповедников разных взглядов на правовое и социальное государство служат как примеры, где политико-экономическое функционирование государств основывается исключительно на праве частной собственности и допускает использование совершенно разных форм привлеченного труда, так и примеры

государств, которые практикуют обобществление труда и собственности.

Правовое государство с точки зрения политической и правовой наук служит отражением такого состояния государственного и общественного развития, при котором демократическая конституция и правовые законы «связывают» и «ограничивают» государство, а в содержании законов преобладают идеи нравственности, материализуются общепринятые в цивилизованных отношениях нормы и демократические ценности, оптимально сочетаются принципы права и социальная нацеленность¹⁰.

Современные государства независимо от избранной политической или экономической модели развития нередко используют определения государства как правового и социального в текстах своих конституций, руководствуясь различными соображениями. Например, в конституциях постсоветских стран использование таких прилагательных служило главным образом указанием на цели проводившихся в 90-е гг. XX в. реформ: создание цивилизованного современного общества с развитыми демократическими политическими институтами и с экономическими отношениями, базирующимися на рыночных принципах. Ожидалось, что провозгласив нацеленность на достижение таких социальных идеалов и учредив некоторое количество демократических политических институтов, государства неизбежно приобретут сподвижников в лице автоматически изменивших свое поведение граждан. Тогда, в начале 90-х гг. XX в., постановка вопроса о социальном, правовом государстве как юридической норме конституции сулила достижение общественного консенсуса для преодоления последствий кризисного положения в

⁸ Пушкин А.С. Дневник 1833-1835 гг. / Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 12. – М., 1996. – С. 329. [Pushkin, A.S. Dnevnik 1833-1835 gg. (Diary of 1833-1835) / Poln. sobr. soch. Vol. 12. Moscow, 1996. P. 329.]

⁹ Кистяковский Б.А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) / Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. – М., 2007. – С. 177. [Kistiakovskii, B.A. V zashchitu prava. Intelligentsiia i pravosochnanie (In Defense of the Law. Intellectuals and Sense of Justice) / Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligencii. Moscow, 2007. P. 177.]

¹⁰ См.: Нерсесянц В.С. Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы // Правовое государство, личность, законность. – М., 1997. – С. 13. [Nersesiants, V.S. Konstitutsionnaia model' rossiiskoi pravovoi gosudarstvennosti: opyt proshlogo, problemy i perspektivy (The Constitutional Model of the Russian Legal Statehood: Past Experience, Problems and Prospects) // Pravovoe gosudarstvo, lichnost', zakonnost'. Moscow, 1997. P. 13.]

экономике, замещения в обществе идеологического и нравственного вакуума.

Вообще создание образа государства в его конституции – это задача не только для научных изысканий; она имеет важное практическое значение. От того, каким государство предстает перед гражданами в основном законе, во многом зависит и последующее реализующее нормы конституции поведение граждан, и его итог – реальное состояние государства. Этим объясняется включение прогрессивных демократических и гуманистических характеристик в конституции. Использованные в нормативном тексте определения «правовое» и «социальное», примененные к государству, превращают его из абстракции в весьма значимую социальную креатуру с абсолютно определенной аксиологической ориентацией. Кроме того, демократические политико-правовые характеристики государства выступают определяющим фактором при принятии конституций на референдумах. Внешняя привлекательность декларируемых конституцией идей весьма существенна для населения, и от того, насколько положительным будет ее «отражение» в сознании граждан¹¹, зависит результат голосования по проекту конституции. Поэтому в принятых на референдумах конституциях, как правило, упоминается о демократических социальных ценностях, равенстве, справедливости, плюрализме¹².

Социальное и правовое государство закрепляются в действующих конституциях государств либо как принцип и высшая ценность политического развития, либо как конституционная юридическая норма¹³.

¹¹ См.: Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. – М., 1997. – С. 32. [Kovler, A.I. Krizis demokrati? Demokratia na rubezhe XXI veka (The Crisis of Democracy? Democracy at the Turn of the XXI Century). Moscow, 1997. P. 32.]

¹² Таковы, например, конституции Ирландии 1937 г., Испании 1978 г., Литвы 1992 г., Российской Федерации 1993 г.

¹³ Ср.: Алешкова И.А., Власова Т.В. Конституционное предписание как правовая категория // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 85-86. [Aleshkova, I.A.; Vlasova, T.V. Konstitutsionnoye predpisanie kak pravovaia kategoriia (The Constitutional Regulation as a Legal Category) // Gosudarstvo i pravo, 2018, No. 6, pp. 85-86.]

Следование принципам правового и социального государства закрепили в своих конституциях, например, Болгария (1991 г.), Испания (1978 г.), Румыния (1991 г.), Швейцария (1999 г.)¹⁴.

Как юридическая норма обозначение государства как социального и правового включено в конституции Республики Беларусь (1994 г.), Венесуэлы (1999 г.), Республики Польша (1997 г.), Португальской Республики (1976 г.), Республики Словения (1991 г.), Южно-Африканской Республики (1996 г.), в Основной закон для Федеративной Республики Германии (1949 г.). Похожие формулировки конституционных норм о государстве встречаются в виде иных сочетаний: «правовое, суверенное, унитарное и неделимое, децентрализованное, светское и демократическое» (Конституция Конго 2015 г.), «суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство» (Конституция Украины 1996 г.), «неделимое, светское, демократическое и социальное» (Конституция Франции 1958 г.), «правовое, социальное, демократическое, суверенное, независимое» (Конституция Республики Эквадор 2008 г.).

Если закрепление в виде принципов позволяет оценивать правовое и социальное государство как ценностный ориентир для перспективного развития страны, то сформулированные как конституционные юридические нормы они буквально означают, что построение политических и общественных отношений в государстве осуществляется во исполнение соответствующих положений как строгих юридических – общеобязательных нормативных – правил. Вместе с тем, как показывает практика конституционного строительства, разница в формулировках не создает концептуальных различий в конституционно-правовой картине государства, поскольку в большинстве случаев все эти положения реализуются не как юридические нормы, а как организационные идеи нравственной направленности для создания соответствующих условий

¹⁴ Здесь и далее тексты конституций приводятся по сайту: Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/>

для существования государства и общества. Кроме того, общеизвестным также является то, что не всякое государство, где верховенство закона давно служит повседневной нормой как политической, так и общественной жизни, а деятельность органов государственной власти обеспечена реальным механизмом взаимных сдержек при беспрекословном авторитете судебных органов, обязательно поименовано в собственной конституции правовым (или социальным).

Идея конституционного закрепления идеалов правовой и социально ориентированной организации зиждется на том, что нормы конституции как ориентир политического развития общества опережают реальный уровень развития социальной системы, экономических отношений, общественной психологии. Следует согласиться, что в современных конституциях многих государств демократия, как и правовое государство, представлены не как завершенный правовой концепт, а «лишь в отдельных, основных чертах как необходимая база для регулирования деятельности демократического строя и обеспечения в соответствии с Конституцией основы и структуры этого строя»¹⁵. Такой взгляд на социальную роль конституционного акта вполне возможен, если право в целом рассматривать как активный созидательный элемент в политико-социальном взаимодействии.

Конституция как действующий законодательный акт не может и не должна игнорировать наличие или отсутствие в государстве реальных возможностей, институций, механизмов для того, чтобы конституционно-правовой потенциал был реализован. В чем тогда состоит предназначение конституции, если она определено и однозначно выражена в понятийном отношении, но не отражает действительную сущность политического и социального бытия государства? Нужно признать, что фактический смысл конституции часто зависит от того, какое материальное содержание в правовой арсенал государства вносится текущим законодательством. Известно, например, что демокра-

тические идеологические установки основного закона и демократический правовой порядок в стране суть разные вещи. Юридические нормы конституционного правопорядка, такие как демократия, подчинение праву, социальная направленность государственной политики, если они остаются только на бумаге, отнюдь не добавляют политического веса основному закону и не способны повысить его влияние на политико-социальные процессы, происходящие в общественной жизни.

Социальное или правовое в большинстве случаев могут выступать лишь как идеальные характеристики государства. Государства независимо от уровня развития необходимо создают распространенную систему институций и механизмов для обеспечения правопорядка и определенных социальных условий жизни. Элементы «социальности» нетрудно увидеть даже в условиях «военной демократии» раннеорганизованных обществ. А черты «правового» в государстве затруднительно установить с использованием исключительно нормативного инструментария, поскольку все основные характеристики правового государства имеют преимущественно оценочную окраску. Например, верховенство закона. А что реально, а не формально понимается под законом в известный период времени в данном обществе – не ясно. Или другой пример – закрепленная гарантированность государством прав и свобод человека. А что выступает «гарантией» такой «гарантированности» со стороны государства? Или как в понимании «социального государства» учитывается неизбежная социальная асимметрия?

Конституциям приписывают еще одну важную характеристику – ее устойчивость. Однако конституциям, которые не ограничиваются указанием на общие принципы государственной организации и правовой системы («развернутым» конституциям, в отличие от кратких, по типологии В.В. Маклакова¹⁶), как правило, уготована менее долгая жизнь. Установление в текстах основных законов

¹⁵ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. – М., 1981. – С. 72. [Khesse, K. Osnovy konstitutsionnogo prava FRG (Basics of Constitutional Law of Germany). Moscow, 1981. P. 72.]

¹⁶ См.: Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. – М., 2006. – С. 82. [Maklakov, V.V. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaia chast' (Constitutional Law of Foreign Countries. General Part). Moscow, 2006. P. 82.]

параметров социальных отношений, характеристик экономического бытия, прав и свобод человека на уровне конституционных норм, а не принципов, несколько раздвигает рамки собственно конституционного регулирования и делает конституционные нормы более уязвимыми с точки зрения стабильности.

Вообще в праве утвердилась идея, что нормы закона – тем более, если это нормы основного закона, когда они введены и успешно применяются, не должны изменяться произвольно: логика однажды начатого действия требует завершения. Если получена необходимая санкция и начали реализовываться законодательные нормы, то отказ от их дальнейшего применения со стороны санкционировавшей их власти не может быть проведен без каких бы то ни было объяснений. Правила, наделенные высшей юридической силой, лишают власть возможности явственно выражать иные предпочтения. Нормы морали, нравственные ожидания тех, кому юридические нормы адресованы, делают необходимым всякое их изменение или отказ от них обосновывать, убедительно мотивировать. Это в равной мере относится как к текущим законодательным нормам, так и к конституционным.

Вместе с тем именно конституционные принципы должны задавать тон всего текущего законодательства, становиться поводом для широкого обсуждения любых правовых новелл и – если необходимо – основанием для поиска компромиссов во избежание прямого несоответствия между конституционными принципами и текущим правовым регулированием. Если же центром политической и общественной дискуссии становятся не конституционные принципы, а предполагаемые (проектируемые) правила текущего регулирования, то принятые таким образом правила довольно легко перестают быть оправданными исходя из тех принципов, которые признавались первоначально и на которых эти правила должны были основываться. В таком случае возникает потребность переосмыслить принципы, а часто – необходимость заменить их на новые¹⁷.

¹⁷ Troper, Michael. Transformations of European Constitutional Culture: Constitutional Culture. Ed. by M. Wyrzykowski. Warsaw, 2000. P. 18.

Устойчивость основного закона в практическом преломлении – это вопрос о юридической возможности его изменения, об отнесении его в специфически классифицирующей системе к разряду «жестких». Существующие в разных государствах конституции дают примеры как многолетней неизменности текстов основных законов, так и другие¹⁸. Конституции во многих государствах фиксируют этапы политико-правового развития, как, например, ныне действующая во Франции Конституция Пятой Республики или конституции (или основные законы) в России, которые исторически становилась итоговым политическим документом, определяющим факт и перспективы государственной эволюции (в 1918, 1925, 1937, 1978 гг.).

В настоящее время свойство устойчивости основного закона на российской правовой почве порождает как в общетеоретическом, так и в практическом плане проблему сохранения неизменности содержания конституции – сохранности ее «принципов, целей, ценностей, институтов и процедур»¹⁹. Имеется ли практическая необходимость в пересмотре конституции, создававшейся в эпоху остро стоящих общественных противоречий? Требуются ли для юридического сопровождения современной политико-правовой действительности конституционные новации? Повлечет ли пересмотр конституции одновременно пересмотр закрепленных в ней норм о правовом и социальном государстве? От ответа на эти вопросы зависит также и ответ на другой вопрос: российский

¹⁸ Классическим примером сохранения основного закона в приближенном к первоначальному тексту виде выступают Соединенные Штаты Америки, где принятая в 1787 г. Конституция за более чем двухсоттридцатилетнюю историю была изменена и дополнена статьями, внесенными 27 поправками (одна из которых (1919 г.) в 1933 г. была отменена).

¹⁹ Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 5. [Knyazev, S.D. Stabilitnoet Konstitucii I eyo znachenie dlya sovremennogo rossiyskogo konstitucionalizma (The Stability of the Constitution and Its Significance for the Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.]

основной закон – это нормативный правовой документ или юридический символ государственной суверенности? А также и такой: насколько радикально пересмотр конституции способен будет изменить политическую и общественную жизнь? Как показала российская история, если действующие конституционные нормы перестают быть препятствием для реализации политически или как-либо иначе оправдываемых намерений административной власти, не соответствующих правилам, закрепленным в основном законе, то последующее распространение беззакония приобретает катастрофические масштабы.

При всем своеобразии конституции как нормативного правового акта, она призвана юридически определять общие направления для формирования правоотношений в обществе, а отнюдь не должна выступать только компендиумом политических идей. Прогрессивные установки и устремления государства в виде некоей общенациональной идеи – глубоко осмысленной, социально разумной, всенародно принятой – вполне могут быть буквально воплощены как важнейшие принципы, положенные в основу государственной политики. Такой подход позволяет вполне определенно выявлять позиции и соотношение между конституционной концепцией и конституционной нормой. Из новейших немало конституций именно как общенациональную идею или как базовый конституционный принцип объявляют в преамбуле «свою решимость создать демократическое, правовое и социальное государство» (Конституция Болгарии 1991 г.), «стремясь к открытому, справедливому, гармоничному гражданскому обществу и правовому государству» (Конституция Литвы 1992 г.), с категоричной целью выступать в будущем «как свободное и демократическое государство, основанное на уважении прав человека и принципах гражданского общества» (Конституция Чехии 1992 г.²⁰), базируясь на «принципах верховен-

ства демократии, социальной справедливости и права» (Конституция Турецкой Республики Северного Кипра 1983 г.).

Представляется, что и с нормативно-юридической стороны идеалы и устремления государственно-правовой жизни целесообразнее обосновывать как базовые принципы, фиксировать как программируемые процессы, целенаправленно формировать параметры социальных перспектив и по мере создания соответствующих условий преобразовывать их в устойчивые тенденции посредством текущего законодательства. Реализация подобного подхода если не гарантирует, то во всяком случае создает определенные препятствия для конверсии конституции в общественном сознании из непосредственно действующей в действующую с явным отклонением от реально установленных конституционных юридических норм.

Литература:

- Алешкова И.А., Власова Т.В.* Конституционное предписание как правовая категория // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 82-87.
- Кистяковский Б.А.* В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) / Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. – М., 2007. – С. 169-202.
- Князев С.Д.* Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4-12.
- Ковлер А.И.* Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. – М., 1997. – 102 с.
- Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России). – М., 2013. – 592 с.
- Маклаков В.В.* Конституционное право зарубежных стран. – М., 2006. – 868 с.
- Нерсесянц В.С.* Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы / Правовое государство, личность, законность. – М., 1997. – С. 3-39.
- Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. – М., 1981. – 368 с.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. проф. З.М. Черниловского. – М., 1994.
- Четвернин В.А.* Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – М., 1993. – 141 с.
- Чиркин В.Е.* Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 65-73.
- Troper, Michael.* Transformations of European Constitutional Culture: Constitutional Culture. Ed. by M. Wyrzykowski. Warsaw, 2000. Pp. 11-24.

²⁰ Справедливости ради стоит отметить, что помимо этого программно-указательного в преамбуле Конституции Чехии, в статье 1 как конституционная норма закреплено, что «Чешская Республика является суверенным, единым и демократическим правовым государством, основанным на уважении прав и свобод человека и гражданина».

References:

- Aleshkova, I.A.; Vlasova, T.V.* Konstitutsionnoye predpisanie kak pravovaya kategoriya (The Constitutional

Regulation as a Legal Category) // *Gosudarstvo i pravo*, 2018, No. 6, pp. 82-87.

Chetvernin, V.A. Demokratischeskoe konstitutsionnoe gosudarstvo: vvedenie v teoriyu (Democratic Constitutional State: an Introduction to the Theory). Moscow, 1993. 141 p.

Chirkin, V.E. Legalizatsiia i legitimatsiia gosudarstvennoi vlasti (Legalization and Legitimation of State Power) // *Gosudarstvo i pravo*, 1995, No. 8, pp. 65-73.

Khesse, K. Osnovy konstitutsionnogo prava FRG (Basics of Constitutional Law of Germany). Moscow, 1981. 368 p.

Khrestomatiya po vseobshchey istorii gosudarstva i prava / Comp. by V.N. Sadikov; Ed. by Z.M. Chernilovsky. Moscow, 1994.

Kistiakovskii, B.A. V zashchitu prava. Intelligentsiia i pravosoznanie (In Defense of the Law. Intellectuals and Sense of Justice) / Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii. Moscow, 2007. Pp. 169-202.

Knyazev, S.D. Stabilnoct Konstitucii I eyo znachenie dlya sovremennogo rossiyskogo konstitucionalizma (The Stability of the Constitution and Its Significance for the

Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.

Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: ot obraza budushchego k real'nosti (k 20-letiiu Osnovnogo Zakona Rossii) (The Constitution of the Russian Federation: from the Image of the Future to Reality: to the 20th Anniversary of the Russian Basic Law). Moscow, 2013. 592 p.

Kovler, A.I. Krizis demokrati? Demokratiia na rubezhe XXI veka (The Crisis of Democracy? Democracy at the Turn of the XXI Century). Moscow, 1997. 102 p.

Maklakov, V.V. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Obschchaia chast' (Constitutional Law of Foreign Countries. General Part). Moscow, 2006. 868 p.

Nersisants, V.S. Konstitutsionnaia model' rossiiskoi pravovoi gosudarstvennosti: opyt proshlogo, problemy i perspektivy (The Constitutional Model of the Russian Legal Statehood: Past Experience, Problems and Prospects) / *Pravovoe gosudarstvo, lichnost', zakonnost'*. Moscow, 1997. Pp. 3-39.

Troper, Michael. Transformations of European Constitutional Culture: Constitutional Culture. Ed. by M. Wyrzykowski. Warsaw, 2000. Pp. 11-24.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10025

POLITICAL ATTRIBUTES OF CONSTITUTION AND CONSTITUTIONAL ATTRIBUTES OF STATES

Evgeniya Yurtaeva

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 20.05.2019</p>	<p>Abstract: The article presents an analysis of the political value and social purpose of constitutions as a result of the historical evolution of states and a method of fixing the prospects for political and social development. In particular, questions are raised about the nature of the constitutional act in autocratic states and its social perception. The constitutional characteristics of the constitutional state of rights and justice and social state are subjected to detailed analysis, and their significance is assessed either, in first, as a principle, as a supreme value or a nationwide idea of political development or, in second, as a constitutional legal norm. The author draws attention to the fact that differently formulated constitutional provisions do not give rise to conceptual differences in the law-constitutional practice of states. It has also been noted that not every state that realistically and routinely ensures the rule of law and recognizes the inherent duty of the state to guarantee unconditional basic income as a guarantee of a decent life for citizens, is determined itself constitutional state of rights and justice and social state in its constitution. An important indicator of progressive political and legal development the author sees in the stability of the constitution and legislation. The author believes that there are much more legal grounds for describing the state as constitutional state of rights and justice and social state in constitutions in the form of principles – organizational ideas for creating appropriate conditions, and not as constitutional norms.</p>
<p>About the author: Senior Researcher, Assistant Professor, G.V. Maltsev Department of Theory of State and Law</p> <p>e-mail: yurtaeva-ea@ranepa.ru</p>	
<p>Key words: constitutional act; constitutional order; legal personality; ideals of law; constitutional state of rights and justice; social state; democracy; stability of the constitution; the actual meaning of the constitution</p>	

Для цитирования: Юртаева Е. Политические свойства конституции и конституционные свойства государств // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 7-14.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10025

For citation: Yurtaeva, Evgeniya. Politicheskiye svoystva konstitutsii i konstitutsionnyye svoystva gosudarstv (Political Attributes of Constitution and Constitutional Attributes of States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 7-14.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10025

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Николай Александрович Тарабан

*Южный университет
(Институт управления, бизнеса и права),
Ростов-на-Дону, Россия*

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 21 февраля 2019 Принята к печати: 19 мая 2019</p>	<p>Аннотация: В статье исследуется роль Конституции в формировании и регулировании идеологии государства. Сама Конституция рассматривается в триедином аспекте: Основного закона государства, Общественного договора и «Политического кодекса». При этом в каждом из рассматриваемых качеств на Конституцию ложится задача обеспечить консенсус либеральных и социальных начал, баланс индивидуализма и солидарности, снизить градус конфронтации между различными социальными группами. Автором осуществляется сравнительный анализ конституционных основ идеологии в России и зарубежных странах.</p>
<p>Об авторе: преподаватель, кафедра государственно-правовых дисциплин e-mail: nick-nt@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Идеология; конституционализм; гражданское общество; Общественный договор; «Политический кодекс»; плюрализм.</p>	

Вопрос государственного участия в формировании общенациональных идей представляется весьма актуальным для современных конституционно-политических исследований. Конституционные нормы, устанавливающие как идеологический плюрализм, так и формирующие общенациональные идеи подвергаются регулярному обсуждению и критике со стороны ученых-политологов и юристов.

Саму Конституцию, как ключевой исследовательский объект следует рассматривать в триедином аспекте: *юридическом*, как Основной закон государства и фундамент национальной правовой системы; *социальном*, как Общественный договор государственной власти и гражданского общества, в лице многонационального народа, выступающего

носителем суверенитета о взаимных правах и обязанностях, взаимных компромиссах и ожиданиях; *политическом*, как «Политический кодекс», регулирующий основы построения национальной политической системы, включая вопросы формирования и функционирования высшей публичной власти.

Именно на уровне конституционного регулирования закладываются институциональные основы политической системы государства, составной частью которых является форма правления, политический режим, государственная идеология, порядок и условия замещения высших государственных должностей, в том числе избирательная система.

Предложенный подход в целом согласуется с позициями ведущих российских

ученых-конституционалистов С.А. Авакьяна и М.В. Баглая.

Так, по мнению С.А. Авакьяна, Конституция РФ несет в себе, помимо сугубо юридической, еще и идеологическую функцию¹.

Как отмечает М.В. Баглай, Конституция РФ, находясь вне идеологии, создает условия для формирования «философии свободы», высших правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина, а также структуру и взаимоотношения органов государственной власти и управления (форму правления). Конституция очерчивает круг функций государства, устанавливает основы его отношений с человеком и обществом².

Обращаясь к юридической стороне конституционного акта, необходимо отметить, что Конституция РФ, будучи абстрагированной от политико-идеологической нагрузки, имеет перед собой задачу гарантировать признание, соблюдение и защиту прав и свобод каждого человека вне зависимости от его взглядов и убеждений (статья 19 (часть вторая) Конституции РФ).

Рассматривая Конституцию в социально-договорном аспекте, в качестве Общественного договора, следует констатировать, что наряду с другими признаками договорного начала, таких, как двусторонний (консенсуальный) характер ее принятия путем всеобщего референдума, конституционный акт обеспечивает баланс ценностно-идеологических установок (например, либерализма и социализма, индивидуализма и солидарности).

В свою очередь как «Политический кодекс» Конституция призвана обеспечить общие условия для формирования в равной степени либерально-индивидуалистических и социалистических начал в обществе и поддерживать баланс между ними, ослабляя

градус конфронтации между различными политическими группами.

Исходя из позитивистского подхода к анализу Основного закона России, следует исходить из того, что статья 13 Конституции РФ, провозглашает, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

По мнению отдельных исследователей, современная Конституция РФ, не признающая никакой идеологии в качестве всеобщей и государственной, требует пересмотра, поскольку государство без единой идеологической линии видится им обреченным. В то время, как модель единой национальной идеи являлась бы в их понимании мощным консолидирующим фактором³.

С другой стороны, само провозглашение свободы от какой-либо идеологической нагрузки в конституционном акте формирует идеологию политического плюрализма, которая составляет институциональную

³ Бернацкий Г.Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2012. – № 2 (15). – С. 4-7. [Bernatskiy, G.G. Gosudarstvu neobkhodima gosudarstvennaya ideologiya (The State Needs a State Ideology) // *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*, 2012, No. 2 (15), pp. 4-7.]; Исмаилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли ostrakizmu. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75. [Ismagilov, R.F.; Sal'nikov, P.P.; Ger, O.Ye.; Kayzer, A.G.; Reuf, V.M. Sovetskuyu ideologiyu podvergli ostrakizmu. A chto vzamen? (politiko-pravovoy aspekt) (Soviet Ideology Was Ostracized. And What in Return? (Political and Legal Aspect))] // *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 7, pp. 57-75.]; Мишуров И.Н., Мишурова О.И. Национально-государственная идеология // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – № 1. – С. 104-112. [Mishurov, I.N.; Mishurova, O.I. Natsional'no-gosudarstvennaya ideologiya (National-state Ideology) // *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2015, No. 1, pp. 104-112.]; Погорелый А.П. Идеология как насущная проблема современной России // Военный академический журнал. – 2018. – № 2 (18). – С. 103-112. [Pogorelyy, A.P. Ideologiya kak nasushchnaya problema sovremennoy Rossii (Ideology as a Vital Problem of Modern Russia) // *Voyenny akademicheskiy zhurnal*, 2018, No. 2 (18), pp. 103-112.]

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России. – М.: Норма, 2014. – 160. [Avak'yan, S.A. Konstitutsionnoye pravo Rossii (Constitutional Law of Russia). Moscow: Norma, 2014. P. 160.]

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2017. – С. 79-80. [Baglay, M.V. Konstitutsionnoye pravo Rossiyskoy Federatsii (Constitutional Law of the Russian Federation). Moscow: Norma, 2017. Pp. 79-80.]

основу демократического р жима. При этом, конституционный отказ в статье 13 Конституции РФ, от государственной идеологии призван сформировать такую систему, в условиях которой исключалось бы установление преимуществ одной модели политического мышления перед другой.

Такая конституционно-идеологическая модель способствует формированию свободной платформы для становления и развития различных политических идей при участии народа, являющегося, как определяет статья 3 Конституции РФ, носителем национального суверенитета и единственным источником государственной власти.

При таком положении, представляется, что именно народ (гражданское общество) полномочен определять идеологические устои в общественном измерении.

В тоже время, обращаясь к родоначальнику теории гражданского общества Гегелю, можно констатировать, что феномен гражданского общества в его понимании как раз и характеризовался «как раздираемое противоречивыми интересами антагонистическое общество, в состоянии «войны всех против всех»⁴.

В таких условиях, представляется, что свободное гражданское общество не может существовать в рамках единой идеологической мысли, внутри такого общества происходит постоянное формирование различных групп и направлений, объединяемых по различным убеждениям (политическим, социальным, экономическим, духовным, культурным и т.д.), которые в отстаивании своих позиций могут вступать во взаимную конфронтацию.

Идеология государства, как ключевой вектор всей его внутренней и внешней политики, может подвергаться эволюционным трансформациям в зависимости как от социальных, так и от геополитических факторов на различных этапах деятельности государства. Ключевым фактором, детерминирующим формирование идеологии государства, является расстановка приоритетов интересов личности, общества и государства.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 20. [Hegel, G.V.F. *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*. Moscow, 1990. P. 20.]

Вопрос конфронтации парадигм индивидуализма и солидарности приводит к противостоянию политических режимов либерализма и социализма и является наиболее актуальным для современной политической науки. Широкая общественная дискуссия в данном направлении регулярно затрагивает и вопрос стабильности нынешней Конституции РФ 1993 года, отметившей в прошлом году 25-ти летний юбилей.

Следовательно, выведение Конституции РФ, как, прежде всего, юридического акта из идеологической плоскости, следует рассматривать в качестве важнейшего шага в истории российского конституционализма.

Изучение феномена конституционных основ идеологического плюрализма представляется актуальным не только для отечественной, но и для зарубежной конституционно-правовой и политической науки.

Так, в ряде Конституций мира (в частности, Норвегии, Финляндии, Дании, Аргентины) вообще отсутствуют нормы, связанные с упоминанием аспекта идеологии в государстве. В других странах (Люксембург, Португалия, Швейцария) провозглашение идеологического плюрализма представлено в едином аспекте со свободой мысли и слова.

Связать это можно с давним формированием плюралистической модели мировоззрения в обществе. В таких условиях, задача конституционного регулирования сводится к охране субъективных прав личности на свободу мнения и защите личности от неправомерного преследования на этой почве.

Так, согласно статье 24 Конституции Великого Герцогства Люксембурга⁵, устанавливается запрет на цензуру, гарантируется свобода выражения собственного мнения устно и в печати.

В статье 13 Конституции Португалии, политические или идеологические убеждения, составляют элемент статусного набора

⁵ Конституция Великого Герцогства Люксембурга от 17 октября 1868 года / Конституции государств Европы. – М.: Норма, 2017. – С. 171-190. [Konstitutsiya Velikogo Gertsogstva Lyuksemburga ot 17 oktyabrya 1868 goda (The Constitution of the Grand Duchy of Luxembourg of October 17, 1868) / Konstitutsii gosudarstv Yevropy (Constitutions of European States). Moscow: Norma, 2017. Pp. 171-190.]

личности, которые наряду с полом, расой и другими социальными статусами, не могут служить основанием для дискриминации, либо, наоборот, для получения привилегий. Согласно статье 43 Конституции Португалии, государство не может присвоить себе право составлять программы обучения и развития культуры в соответствии с какими-либо философскими, эстетическими, политическими, идеологическими или религиозными директивами⁶.

Похожая норма присутствует и в Конституции Бельгии, где вместо устранения идеологического компонента устанавливается гарантия прав и свобод идеологических и философских меньшинств (статья 11). Воспроизводится данная норма в статье 24 бельгийской Конституции, определяющей нейтральность образования на основе уважения философских, идеологических и религиозных взглядов учащихся⁷.

Несколько иным видится подход к установлению конституционно-идеологических основ в Соединенных Штатах Америки. Так, Поправка I к Конституции США (принятая в 1791 году, являющаяся составной частью Билля о правах) запрещает Конгрессу «издание законов, относящихся к установлению религии или запрещающих свободное исповедание таковой, либо ограничивающих свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб»⁸.

Особенность американского подхода к определению идеологического плюрализма, стоит связывать с архаичностью конституционного акта, принимавшегося на сломе мировоззренческих эпох (XVIII век), в условиях сохранения широкого влияния религиозно-канонических установок на социально-политическое устройство гражданского общества.

В тоже время, архаичность американской Конституции компенсируется в условиях развитого судебного конституционализма путем формирования «живой» конституции актами Верховного Суда США⁹. Так, например решением Верховного Суда США по делу «Техас против Джонсона» от 21.06.1989 года со ссылкой на Первую поправку к Конституции США публичное надругательство над американским флагом получило декриминализацию¹⁰.

Провозглашение концепции плюрализма идей находит выражение в Конституции Франции (статья 4), согласно которой законодателью предписывается гарантировать «плюралистическое выражение мнений и равное участие политических партий и группировок в демократической жизни Нации»¹¹.

В большой степени акцент на деидеологизации делается в конституциях государств постсоветского пространства (статья 13 Конституции РФ, статья 15 Конституции Украины, статья 4 Конституции Белоруссии).

⁶ Конституция Португальской Республики от 2 апреля 1976 года / Конституции государств Европы. – М.: Норма, 2017. – С. 84-158. [Konstitutsiya Portugal'skoy Respubliki ot 2 aprelya 1976 goda (Constitution of the Portuguese Republic of April 2, 1976) / Konstitutsii gosudarstv Yevropy (Constitutions of European States). Moscow: Norma, 2017. Pp. 84-158.]

⁷ Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 года / Конституции государств Европы. – М.: Норма, 2017. – С. 312-343. [Konstitutsiya Bel'gii ot 17 fevralya 1994 goda (The Constitution of Belgium from February 17, 1994) / Konstitutsii gosudarstv Yevropy (Constitutions of European States). Moscow: Norma, 2017. Pp. 312-343.]

⁸ Конституция США от 17 сентября 1787 года / Конституции зарубежных государств. – М.: Волтерс Клувер, – С. 18-35. [Konstitutsiya SSHA ot 17 sentyabrya 1787 goda (The US Constitution of September 17, 1787) / Konstitutsii

zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: Volters Kluver, pp. 18-35.]

⁹ Тарабан Н.А. Феномен «живой» Конституции в российском конституционализме // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 9. – С. 38-42. [Taraban, N.A. Fenomen «zhivoy» Konstitutsii v rossiyskom konstitutsionalizme (The Phenomenon of the “Living” Constitution in Russian Constitutionalism) // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye, 2018. No. 9, pp. 38-42.]

¹⁰ Texas vs. Johnson, 491 U.S. 397 (1989) / Justia US Supreme Court. Mode of access: www.supreme.justia.com

¹¹ Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 года / Конституции государств Европы. – М.: Норма, 2017. – С. 665-682. [Konstitutsiya Frantsuzskoy Respubliki ot 4 oktyabrya 1958 goda (The Constitution of the French Republic of October 4, 1958) / Konstitutsii gosudarstv Yevropy. Moscow: Norma, 2017. Pp. 665- 682.]

Более радикальную деидеологизацию конституций постсоветских государств, следует связывать с реакционным ответом бывших союзных республик на ранее господствовавшую советскую идеологию. В таких республиках положение о плюрализме идей вошло в число основ конституционного строя и нашло отражение в отдельных статьях основных законов.

Так, статья 4 Конституции Белоруссии, определяет, что «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан»¹².

Конституция Украины (статья 15), устанавливает, что «общественная жизнь в Украине основывается на принципах политического, экономического и идеологического многообразия. Никакая идеология не может признаваться государством как обязательная. Цензура запрещена. Государство гарантирует свободу политической деятельности, не запрещенной Конституцией и законами Украины»¹³.

До настоящего времени сохраняются Конституции, закрепляющие определенную идеологическую основу государственности. Так, статья 3 Конституции Греции, устанавливает господство религии восточно-православной Церкви Христовой, неразрывно связанной с Великой константинопольской Церковью. В тоже время, Конституция Греции в статье 13 определяет сво-

боду и неприкосновенность религиозного сознания. Реализация личных и политических прав не может ставиться зависимостью от религиозных убеждений индивида¹⁴.

Конституция Италии в статье 2 устанавливает принцип социальной солидарности, как условие реализации индивидуальных и коллективных прав и обязанностей личности¹⁵.

Более интересным видится оформление конституционных основ идеологии в статье 23 Основного закона ФРГ, которая конституционализировала идею «Объединенной Европы», для реализации которой Германия участвует в развитии Европейского союза, на принципах демократии, правового государства, социального и федеративного государства. В остальном же конституционное регулирование идеологических основ государства, схоже с общеевропейскими стандартами свободы мысли, слова, убеждений, решающими задачи конституционно-правовой охраны личности в данном аспекте (статьи 4 (1), 5 (1) Основного закона ФРГ)¹⁶.

Наиболее идеологизированной в разрезе мирового конституционализма является Конституция Китая, статья 24 которой устанавливает, что «государство проводит

¹⁴ Конституция Греции. Вступила в силу 11 июня 1975 года / Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, 2016. – С. 372-409. [Konstitutsiya Gretsii. Vstupila v silu 11 iyunya 1975 goda (Constitution of Greece. Entered into force on June 11, 1975) / Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: BEK, 2016. Pp. 372-409.]

¹⁵ Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года / Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, 2016. – С. 223-276. [Konstitutsiya Ital'yanskoy Respubliki ot 22 dekabrya 1947 goda (The Constitution of the Italian Republic of December 22, 1947) / Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: BEK, 2016. Pp. 223-276.]

¹⁶ Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года (с последующими изменениями и дополнениями) / Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, 2016. – С. 278-301. [Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germaniya ot 23 maya 1949 goda (s posleduyushchimi izmeneniyami i dopolneniyami) (The Basic Law of the Federal Republic of Germany dated May 23, 1949 (with Subsequent Amendments and Additions)) / Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: BEK, 2016. Pp. 278-301.]

¹² Конституция Республики Белоруссия от 24 ноября 1996 года / Конституции зарубежных государств. – М.: Волтерс Клувер. – С. 689-713. [Konstitutsiya Respubliki Belorussiya ot 24 noyabrya 1996 goda (Constitution of the Republic of Belarus of November 24, 1996) / Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: Volters Kluver. Pp. 689-713.]

¹³ Конституция Украины. Принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 года / Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – С. 141. [Konstitutsiya Ukrainy. Prinyata na pyatoy sessii Verkhovnoy Rady Ukrainy 28 iyunya 1996 goda (Constitution of Ukraine. Adopted at the fifth session of the Verkhovna Rada of Ukraine on June 28, 1996) / Vedomosti Verkhovnoy Rady Ukrainy, 1996, No. 30. P. 141.]

в народе воспитание в духе патриотизма, коллективизма и интернационализма, коммунизма, воспитание на основе диалектического и исторического материализма, ведет борьбу против буржуазной, феодальной и прочей тлетворной идеологии»¹⁷.

Таким образом, государством жестко конституционализирована коммунистическая идеология, а ее отрицание может преследоваться государством.

Такой подход в современном мировом измерении видится противоречащим статьям 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека¹⁸, а также статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁹, являющимися всеобщими универсальными международно-правовыми стандартами в области прав человека.

Анализ изложенного свидетельствует, что в мировом конституционализме, в целом, сформировались конституционные основы идеологического плюрализма, корреспондирующие с международно-правовыми стан-

дартами. Провозглашаемые в конституциях большинства стран мира отдельные идеологические установки в целом не направлены формирование единой идеологической модели государства. В тоже время, до наших дней сохраняются идеологизированные конституционные акты.

Конституционные положения, содержащиеся в статье 13 Конституции РФ, устанавливающие, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» направлены на делегирование выбора идеологической модели гражданскому обществу, обеспечение свободы мировоззрения и не может рассматриваться как дестабилизирующий фактор.

Литература:

Авакьян С.А. Конституционное право России. – М.: Норма, 2014.

Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2017.

Бернацкий Г.Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2012. – № 2 (15). – С. 4-7.

Исмаилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли ostrakizmu. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.

Конституции государств Европы. – М.: Норма, 2017.

Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, 2016.

Мишууров И.Н., Мишуурова О.И. Национально-государственная идеология // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – № 1. – С. 104-112.

Погорелый А.П. Идеология как насущная проблема современной России // Военный академический журнал. – 2018. – № 2 (18). – С. 103-112.

Тарабан Н.А. Феномен «живой» Конституции в российском конституционализме // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 9. – С. 38-42.

References:

Avak'yan, S.A. Konstitutsionnoye pravo Rossii (Constitutional Law of Russia). Moscow: Norma, 2014.

Baglay, M.V. Konstitutsionnoye pravo Rossiyskoy Federatsii (Constitutional Law of the Russian Federation). Moscow: Norma, 2017.

Bernatskiy, G.G. Gosudarstvu neobkhodima gosudarstvennaya ideologiya (The State Needs a State Ideology) // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii, 2012, No. 2 (15), pp. 4-7.

Ismagilov, R.F.; Sal'nikov, P.P.; Ger, O.Ye.; Kayzer, A.G.; Reuf, V.M. Sovetskuyu ideologiyu podvergli ostrakizmu. A chto vzamen? (politiko-pravovoy aspekt) (Soviet Ideology Was Ostracized. And What in Return? (Political and Legal Aspect)) // Mir politiki i sotsiologii, 2015, No. 7, pp. 57-75.

Konstitutsii gosudarstv Yevropy (Constitutions of European States). Moscow: Norma, 2017.

¹⁷ Конституция Китайской народной республики. Принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 года / Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, 2016. – С. 661-697. [Konstitutsiya Kitayskoy narodnoy respubliki. Prinyata na 5-y sessii Vsekitayskogo sobraniya narodnykh predstaviteley pyatogo sozyva 4 dekabrya 1982 goda (Constitution of the People's Republic of China. Adopted at the 5th session of the All-China National Assembly of the Fifth Convocation on December 4, 1982) / Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: BEK, 2016. Pp. 661-697.]

¹⁸ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Российская газета. – 1995, 5 апреля.

¹⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 года на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН / Ведомости ВС СССР. – 1976. – № 17. – С. 291. [Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Prinyat 16 dekabrya 1966 goda na 1496-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON (International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted on December 16, 1966 at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) / Vedomosti VS SSSR, 1976, No. 17, p. 291.]

Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Moscow: BEK, 2016.

Mishurov, I.N.; Mishurova, O.I. Natsional'no-gosudarstvennaya ideologiya (National-state Ideology) // Servis v Rossii i za rubezhom, 2015, No. 1, pp. 104-112.

Pogorelyy, A.P. Ideologiya kak nasushchnaya problema sovremennoy Rossii (Ideology as a Vital Problem of

Modern Russia) // *Voyenny akademicheskiy zhurnal*, 2018, No. 2 (18), pp. 103-112.

Taraban, N.A. Fenomen «zhivoy» Konstitutsii v rossiyskom konstitutsionalizme (The Phenomenon of the “Living” Constitution in Russian Constitutionalism) // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*, 2018. No. 9, pp. 38-42.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10026

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF IDEOLOGICAL PLURALISM IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Nikolay A. Taraban

*Southern University (Institute of Management, Business and Law),
Rostov-on-Don, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21.02.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 19.05.2019</p>	<p>Abstract:The article explores the role of the Constitution in the formation and regulation of the ideology of the state. The Constitution itself is considered in a triune aspect: the Basic Law of the State, the Social Contract and the «Political Code». At the same time, in each of the qualities considered, the task of the Constitution is to ensure the consensus of liberal and social principles, the balance of individualism and solidarity, and reduce the degree of confrontation between different social groups. The author carries out a comparative analysis of the constitutional foundations of ideology in Russia and foreign countries.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, PhD (Manchester University), Professor, Department of Asian and African Studies; Head of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: nick-nt@mail.ru</p>	
<p>Key words: ideology; constitutionalism; civil society; social contract; «Political Code»; pluralism</p>	

Для цитирования: Тарабан Н.А. Конституционные основы идеологического плюрализма в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 15-21.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10026

For citation: Taraban, Nikolay A. Konstitutsionnyye osnovy ideologicheskogo plyuralizma v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh: sravnitel'no-pravovoy aspekt (Constitutional Foundations of Ideological Pluralism in the Russian Federation and Foreign Countries: a Comparative Legal Aspect) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 14-21.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10026

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10027

ОБ ОТЧУЖДЕНИИ ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ ДОГОВОРУ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ АЛИЕНАЦИИ И ДЕАЛИЕНАЦИИ В КОНСТИТУЦИЯХ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ, ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ГОСУДАРСТВ

Игорь Вячеславович Левакин

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 28 марта 2019 Принята к печати: 25 мая 2019</p>	<p>Аннотация: В представленной статье исследуется феномен отчуждения (алиенации), сопутствующий современным формализованным общественным договорам – конституциям. Конституция, рассматриваемая в качестве формализованного общественного договора, представляет собой юридический акт отчуждения гражданского общества от государственной власти на определенных, прописанных условиях. В рамках методологии юридической политологии (политологии права) осуществлен системный компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации, соответствующих конституциям буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств. В работе использован историко-материалистический подход, согласно которому естественное состояние (интерпретация первобытной жизни) и общественный договор (акт отчуждения прав населения в пользу создаваемого государства) – необходимые фикции антифеодальной естественно-правовой теории, сформулированной в Эпоху Просвещения. Современные государства на практике, через формализованный общественный договор – конституцию, определяют права народа и «правительства», предусматривают возможности алиенации и деалиенации всех конститутированных общественных отношений. Данная логическая схема составляет <i>modus operandi</i> всего исследования, в результате которого автор пришел к выводу, что формализованным общественным договорам (конституциям) стран с разнообразным общественно-политическим устройством имманентны различные виды и формы отчуждения; пути конституционной деалиенации также многообразны: совершенствование системы прав и свобод, социальных гарантий, государственно-партийной и государственно-религиозной идеологии и т.д. Данный процесс относительно бесконечен, детерминирован цивилизационными особенностями сообществ, но, главным образом, развитием производительных сил и производственных отношений, неизбежное революционизирование которых ставит новые проблемы алиенации и деалиенации на пути к общему благу человечества.</p>
<p>Об авторе: профессор, кафедра публичного права e-mail: Levakin@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: отчуждение; общественный договор; конституция; демократия; социализм; теократия; постиндустриальное общество</p>	

Введение

Отчуждение (алиенация) охватывает все сферы человеческой жизни и как социальная проблема исследуется на междисциплинарном уровне¹. Отчуждение имманентное по-

литике и праву – предмет юридической политологии (политологии права), в том числе потому, что, как известно, «закон есть мера политическая, есть политика».

¹ Отчуждение (англ. *alienation*, нем. *Entfremdung*, *Entäußerung*). Отчуждение неизбежный,

углубляющийся процесс (состояние) выхода из-под контроля человека, созданных им производительных сил и социальных институтов.

Основным законом, важнейшим политико-правовым документом современного общества является конституция. Конституция, рассматриваемая в качестве формализованного общественного договора, представляет собой юридический акт отчуждения гражданского общества от государственной власти на определенных, прописанных условиях². Такой общественный договор подразумевает легальность в качестве основы конституционной алиенации и деалиенации³.

² «Согласно теории общественного выбора, которую разрабатывали Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок, конституционный договор – это сговор элит. Даже миллион граждан, не говоря уже о 150 миллионах, не в состоянии о чем бы то ни было непосредственно договориться. Поэтому изначально в заключении пакта участвуют небольшие, организованные и влиятельные группы, которые имеют разные взгляды и интересы. Этот пакт элит всегда выражается в некоем проекте конституции, который потом показывают народу». Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 1994. – С. 32. [Auzan, A.A. Jekonomika vsego. Kak instituty opredelajut nashu zhizn' (The Economy of the Whole. How Institutions Define Our Lives). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 1994. P. 32.]

³ Параллельно и совместно с конституцией существует неформализованный общественный договор, условия которого не прописаны, он и есть постоянный поиск легитимности, выраженный в живом обмене мнениями между властью и обществом, а также между отдельными группами внутри общества: «Этот договор есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность в том смысле, что он налагает на каждого законодателя обязанность издавать свои законы так, чтобы они могли исходить от объединенной воли целого народа, и что на каждого подданного, поскольку он желает быть гражданином, следует смотреть так, как если бы он наряду с другими дал свое согласие на такую волю». Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» / Сочинения в шести томах: Т. 4 ч. 2. – М.: «Мысль», 1965. – С. 87. [Kant, I. O pogovorke «Mozhet byt', jeto i verno v teorii, no ne goditsja dlja praktiki» / Sochinenija v shesti tomah: T. 4 ch. 2. (About the Saying «It May Be True in Theory, but It Is not Suitable for Practice»). Moscow: «Mysl'», 1965. P. 87.]

В настоящей статье осуществлен системный компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации, соответствующих конституциям буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических, религиозных государств. Выделены основные характеристики алиенации и деалиенации, характерные для конституций обществ постиндустриального уровня развития.

* * *

Огромное философское наследие легло в основание сформулированной в Эпоху Просвещения теории общественного договора и сопряженного с ним отчуждения⁴.

К некоему общественному договору обращался еще Платон в диалоге «Критон», когда упоминал об «обязательствах и договорах», согласно которым обязался жить Сократ⁵; о своеобразной алиенации «части населения чуждой гражданству» писал Аристотель⁶. Классическое определение отчуждения от союза с Богом содержится в послании апостола Павла: «Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их» (Еф. 4:18) и т.д. Тем не менее, «идея естественного состояния и тезис о том, что оно отличается полной свободой», которая в дальнейшем была отчуждена государству, –

⁴ Списки литературы, посвященной теории алиенации, можно найти в соответствующих диссертациях. Например, см.: Шетулова Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе / Дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. – Нижний Новгород, 2010. – 309 с. [Shetulova, E.D. Sotsial'no-filosofskii analiz otchuzhdeniia v istoricheskom protsesse / Diss. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk (Socio-Philosophical Analysis of Alienation in the Historical Process). Nizhnii Novgorod, 2010. 309 p.]

⁵ Платон. Критон / Полн.собр.соч. в 15 томах. Т. 1. – Петербург: ACADEMIA, 1923. – С. 95-111. [Platon. Kriton / Poln.sobr.soch. v 15 tomakh. T. 1. (Kriton). Peterburg: ACADEMIA, 1923. Pp. 95-111.]

⁶ Аристотель. Политика / Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 425. [Aristotle'. Politika / Sochineniia v 4-kh tomakh. T. 4. (Politics). Moscow: Mysl'. 1983. P. 452.]

«гипотезы, совершенно чуждые античным и ренессансным текстам»⁷.

Большинство Просветителей достаточно позитивно или нейтрально воспринимали необходимость акта отчуждения прав индивидов, находящихся в догосударственном состоянии (гражданском обществе), в пользу государства по исходному общественному договору.

Т. Гоббс полагал, что отчуждение прав населения государству предотвращает войну всех против всех, создает «реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения ...»⁸. Дж. Локк, учитывая положительные и отрицательные стороны общественного договора, предполагал неотчуждаемость основных прав личности, конституционные ограничения публичной власти: выборы, изменения законов, право на восстановление с целью «осуществления власти народа» и т.д.⁹. Ж.Ж. Руссо был одним из немногих крупных мыслителей, считавших отчуждение негативным фактором общественного договора, с которого пошло обеднение человеческой природы (общественное разделение труда, неравенство и т.п.); критиковал частную собственность, закрепленную общественным договором, как основу отчуждения человека от человека¹⁰.

⁷ Скиннер К. Свобода до либерализма. – СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2006. – С. 29. [Skinner, K. Svoboda do liberalizma (Freedom before Liberalism). SPb.: Izd-vo Evrop. Un-ta v S.-Peterburge, 2006. P. 29.]

⁸ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Избранные произведения: В 2-х т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 133. [Hobbes, T. Leviathan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo / Izbrannye proizvedeniia: V 2-kh t. (Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State). Moscow: Mysl', 1991. Vol. 2. P. 133.]

⁹ Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения в трех томах: Т. 3. – М.: «Мысль», 1988. – С. 390. [Lock, J. Dva traktata o pravlenii // Sochineniia v trekh tomakh: T. 3. (Two treatises on government). – Moscow: «Mysl'», 1988. P. 390.]

¹⁰ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: трактаты. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 197-244. [Russo, J.J. Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty. (About the Social Contract). Moscow: TERRA-Knizhnyi klub; KANON-press-Ts, 2000. Pp. 197-244.]

Г.Ф.В. Гегель, развивая учение об объективации Духа (*Entfremdung*), определял государство как «правовое сообщество и организацию власти на основе конституции ...», а право государства в качестве «утвержденной договорами и получившей признание выгоды»¹¹ и т.д.¹².

Весьма редуцированно главную идею разнообразных интерпретаций теории общественного договора и имманентного ему отчуждения можно сформулировать следующим образом: первобытное, «естественное» состояние гражданского общества, т.е. общества вне государственной организации (*state of nature*), в силу разных причин не устраивало людей (война всех против всех, необходимость сотрудничества и т.п.); для преодоления недостатков такого состояния люди совершили социальный контракт (*social contract*), основной смысл которого заключался в передаче (отчуждении) своих прав государству. Таким образом в рамках общественного договора были отчуждены суверенные права гражданского общества и переданы «правительству»; взамен «естественной свободы» люди получили подкрепленные силой и авторитетом государства гарантии безопасности для себя и своей собственности.

С точки зрения историко-материалистического подхода¹³, естественное состояние

¹¹ Гегель Г.Ф.В. Конституция Германии / Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 139. [Hegel, G.F.V. Konstitutsiia Germanii / Politicheskie proizvedeniia. (German Constitution). Moscow: Nauka, 1978. P. 139.]

¹² Теория отчуждения нашла развитие в трудах младогегельянцев, в частности, К. Маркса. Несмотря на то, что К.Маркс, а затем и марксисты были радикально критичны к теории общественного договора, они сформулировали концепцию преодоления алиенации, подразумевающую переход из «царства необходимости» в «царство свободы» – движение от капитализма к коммунизму. Некоторые аспекты политической алиенации в связи с общественным договором исследованы в трудах теоретиков Франкфуртской школы, экзистенциалистов, французских неомарксистов, неофрейдистов и др.

¹³ Сегодня историко-материалистический подход объединяет, прежде всего, исследователей, не разделяющих методологию постмодерна и прочих разновидностей идеализма.

(интерпретация первобытной жизни) и общественный договор (акт отчуждения прав населения в пользу создаваемого государства) – необходимые фикции антифеодальной естественно-правовой теории¹⁴. Современные государства на практике, через формализованный общественный договор – конституцию, определяют права народа и «правительства», предусматривают возможности алиенации и деалиенации всех конституированных общественных отношений. Данная логическая схема составляет *modus operandi* последующих рассуждений.

1. Буржуазные республиканские конституции первого поколения (США – 1787 г., Франции – 1791 г. и др.) в качестве своего идейного основания восприняли теорию общественного договора (естественного права). Отчуждение гражданского общества от публичной власти в данных конституциях оправдывается движением к результату – «общему благу» (*public good*)¹⁵, которое, тем

не менее, предусматривало разной степени ограничения в политическом общении рабов, женщин, неимущих слоев общества. Для достижения общего блага конституировались товарно-денежные отношения, автономность и свобода личности, формальное равенство субъектов права; ограничение произвола государства, подконтрольность власти гражданам; социальная свобода, равноправие, неотчуждаемые права человека и др. Были предусмотрены механизмы политической деалиенации: выборы, разделение властей, система сдержек и противовесов и др. Крайняя форма борьбы с чрезмерным, неправовым отчуждением граждан от власти предполагала «право на восстание народа против тирании и угнетения»¹⁶. Конституции второго поколения (Мексика – 1917 г., Ирландия – 1937 г., Исландия – 1944 г. и др.), принятые перед или во время Второй мировой войны, запрещают рабство, расширяют права женщин, т.е. распространяют понятие «общее благо» на все более широкий круг лиц, преодолевая их отчуждение от политического общения. Послевоенные конституции демократических государств (ФРГ – 1949 г., Индии – 1949, Франции – 1958 г. и др.) восприняли концепцию неотъемлемых (неотчуждаемых) основных прав и свобод в духе Всеобщей декларации 1948 г. и других международно-правовых актов. Они стали уделять значительное внимание проблеме отчуждения человека не только в политической сфере. Провозглашены гарантии деалиенации от социальных (социально-экономические права), природных (экологические права), духовных благ (культурные права). Несмотря на несомненные достижения некоторых либеральных обществ

¹⁴ «Первоначально люди объединились в государство не по божественному повелению, – писал Г. Гроций, – но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть». См.: Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – С. 166. [Grotius, H. O prave voiny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob»iasniaiutsia estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publicnogo prava: Reprint s izd. 1956 g. (On the Law of War and Peace. Three Books that Explain the Natural Law and the Law of Nations, as well as the Principles of Public Law). Moscow: Ladomir, 1994. P. 166.]

¹⁵ Преамбула Конституции США 1787 г. гласит: «Мы, народ ..., с целью ... закрепить блага свободы ... устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки»; «Для общего блага, для утверждения свободы ...» была принята конституция Польши 1791 г.; Представители французского народа в 1791 г. «образовав Национальное собрание ... устремились к соблюдению конституции и к всеобщему благополучию» и т.д. Отдельный и фундаментальный вопрос: кто определяет, что есть общее благо? Об этом, например, см.: Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном / Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по

экономике». Т. 1 / Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. – М.: «Тaurus Альфа», – 1997. – С. 207-444. [Buchanan, J. Granicy svobody. Mezhdru anarhiej i Levifanom // B'jukenen Dzh. M. Sochinenija. Serija «Nobelevskie laureaty po jekonomike». T.1/Gl. red. kol.: Nureev R.M. i dr. (Boundaries of Freedom. Between Anarchy and LEVIATHAN). Moscow: «Taurus Al'fa», 1997. Pp. 207-444.]

¹⁶ См. французскую «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г. Действие этой декларации подтверждено Конституцией Франции 1958 года и специальным решением Конституционного Совета Франции 1971 года.

(главным образом «золотого миллиарда») по преодолению отчуждения человека во всех сферах общественной жизни, нельзя не отметить глубокую пропасть между конституционными правами и возможностями человека в мире капитализма, жидущуюся на а alienации большинства от средств производства и публичной власти.

2. Советские классовые конституции формально преодолели отчуждение трудового народа от власти и собственности. Так, Конституция РСФСР 1918 г. предполагала преодоление отчуждения в политической и экономической сферах исключительно для трудящихся через диктатуру «городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, национализировавшей средства производства. Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. провозглашали власть «трудящихся города и деревни» в лице Советов депутатов трудящихся; по Конституции СССР 1977 г., Конституции РСФСР 1978 г. власть принадлежала уже всему народу, осуществлялась через Советы народных депутатов. Таким образом, если в первых советских конституциях РСФСР 1918 г. и СССР 1922 г. речь шла об участии во власти только трудящихся, но были и «лишенцы», отчужденные от участия в выборах, то последующие конституции РСФСР 1936 г. и СССР 1937 г. таких ограничений уже не устанавливали. Конституция «общенародного государства» – СССР 1977 г. апеллировала ко всему советскому народу как единой общности, которой были достигнуты гигантские успехи в социальной сфере: право на восьмичасовой рабочий день, на ежегодный оплачиваемый отпуск, на бесплатное медицинское обеспечение, на бесплатное жилье и т.д. В то же время политическая сфера, несмотря на все усилия государственно-партийной идеологии, деградировала: выборность советов, отзыв депутатов, народный контроль и т.п. институты превратились в симулякры советского «общества спектакля»¹⁷. Советский коммунизм – на

практике государственный капитализм – выродился в командно-административную систему, характеризующуюся отчуждением власти от воли большинства¹⁸, средств производства от управления трудящимися¹⁹. Партийно-хозяйственная бюрократия утвердила поистине тотальное отчуждение советского человека в политической и экономической сферах²⁰. Духовная сфера, насколько это было возможно для власти, находилась под контролем цензуры. К концу 90-х годов XX в. процессы а alienации зашли настолько далеко, что советскую социально-экономическую систему поразил глубокий кризис, приведший к краху системы социализма и СССР.

3. Постсоциалистические конституции стран Восточной Европы (Болгарии – 1991 г., Чехии, Словакии – 1992 г., Польши – 1997 г. и др.) и Конституция России 1993 г. мыслились их создателями в качестве актов деа alienации от ценностей либеральной демократии. Данные конституции как формализованные общественные договоры (со всеми недостатками, характерными для общественного транзита) чаще всего получали массовую поддержку населения²¹.

C. Ofertasai M. Iakubovich (The Society of the Spectacle). Moscow: «Logos», 1999. 224 p.].

- ¹⁸ Восленский М. Номенклатура. – М: Захаров, 2005. – 640 с. [Voslenskii, M. Nomenklatura (Nomenclature). Moscow: Zakharov, 2005. 640 p.].
- ¹⁹ Непосредственное отрицание частной собственности – это только «грубый коммунизм». См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. – С. 116. [Marx, K. Ekonomicheskofilosofskie rukopisi 1844 goda / K. Marks i F. Engel's. Soch. – 2-e izd. – Т. 42. (Economic and Philosophical Manuscripts of 1844). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974. P. 116.]
- ²⁰ Джилас М. Новый класс. – Нью-Йорк: Фредерик А.Пререп, 1961. – 245 с. [Dilas, M. Novyi klass (New Class). New York: Frederik A.Preger, 1961. 245 p.].
- ²¹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории посткоммунистическая Россия / Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных про-

¹⁷ См.: Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертасай М. Якубович. – М.: «Логос», 1999. – 224 с. [Debord, G. Obshchestvo spektaklia. Per. s fr. / Perevod

Они были призваны легализовать рыночную экономику, выступить базой социального согласия, преодоления отчуждения народа от власти и собственности, конституировать гражданское общество²². Постсоциалистические конституции суть модели программирования желаемой реальности, идеальные конструкции общественных отношений. Принятые, как правило, на волне декоммунизации²³, они – продукт волеизъявления общества, не всегда хорошо информированного и разбирающегося в политико-экономических вопросах, – и сегодня нереализованные образы будущего. По мере его наступления реальность все более расходится с текстуальными установками: защита собственности – для немногих приватизаторов; свобода слова – для собственников средств массовой информации; социальная защита – для бюрократии и «силовиков» и т.д. Либерально-демократические конституционные ценности во многом дискредитированы; на фоне криминализации власти²⁴, усиливается политическая а alienация чело-

века: слабое гражданское общество отчуждено бюрократией от реального контроля над государством, осуществлен переход от выборной к плебисцитарной демократии. Отчуждение народа от власти прикрито риторикой: в момент завоевания власти и необходимости предела собственности – либерально-демократической, в момент необходимости удержания власти и собственности – консервативно-патриотической. В условиях потери доверия общества к легальным институтам власти, отсутствия механизмов демократической деалиенации вполне реален новый общественный договор, принятый в результате апеллирования лидера (верховного правителя) непосредственно к народу²⁵.

4. Конституции религиозных государств (религиозных организаций в масштабе общества со всеми атрибутами государственной власти) характеризуются тем, что они закрепляют идеологию, в которой человек отчуждает от себя свою человеческую сущность и переносит ее качества на высшее существо – Бога²⁶. В странах с религиозными правовыми системами конституции не считаются основными законами (Иран – 1979 г., Королевство Саудовской Аравии – 1992 г. Республика Мальдивы – 2008 г. и др.), таковым является Коран. Конституции религиозных государств не тождественны общественным договорам светских демократий, т.к. не несут в себе имманентную идею конституционализма (высшей силы конституции), тем более народовластия (царство Божие). Человек в религиозных правовых системах на психологическом уровне отчужден от власти над государством и обществом, ибо верховным правителем предполагается само Божество. Власть человека над собой ограничена

грамм», 2000. – С. 337-368. [Mel'vil', A.Iu. Demokraticheskie tranzity, tranzitologicheskie teorii postkommunisticheskaja Rossiia // Politicheskaja nauka v Rossii: intellektual'nyi poisk i real'nost': Khrestomatija / Otv. red.-sost. A.D. Voskressenski. (Democratic Transits, Transitological Theories Post-Communist Russia). Moscow: MONF; ООО «Izdatel'skii tsentr nauchnykh i uchebnykh programm», 2000. Pp. 337-368.]

²² Договор об общественном согласии в Российской Федерации был заключён в Москве 28 апреля 1994 г. с целью «достичь политической стабильности в обществе, преодолеть социально-экономический кризис, упрочить федеративное устройство, включая национальные отношения, обеспечить безопасность гражданина и общества путём борьбы с организованной преступностью и коррупцией».

²³ Законы о декоммунизации приняты во многих странах Восточной Европы: Польше, Молдавии, Румынии и др.

²⁴ См.: Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 480 с. [Mad'iar, B. Anatomija postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii (Anatomy of a Post-Communist Mafia State. Case of Hungary). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 480 p.]

²⁵ Сурков В. Долгое государство Путина (О том, что здесь вообще происходит) // Независимая газета, № 11, 11.02.2019. [Surkov, V. Dolgoe gosudarstvo Putina (O tom, chto zdes' voobshche proiskhodit) (Putin's Long State (about What Is Happening here at all)) // *Nezavisimaja gazeta*, № 11, 11.02.2019.]

²⁶ См.: Фейербах Л. Сущность христианства / Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1995. – С. 5-376. [Feuerbach, L. Sushchnost' khristianstva / Sochinenija v 2 t. T. 2. (Essence of Christianity). Moscow: Nauka, 1995. Pp. 5-376.]

требованиями господствующей доктрины, лояльность которой – по убеждениям или вынуждено – обязан демонстрировать каждый²⁷. Над конституцией, религиозными и светскими властями, личностью человека довлеет запечатленный в священных книгах миф (аналог фикции общественного договора) о некогда заключенном пророками завете с высшими силами²⁸. Данные договоры определяют принципы существования, зачастую подробности поведения и даже образа мыслей верующих, обещая благо за соблюдение и наказания за их нарушение. Разнообразно толкуя принцип «все в руцях Божьих», «Иншаллах» лидеры религиозных сообществ несут анестезирующую идею отчуждения от «земного», в уповании на потустороннее воссоединение с Абсолютом. С точки зрения светского – другого не может быть – конституционализма, в религиозных государствах человек значимо отчужден от демократических ценностей и либеральных свобод²⁹.

5. Конституции постиндустриальных обществ, отражающие научно-технологические достижения человечества, решают проблему отчуждения на новом, «экзистенциальном» (*existentia*) уровне³⁰. Модернистские конституции (Швейцарии и Финляндии – 1999 г.) уже не в состоянии апеллировать к некоей неизменной сущности (*essentia*) человека при

регулировании общественных отношений, поскольку все более проблематичен вопрос: а что такое человек? На конституционный уровень поднимаются вопросы клонирования, генной инженерии, продления жизни и т.д.³¹. Проблемы новых технологий также пытаются решать на соответствующем технологическом уровне. Современные средства электронной коммуникации и идентификации личности позволяют практически *online* выявлять волю общества, при этом нанося удар по «вечному» продукту отчуждения человека в системе общественного разделения труда – бюрократии³². Дорогостоящие представительские институты в условиях электронного правительства становятся бессмысленными, т.к. народ приобретает свое тождество при принятии решений, направленных на реализацию общего блага непосредственно. Разумеется, механизмы прямой демократии могут быть адекватны только обществам с высокой политико-правовой культурой, в рамках позитивных норм, гарантирующих права и свободы человека, включая меньшинства. В таком случае гражданское общество и публичная власть до определенной степени преодолевают взаимное отчуждение, и человек-гражданин получает реальную возможность стать законотворцем и исполнителем закона, управляющим и управляемым одновременно. Формализованный общественный договор становится уже не актом безусловного отчуждения прав гражданского общества, но лишь «доверенностью» (ее можно отозвать) на их осуществление. Вместе с тем, действи-

²⁷ Например, согласно ст. 13 Конституции Ирана 1979 г. иранские зороастрийцы, иудеи и христиане являются единственными религиозными меньшинствами, которые могут свободно осуществлять свои религиозные обряды в рамках закона. Этот принцип действует в отношении лиц, которые не выступают против ислама и Исламской Республики Иран и «не участвуют в заговорах» (ст. 14). Иран и еще несколько мусульманских стран до сих пор предусматривают в своем законодательстве смертную казнь за атеизм и вероотступничество.

²⁸ В Саудовской Аравии, Республике Мальдивы, Иране конституция не считается основным законом. Таковым является Коран.

²⁹ См.: Свою интерпретацию прав дает Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm

³⁰ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с. [Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* (Meaning and Purpose of History). Moscow: Politizdat, 1991. 527 p.]

³¹ Например, народ Швейцарской Конфедерации через свою Конституцию 1999 г. (с изменениями) недвусмысленно высказался за сохранение тождества человека самому себе: «Человек подлежит защите от злоупотреблений репродуктивной медициной и генной инженерией. Союз (Конфедерация) ...заботится ... об охране человеческого достоинства, личности и семьи и в особенности соблюдает следующие принципы: а) Все виды клонирования и вмешательств в наследственный материал человеческих гамет и эмбрионов недопустимы. б) Нечеловеческий зародышевый и наследственный материал не может вводиться в человеческий зародышевый материал или синтезироваться с ним» (ст. 119 и др.).

³² В 2005 г. Эстония стала первой страной, в которой были проведены общенациональные выборы местных органов власти через Интернет.

тельность подтверждает факт самоотчуждения граждан развитых стран от политики (снижение числа голосующих на выборах, участников политических организаций и т.п.), функции контроля над общественным договором все чаще передаются профессиональному «правительству» или наднациональным политическим субъектам³³.

Заключение

Формализованному общественному договору (конституции) имманентны и неизбежная/порочная алиенация и объективно необходимая/благая деалиенация, проявляющиеся в практике общественных отношений конкретного социума.

1. Конституции либеральных демократий оформляют систему достижения общего блага, в которой, тем не менее, большинство отчуждает свой труд в пользу имущего меньшинства – собственников средств производства, в интересах которых действует публичная власть. Социальный порядок обеспечивает механизм деалиенации, включающий комплекс конституционных прав и свобод.

2. Конституции стран социализма (практика СССР и его сателлитов) исключают из политического общения классово чуждые элементы путем диктатуры или власти трудящихся, но на практике сам «гегемон» отчуждается от власти и собственности бюрократией. Алиенация человека при социализме настолько тотальна, насколько этатизировано гражданское общество. При этом на конституционном уровне закрепляется широкий спектр социальных прав граждан – главное достижение конституционной деалиенации при социализме.

3. Конституции постсоциалистических стран в первую очередь фиксируют результаты приватизации и денационализации – отчуждение общенародной (социалистической)

собственности, затем – конституируют гражданское общество. На практике гражданские институты ослаблены, зачастую отстранены от влияния на политико-экономические процессы господствующей клептократией – советской бюрократией и ее наследниками. Тем не менее, транзитный характер постсоциалистических обществ содержит потенциальную возможность деалиенации, которой могут воспользоваться новые поколения граждан.

4. Конституции религиозных государств поставлены в содержательную зависимость от идеологии священных книг господствующей религии. Подданные, граждане теократий и многих клерикальных государств, как правило, отчуждаются от прав и свобод, закрепленных Всеобщей декларацией 1948 г., в случае их противоречия религиозному канону. В то же время психологические аспекты деалиенации (с материалистической точки зрения – псевдодеалиенации) человека в подобных системах практически безграничны, как бесконечен путь к Абсолюту.

5. Конституции постиндустриальных обществ действуют в условиях социально-технологической, информационной революции, глобальных изменений социума, возможных изменений тождества человека самому себе, поэтому в них существенное внимание уделяется вопросу преодоления отчуждения человека от самого себя, например, через формулирование запретов на трансформацию человеческой природы и т.п.

Общественным договорам (конституциям) стран с разнообразным общественно-политическим устройством имманентны различные виды и формы отчуждения. Поиски путей конституционной деалиенации также многообразны: совершенствование системы прав и свобод, социальных гарантий, государственно-партийной и государственно-религиозной идеологии т.д. Данный процесс относительно бесконечен, детерминирован цивилизационными особенностями сообществ, но главным образом, развитием производительных сил и производственных отношений, революционизирование которых ставит новые проблемы алиенации и деалиенации на пути к общему благу человечества.

³³ Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века). – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – 114 с. [Elektoral'nye protsessy v Evropeiskom soiuze (seredina vtorogo desiatiletiia XXI veka) (Electoral Processes in the European Union. The Middle of the XXI Century Second Decade). Moscow: In-t Evropy RAN, 2016. 114 p.]

Литература:

Аристотель. Политика / Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 425.

Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 1994.

Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном / Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1 / Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. – М.: «Тaurus Альфа», – 1997. – С. 207-444.

Восленский М. Номенклатура. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.

Гегель Г.Ф.В. Конституция Германии / Политические произведения. – М.: Наука, 1978.

Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Избранные произведения: В 2-х т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2.

Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – С. 166.

Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офергасаи М. Якубович. – М.: «Логос», 1999. – 224 с.

Джилас М. Новый класс. – Нью-Йорк: Фредерик А.Прегер, 1961. – 245 с.

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» / Сочинения в шести томах: Т. 4 ч. 2. – М.: «Мысль», 1965.

Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения в трех томах: Т. 3. – М.: «Мысль», 1988.

Мадьяр Б. Анатолия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 480 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1974.

Мельвил А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории посткоммунистическая Россия / Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – С. 337-368.

Платон. Критон / Полн.собр.соч. в 15 томах. Т. 1. – Петербург: АCADEMIA, 1923. – С. 95-111.

Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: трактаты. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 197-244.

Скинер К. Свобода до либерализма. – СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2006.

Фейербах Л. Сущность христианства / Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1995. – С. 5-376.

Шетулова Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе / Дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. – Нижний Новгород, 2010. – 309 с.

Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века). – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – 114 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

References:

Aristotle. Politika / Sochineniia v 4-kh tomakh. T. 4. (Politics). Moscow: Mysl'. 1983. P. 452.

Auzan, A.A. Jekonomika vsego. Kak instituty opredel'jajut nashu zhizn' (The Economy of the Whole. How Institutions Define Our Lives). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 1994.

Buchanan, J. Granicy svobody. Mezhdru anarhiej i Leviafanom // B'jukenen Dzh. M. Sochinenija. Serija «Nobelevskie laureaty po jekonomike». T.1/Gl. red. kol.: Nureev R.M. i dr. (Boundaries of Freedom. Between Anarchy and LEVIATHAN). Moscow: «Taurus Al'fa», 1997. Pp. 207-444.

Debord, G. Obschestvo spektaklia. Per. s fr. / Perevod C. Ofertasai M. Iakubovich (The Society of the Spectacle). Moscow: «Logos», 1999. 224 p.

Dilas, M. Novyi klass (New Class). New York: Frederik A.Pregger, 1961. 245 p.

Elektoral'nye protsessy v Evropeiskom soiuze (sередina vtorogo desiatiletiia XXI veka) (Electoral Processes in the European Union. The Middle of the XXI Century Second Decade). Moscow: In-t Evropy RAN, 2016. 114 p.

Feuerbach, L. Sushchnost' khristianstva / Sochineniia v 2 t. T. 2. (Essence of Christianity). Moscow: Nauka, 1995. Pp. 5-376.

Grotius, H. O prave voiny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob"iasniaiutsia estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava: Reprint s izd. 1956 g. (On the Law of War and Peace. Three Books that Explain the Natural Law and the Law of Nations, as well as the Principles of Public Law). Moscow: Ladomir, 1994.

Hegel, G.F.V. Konstitutsiia Germanii / Politicheskie proizvedeniia. (German Constitution). Moscow: Nauka, 1978. P. 139.

Hobbes, T. Levifan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo / Izbrannye proizvedeniia: V 2-kh t. (Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State). Moscow: Mysl', 1991. Vol. 2.

Jaspers, K. Smysl i naznachenie istorii (Meaning and Purpose of History). Moscow: Politizdat, 1991. 527 p.

Kant, I. O pogovorkе «Mozhet byt', jeto i verno v teorii, no ne goditsja dlja praktiki» / Sochinenija v shesti tomah: T. 4 ch. 2. (About the Saying "It May Be True in Theory, but It Is not Suitable for Practice"). Moscow: «Mysl'», 1965.

Lock, J. Dva traktata o pravlenii // Sochineniia v trekh tomakh: T. 3. (Two treatises on government). – Moscow: «Mysl'», 1988. P. 390.

Mad'iar, B. Anatomiiia postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii (Anatomy of a Post-Communist Mafia State. Case of Hungary). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 480 p.

Marx, K. Ekonomicheskо-filosofskie rukopisi 1844 goda / K. Marks i F. Engel's. Soch. – 2-e izd. – Т. 42. (Economic and Philosophical Manuscripts of 1844). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974.

Mel'vil', A. Ju. Demokraticheskie tranzity, tranzitologicheskie teorii postkommunisticheskaja Rossiia // Politicheskaja nauka v Rossii: intellektual'nyi poisk i real'nost': Khrestomatiiia / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. (Democratic Transits, Transitological Theories Post-Communist Russia). Moscow: МОНФ; ООО «Izdatel'skii tsentr nauchnykh i uchebnykh programm», 2000. Pp. 337-368.

Plato. Kритон / Poln.sobr.soch. v 15 tomakh. T.1. (Kriton). Peterburg: АCADEMIA, 1923. Pp. 95-111.

Russo, J.J. Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty. (About the Social Contract). Moscow: TERRA-Knizhnyi klub; KANON-press-Ts, 2000. Pp. 197-244.

Shetulova, E.D. Sotsial'no-filosofskii analiz otchuzhdeniia v istoricheskom protsesse / Diss. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk (Socio-

Philosophical Analysis of Alienation in the Historical Process). Nizhnii Novgorod, 2010. 309 p.

Skiner, K. Svoboda do liberalizma (Freedom before Liberalism). SPb.: Izd-vo Evrop. Un-ta v S.-Peterburge, 2006.

Voslenskii, M. Nomenklatura (Nomenclature). Moscow: Zakharov, 2005. 640 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10027

THE ALIENATION ALONG THE SOCIAL CONTRACT:
COMPARATIVE ANALYSIS OF BASIC FEATURES
OF ALIENATION AND DEALIENATION
IN THE CONSTITUTIONS OF BURGHIUM-DEMOCRATIC,
SOCIALIST, POST-SOCIALIST AND THEOCRATIC
AND CLERICAL STATES

Igor V. Levakin

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 28.03.2019 <i>Accepted:</i> 25.05.2019</p>	<p>Abstract: In the present work the phenomenon of alienation, accompanied the modern formal social contracts – constitutions, is studied. The constitution, considered a formal social contract, is a legal act of alienation of the civil society and the governmental authority under the certain terms. In the context of methodology of the legal political science (the political science of law), the system comparative analysis of major features of alienation and de-alienation, corresponding to the constitutions of bourgeois – democratic, socialist, post-socialist, theocratic and clerical states, is performed. In the work a historical – materialistic approach, according to which the natural state (the interpretation of primitive living) and the social contract (the act of alienation of people’s rights to the benefit of the establishing state), is used – the necessary fictions of anti-feudal natural legal theory, formulated in the Enlightenment. In practice the modern states define the people’s rights and the “government’s”, provide for the opportunities of flexible alienation and de-alienation of all the constituted social relations through the formal social contract – the Constitution. This logical scheme constitutes modus operandi of all the study, in the result of which the author came to the conclusion that different types and forms of alienation are immanent to the social contracts (constitutions) of the countries with various social and political system; the ways of constitutional de-alienation are various as well: modernization of the system of rights and freedoms, social guarantees, state-party and state-religious ideology, etc. This process is relatively unlimited, determined by the civilizational features of societies, but, mainly, by the progress of productive forces and productive relations, the inevitable revolutionizing of which raises new issues of alienation and de-alienation on the way to the common good of humanity.</p>
<p>About the author: Professor, Department of Public Law e-mail: Levakin@yandex.ru</p>	
<p>Key words: alienation; social contract; Constitution; democracy; socialism; theocracy; post-industrial society</p>	

Для цитирования: Левакин И.В. Об отчуждении по общественному договору: компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации в конституциях буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств // Сравнительная политика. – 2019. – №3 – С. 22-31.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10027

For citation: Levakin, Igor V. Ob otchuzhdenii po obshchestvennomu dogovoru: komparativistskiy analiz osnovnykh chert aliyenatsii i dealiyenatsii v konstitutsiyakh burzhua-demokraticeskikh, sotsialisticheskikh, postsotsialisticheskikh i religioznykh gosudarstv (The Alienation along the Social Contract: Comparative Analysis of Basic Features of Alienation and Dealienation in the Constitutions of Burgium-democratic, Socialist, Post-socialist and Theocratic and Clerical States) // Comparative Politics Russia, 2019, No. 3, pp. 22-31.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10027

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10028

НЕПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОК РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА

Яков Андреевич Пляйс

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">8 февраля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">12 мая 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена анализу тех противоречивых оценок, которые были даны российской Конституции 1993 года по случаю ее 25-летнего юбилея. В фокусе внимания автора находится также статья Председателя Конституционного суда Российской Федерации Валерия Зорькина «Буква и дух Конституции», опубликованная 10 октября 2018 г. в «Российской газете», те идеи, которые в ней содержатся. Обобщая оценки состоявшейся и еще продолжающейся дискуссии, автор приходит к основному выводу: «точечные изменения» для улучшения Конституции – 93 недостаточны. России нужен новый Основной закон, адекватный новым историческим реалиям.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., д.и.н., профессор-исследователь</p> <p>e-mail: uplyas@fa.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Конституция; буква и дух Конституции; новая Конституция; 25-летний юбилей Конституции</p>	

Предыстория Конституции–93

На всенародном референдуме, состоявшемся 12 декабря 1993 г., в России была принята новая Конституция, вступившая в силу 25 декабря того же года после ее опубликования в этот же день в «Российской газете».

Задача создания новой Конституции была поставлена на I съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. во взаимосвязи с принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР. 16 июня в рамках этого же съезда была образована Конституционная комиссия из около ста человек во главе с Борисом Ельциным, недавно избранным председателем Верховного Совета РСФСР. Начиная с этого дня и вплоть до осени 1993 г., было предложено около 20 различных проектов Конституции, но все они по тем или иным причинам были отвергнуты. Вместо принятия новой Конституции в Основной закон, действовавший с 1978

года, раз за разом вносились бесконечные поправки, нередко противоречившие друг другу и духу Конституции, что неизбежно запутывало и усложняло правовое поле. В конце концов это привело сначала к конституционному кризису, а затем и к кризису власти. В сентябре 1993 г. ситуация накалилась до такой степени, что в воздухе запахло грозой, чреватой гражданской войной.

Системный кризис и образовавшееся двоевластие (Верховный совет во главе с Хасбулатовым – президент Ельцин), весьма похожее на двоевластие в последние два года существования СССР (Горбачев – Ельцин), было чревато теми же последствиями (прежде всего разрушением страны), что и то, которое привело к исчезновению СССР.

Особенно острым и тяжелым оказался 1993 год. Это был год ожесточенной борьбы за власть между сторонниками принципиально различных путей развития России,

борьбы, протекавшей на грани перерастания «холодной войны» в горячую. Это было время «кто кого», постоянного перетягивания каната и открытых обвинений противоборствующих сторон в предательстве интересов Родины, антипатриотизме и т.д.

Не продолжая развивать эту тему, отмечу лишь то, что это было время большой Смуты, государственного, политического и идеологического тумана, когда не ясно, куда идти, с кем объединять усилия и пр. Кстати говоря, густой туман того Смутного времени, на мой взгляд, не рассеялся до конца до сих пор. О том, в чем суть этого времени и как из него выбраться, будет коротко сказано ниже.

А в 1993 году, чем дальше, тем очевиднее становилось, что ситуация требует хирургического вмешательства, без которого разрубить образовавшийся гордиев узел стало невозможно. Ситуацию, разумеется, нельзя было доводить до такого состояния, но ни одна из сторон расколовшейся элиты не хотела уступать. Думаю, что Борис Ельцин, не только как президент России, но и как человек, привыкший к решительным прямым (если не лобовым) действиям, ещё задолго до 3-4 октября 1993 г., т.е. до дня силового разгона Верховного Совета РСФСР и ликвидации действующей системы власти – власти Советов, склонялся именно к таким радикальным действиям, опасаясь, очевидно, и того, что он может лишиться власти так же, как это фактически случилось с Горбачевым в августе 1991 года.

Неопределённость ситуации Смуты, неясность в вопросе, куда и как двигаться дальше (вера в преимущества либерального западного пути развития вдохновляла, тогда, как, кстати говоря, и сегодня, на мой взгляд, лишь небольшую, хотя и влиятельную, часть властвующей элиты), не могла не сказаться на содержании новой Конституции. Поэтому, полагаю, правы и те, кто утверждает, что Конституция 1993 года была итогом социального компромисса, а также те, кто убежден в том, что особый либеральный дух нашей Конституции был навеян с Запада. Из антагонистической противоречивости ситуации начала 90-х годов и ее субъективных восприятий образовались и те переко-

сы Основного закона, которые не дают нам покоя до сих пор. Речь идет, прежде всего, о перекосе в сторону президентской власти и власти Центра в ущерб власти регионов и муниципалитетов (см. ст. 71 и 72 Конституции), о чем, как мы убедимся ниже, говорит и Валерий Зорькин¹.

Нешуточные страсти, бушевавшие вокруг проектов новой Конституции более трех лет, казалось бы, улеглись после ее одобрения на референдуме, а после хирургического удаления образовавшегося крайне опасного абсцесса, чуть не закончившегося новой крупномасштабной гражданской войной, ситуация начала будто бы успокаиваться, и это предвещало начало относительно спокойного и поступательного развития уже по нормам и правилам, нового Основного закона.

Но прошло 25 лет – срок совсем немалый по нынешним историческим меркам и быстро меняющейся реальности – но вполне достаточный, чтобы судить о результатах, которые, как мы видим, оказалось далеко не утешительными. Прежде всего с точки зрения социально-экономического развития страны. Почему? Потому, очевидно, что в годы старта что-то было сделано принципиально неверно, и здание, выстроенное на заложенном в начале 90-х годов фундаменте, оказалось непрочным, и фруктовое дерево, посаженное в неблагоприятную почву, не

¹ Здесь мне хотелось бы сослаться и на обоснованное мнение губернатора Приморского края Олега Кожемяко, возглавлявшего до этого три других Дальневосточных региона – Корякский автономный округ (2005-2008 гг.), Амурскую область (2008-2015 гг.), Сахалинскую область (2015-2018 гг.). В интервью «Российской газете» (25.01.2019), обобщая свой многолетний опыт руководства четырьмя весьма сложными регионами, он настойчиво повторял: «Нужно больше полномочий передавать регионам, ничего страшного в этом нет <...> Федеральный уровень должен обеспечивать безопасность, оборону, иные вещи, которые связаны с сохранением государственности <...> Почему нам не ввести правило двух ключей? Когда регион становится непосредственным участником процесса заключения важных договоров, которые влияют на его жизнь <...> По многим моментам полномочия нужно передавать на уровень субъекта».

плодоносит так, как мечтал садовник. Значит что-то не так с почвой: либо не та почва, либо не так удобрена.

Так или иначе, но результат заставляет задуматься над тем, что было сделано не так, как следовало бы сделать с учетом накопившегося советского опыта. Однако победителям, явно переживавшим состояние эйфории, было, как мне представляется, не до того, чтобы хотя бы попытаться осмыслить не только негативный, но и позитивный советский опыт, сделать необходимые выводы и действовать, исходя из этого, а не из того, что *все* в СССР было плохо и неверно, и поэтому *все* надо решительно отбросить и разрушить. Если бы они были грамотнее в знании и понимании не только российской истории, но и всемирной, а также не столь властолюбивы, они задумались бы над этими вопросами. Но заняв оппозиционную позицию в конце 1980-х гг., как в отношении советской власти и коммунистической идеологии, так и в отношении руководства страны, они, на мой взгляд, и помыслить не желали, что прошлый опыт может пригодиться и в новой жизни. Речь идет, конечно, в первую очередь о Борисе Ельцине, который, я убежден, всеми фибрами души ненавидел Горбачева, его тактику постоянных компромиссов, наступлений и отступлений, проб и ошибок. В ситуации, когда было не очень понятно, и никто не знал определенно, что правильно, а что неправильно, где та единственно верная дорога, на которую надо в конечном счете выбраться, когда правящая элита (и партия) были не просто расколоты, а сбиты с толку состоянием великой Смуты, тактика Горбачева была, пожалуй, в основе своей верна, но она требовала значительно большего времени, чем те несколько лет, которые прошли с начала перестройки².

² Мне уже неоднократно приходилось писать о том, как формировалась идеология перестройки, которой у ее архитекторов, изначально, конечно же, не было и, пожалуй, не могло быть по определению, так как это означало, что надо было переосмыслить не только опыт строительства социализма в СССР, но и коммунистическую (марксистско-ленинскую) теорию, что было не только сложнее, чем первое, но и во многом опаснее, поскольку лишало веры, идейного компаса и основы мирозерцания

Нетерпение ультрареформаторов-либералов, вызванное тем, что может быть упущен исторический шанс стать не только первыми, но и великими, непонимание того, что за короткое время (за несколько лет) невозможно переделать то, что сознательно и целенаправленно создавалось в течение более чем семи десятилетий и казалось нескрушимым, толкало их на решительные немедленные действия. Им не терпелось сокрушить все советское, несмотря на то, что в течение этих лет были и великие победы всемирно-исторического масштаба и значения, были и проблемы, трагедии и немалые ошибки, которых достаточно даже в самых успешных и развитых странах. Вся эта историческая мудрость (и ученая, и житейская) должна не только присутствовать в лидерах, особенно в сложные переломные моменты истории, но и быть безусловным руководством к действию. Во многом это зависит от общего уровня образования и знания истории своей страны. Как позитивного, так и негативного. Отсюда следует крайне важный вывод: фундаментальные теоретические знания о закономерностях развития мира и человеческих общностей, особенно цивилизаций, абсолютно важны и нужны всем без исключения руководителям. Тем более, что на их основе у них образуется интуиция, так им необходимая.

Тут, правда, надо сделать одну существенную оговорку, состоящую в том, что достоверность *любой* теории должна проверяться практикой. Далеко не каждая тео-

и, кроме того, подспудно лишало того, что дало когда-то и давало в настоящем власть и все, что к ней прилагалось – благосостояние, привилегии, возможности решать свои проблемы. См., например: Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 99-116. [Pleis, Y.A. Politologiya v kontekste perekhodnoy epokhi v Rossii (Political Science in the Context of a Transitional Era in Russia). Moscow: ROSSPEN, 2010. Pp. 99-116.] (гл. II «Особенности и перспективы современной социальной революции в России»), а также Пляйс Я.А. Марксизм и социальные революции в России: монография. – М.: Центркаталог, 2018. [Pleis, Y.A. Marksizm i sotsial'nyye revolyutsii v Rossii: monografiya (Marxism and Social Revolutions in Russia). Moscow: Tsentrkatolog, 2018.]

рия выдерживает такую проверку. На мой взгляд, и марксистская теория не прошла такую проверку, несмотря на ее всемирно-историческое значение. И, судя по всему, не могла пройти, поскольку изначально была построена на утопическом идеализме, не осуществимом в полной мере в принципе³.

Историческая практика показала, что необходимо не только разнообразие форм собственности, политической и всякой иной деятельности, но и определенное соотношение этих форм, специфическое для каждой страны. Эти особенности определяются внутренней и внешней средой обитания нации, ее историческим опытом, сформировавшимся в процессе развития. Однако необходимо не только соотношение форм жизнедеятельности, но и их баланс. Максимально верно определить это соотношение и этот баланс – задача политической элиты. После такого определения наступает время сформулировать цели и задачи развития страны на конкретный исторический период времени: не только краткосрочные, но и долгосрочные, т.е. и на годы вперед, и на десятилетия.

Обращая внимание читателя на значение теории и важность учета лидерами различных других факторов при принятии решений (особенно связанных с направлением развития страны), надо иметь также в виду, что и в этом случае нетрудно сделать ошибку. Поэтому даже в таком случае лидерам необходимо критично относиться к результатам своей деятельности и, если ошибка становится очевидной, не стесняться ее признать и стремиться исправить как можно быстрее.

Все это было проигнорировано высшей российской политической элитой в начале 90-х годов прошлого века. Наивно полагая, что западный либеральный опыт может быть скопирован в России буквально, т.е. без учета ее национальных особенностей, исторического опыта, менталитета населения, младореформаторы совершили не только

историческую ошибку, но и преступление, отбросив страну на несколько десятилетий назад, в трясины, из которой мы до сих пор не можем выбраться. Однако беда еще в том, что западные подходы младореформаторов отразились и на содержании Конституции-93, ее духе и букве.

Поэтому сейчас задача состоит в том, чтобы осмыслить то, что с нами произошло за прошедшие 25 лет, почему это произошло и как исправить то отрицательное, что было создано за это время.

Противоречивые оценки Конституции-93

По поводу столь важного события, как 25-летие нашего Основного Закона, написан и издан целый ряд серьезных монографий и еще больше статей⁴. Эти труды дополняя-

⁴ Например, увидела свет книга: Конституция Российской Федерации: к 25-летию принятия Основного закона. Текст. Комментарий. Алфавитно-предметный указатель. – М.: Статут, 2018. – 240 с. [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: k 25-letiyu prinyatiya Osnovnogo zakona. Tekst. Kommentarii. Alfavitno-predmetnyy ukazatel' (The Constitution of the Russian Federation: the 25th Anniversary of the Adoption of the Basic Law. Text. Comments Alphabetical Index). Moscow: Statut, 2018. 240 p.] В этой книге кроме текста Конституции опубликовано 14 статей известных юристов и политиков, например, С.В. Степашина, В.Д. Зорькина, П.В. Крашенинникова, В.Ф. Яковлева, С.М. Шахрая, Б.С. Эбзеева и ряда других. В их статьях преимущественно в позитивном ключе оценивается не только само содержание Основного Закона, но и тот потенциал, который в него заложен в контексте будущего развития страны. Серьезным исследованием является также труд: Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления (документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов). Изд. третье, исправленное и доп. – М.: Изд-во РГ, 2018. – 400 с. [Rumyantsev, O.G. Konstitutsiya Devyanosty tret'yego. Istoriya yavleniya (dokumental'naya poema v semi chastyakh ot Otvetstvennogo sekretarya Konstitutsionnoy komissii 1990-1993 godov) (The Constitution of the Ninety-Third. The History of the Phenomenon (Seven-Part Documentary Poem from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990-1993)). Izd. tret'ye, ispravlennoye i dop. Moscow: Izd-vo RG, 2018. 400 p.]

³ Подробнее: Пляйс Я.А. Марксизм и социальные революции в России: монография. – М.: Центркаталог, 2018. [Pleis, Y.A. Marksizm i sotsial'nyye revolyutsii v Rossii: monografiya (Marxism and Social Revolutions in Russia). Moscow: Tsentrkatalog, 2018.]

ют многочисленные статьи и интервью, как ученых, так и целого ряда политиков, начиная с высших руководителей нашей страны, прежде всего президента России В.В. Путина и председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко и заканчивая политиками пониже рангом – министрами.

Что касается первых лиц страны, то оценка большинства из них Конституции однозначно сугубо положительная. Выступая 12 декабря 2018 года в Кремле по случаю юбилея Основного Закона, Владимир Путин назвал Конституцию фундаментом российской правовой системы, документом, ставшим «решающим вкладом в преодоление жесткого политического кризиса и гражданского противостояния начала 90-х», позволившим «избежать катастрофы территориального распада», укрепившей «государственность и суверенитет нашей страны». «Конституция и все ее статьи, – говорил Путин, – это вершина российской правовой системы и одновременно фундамент ее развития... Текст Конституции не содержит пустых деклараций, ее положения действующие, работающие» «Однако, – добавил к сказанному президент, – это не застывшая правовая конструкция, а живой, развивающийся организм». По словам Путина, все проблемы и текущие трудности будут преодолены при движении и соблюдении Конституции. На встрече с Валерием Зорькиным, также состоявшейся в день юбилея Конституции, т.е. 12 декабря, Путин вновь подчеркнул, что ее принятие стало поворотным событием в новейшей истории России, так как она «создала условия для стабильного развития страны». «Демократический, созидательный потенциал Конституции поистине неисчерпаем. И нам еще многое предстоит сделать, чтобы в полной мере воплотить в жизнь ее нормы и ценности», – считает президент России⁵.

Путину фактически вторит председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. В подтверждение такого вывода приведу лишь одну ее оценку. «На все эти основные

запросы людей, – отметила она на встрече с представителями российской печати накануне юбилея Основного Закона, – Конституция дала четкие и понятные ответы. Прошло 25 лет, сегодня уже можно с большой степенью уверенности говорить, что наш основной документ – Конституция – сделан профессионально, ее статьи и положения работают. Я не вижу каких-либо серьезных оснований для того, чтобы они были в какой-то обозримой перспективе пересмотрены. Да, безусловно, вносились изменения в Конституцию, – это все-таки живой документ. Но они не затрагивали основополагающие статьи. Конституция, как фундамент, оставалась неизменной и обеспечивала устойчивость здания, каковым является наше государство»⁶.

Однако не все высшие должностные лица нашей страны так однозначно, как Путин и Матвиенко, оценивают Конституцию – 93. Например, Сергей Миронов – лидер фракции «Справедливая Россия» в Госдуме, считает, что понятие «социального государства» в Основном Законе должно быть раскрыто более полно. А лидер ЛДПР Владимир Жириновский прямо заявляет, что необходимо принять новую Конституцию потому, что «старый костюм сложно перекроить»⁷.

Весьма критичной позиции придерживается также спикер Госдумы Вячеслав Володин. В своем выступлении на встрече Владимира Путина с представителями Совета Федерации и Госдумы в Кремле, состоявшейся 25 декабря 2018 года, он предложил оценить Конституцию РФ на соответствие реалиям настоящего времени, а ее нормы и положения по тому, «насколько они эффективны, насколько сегодня они не утратили свою сущность. Ни в коем случае не заманиваясь на основополагающие положения, но вместе с этим, возможно, найти формат

⁶ Закон прямого действия // Российская газета, 12.12.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/12/12/matvienko-uvazhenie-k-konstitucii-zavisit-ot-togokak-dejstvuiut-vlasti.html>

⁷ Замахина Т. Свежий взгляд // Российская газета, 17.12.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/12/14/reg-cfo/gosduma-obsudila-s-molodezhiu-sozdanie-ekonomiki-budushchego.html>

с участием судей Конституционного суда, ведущих ученых в области конституционного права, экспертов и посмотреть, как Конституция и нормы в развитие Конституции работают сегодня, насколько они соответствуют тем положениям, которые были приняты», – заявил Володин, обращаясь к президенту⁸.

Однако не только по поводу юбилея, но и в последующем Володин продолжал утверждать, что наш Основной закон нуждается в изменениях. Например, 21 января 2019 г. в разговоре с журналистами он отметил, какие изменения назрели. «В законодательстве, – отметил Володин, – было бы правильно более полно раскрыть определение “социальное государство”, так как реализация социальных прав является безусловным приоритетом для общества». С момента принятия Конституции возникло много профессий и форм занятости, многие из которых не полностью охвачены правовым регулированием. В результате, по мнению Володина, права граждан оказываются не защищены.

Расширение полномочий Госдумы и Совета Федерации с целью устранения дисбаланса ветвей власти и исправления крена в пользу исполнительной власти Володин также считает необходимым изменением в Конституции.

Усиление роли Федерального собрания в сфере парламентского контроля над правоприменением также необходимо, считает Володин. «Именно парламент обязан реализовать запрос граждан на соблюдение и максимально полную реализацию их конституционных прав», – заявил он. Следует, в частности, детализировать отчетность правительства перед парламентом именно по вопросам, поставленным Госдумой⁹. Инициативу Володина о необходимости расшире-

ния парламентского контроля поддержала и уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова¹⁰.

Думаю, выводы Володина и его достаточно смелое заявление не случайны. Судя по всему, два года работы в качестве спикера Госдумы, находясь в постоянном тесном контакте не только с буквой, но и с духом Конституции, он неизбежно должен был прийти к таким выводам. Но, может быть и другая причина движет Володиным. Не стану гадать.

Несколько противоречивой позиции придерживается один из разработчиков Конституции-93 С.М. Шахрай. Противоречивой потому, что в одном случае он совершенно определенно защищает и букву, и дух Конституции¹¹, разоблачая попутно мифы, с ней связанные: миф о том, что «наша Конституция – суперпрезидентская»; что Конституция «неудачная», потому что, дескать, в ней слишком много «воздуха» и др. В другом же случае Шахрай не только прочит нашей Конституции «долгие лета», определяющий «образ желаемого будущего страны», но и выражает определённый пессимизм по поводу ее будущего. В интервью, данном главному редактору газеты «Аргументы недели» Андрею Угланову, он в частности отметил: «А вот вопрос власти иначе как с помощью Основного закона не решить. Поэтому я боюсь, что это последний юбилей действующей Конституции»¹². Подтекст сказанного, по-моему, очевиден: сегодняшняя Конституция едва ли доживёт до следующего юбилея, т.е. до своего 30-летия. «В реальности, – пишет Шахрай, – в Конституции заложена модель президентско-парламентской республики со сложной системой сдерживания и противовесов»¹³.

В отличие от Сергея Шахрая другой активный участник конституционного процесса

⁸ Герейханова А. В тесном контакте // Российская газета, 26.12.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/12/25/prezident-prizval-parlamentariev-rabotat-s-regionami.html>

⁹ Подробнее об инициативах В. Володина по изменению Конституции см.: Замахина Т. На контроле у депутатов // Российская газета, 22.01.2019. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/21/volodin-obiasnil-predlozhenie-putinu-po-povodu-konstitucii.html>

¹⁰ Там же.

¹¹ См., например: Шахрай С.В. Четверть века Конституции // Историк. – 2018. – № 12 (48). – С. 72-74. [Shakhray, S.V. Chetvert' veka Konstitutsii (A Quarter of a Century of the Constitution) // *Istoriik*, 2018, No. 12 (48), pp. 72-74.]

¹² Аргументы недели, 2018, № 49, 13-19 декабря.

¹³ Ibid.

начала 90-х годов Виктор Шейнис значительно более определённо оценивает и содержание Основного закона, и его перспективы. Резюмируя его высказывания, скажу, что и к «живой» интерпретации, т.е. фактическому воплощению Конституции, у Шейниса есть серьёзные замечания и претензии. Вывод, который делает Шейнис, не только ясен, но и вполне обоснован. «Конституция-93, – пишет он, – конечно, нуждается в серьёзной реформе, когда и если наше общество захочет и сможет вновь двинуться к демократии, реализовать целевые ориентиры, зафиксированные в первых главах её текста, подтвердить европейский выбор, а не фейковые ориентиры евразийства и особого пути. Перечень изменений, которые следовало бы поставить в центр содержательной дискуссии, велик. Повидимому, адекватным решением было бы переработка большинства глав Конституции (за исключением первых двух), по сути – подготовка и утверждение её нового текста»¹⁴.

Не хотелось бы утомлять читателя дальнейшим цитированием оценок Конституции-93. Как и предыдущие, они очень разные, нередко диаметрально противоположные. Но есть один текст, который заставляет основательно задуматься. Это текст статьи Председателя Конституционного суда России В.Д. Зорькина, опубликованной в «Российской газете» 10 октября 2018 года. Эта статья называется «Буква и дух Конституции».

Содержание vs выводы статьи В. Зорькина

Главный вывод статьи Председателя Конституционного суда Валерия Зорькина «Буква и дух Конституции»¹⁵ состоит в том, что, несмотря на имеющиеся в ней недостатки (в начале статьи перечислены 6 таких недостатков¹⁶), российская Конститу-

ция 1993 года не нуждается в радикальном пересмотре. «Но подобные недостатки, – уверен Председатель Конституционного суда, – вполне исправимы путём точечных изменений, а заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «Живой Конституции». Опора на эту доктрину даёт возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в тексте Конституции Российской Федерации, выявлять его актуальное значение в контексте социально-правовых реалий».

Вполне обоснованно отмечая далее, что «Конституция РФ – не просто итог социального компромисса, достигнутого на определённом историческом этапе», что «если бы это было не так, то на каждом новом этапе развития общества и государства могла возникнуть потребность в новом социальном компромиссе, то есть в достаточно радикальных конституционных изменениях».

Соглашаясь с утверждением автора, что Конституция 1993 г. – это «итог социального компромисса», хочу, тем не менее, отметить, что, то содержание, которое следует далее в статье, совершенно определённо подтверждает, что «точечными изменениями» Основного закона нельзя будет обойтись, а нужны будут радикальные конституционные изменения, или даже принятие новой Конституции.

Каково же то содержание, которое приводит к такому выводу? Обращая внимание читателя на то, что «главным источником напряжённостей в российском обществе является нерешённость социально-экономических проблем, в том числе недостаточная защита социальных прав граждан», что «ожидания и

и противоресов; 2 – крен в пользу исполнительной ветви власти; 3 – недостаточную четкость в распределении полномочий между президентом и правительством; 4 – в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры; 5 – в противопоставлении органов местного самоуправления органам госвласти, чему дает повод конструкция ст. 12 Конституции; 6 – в разграничении предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами.

¹⁴ Шейнис В. Конституция-93: путь, итоги, перспективы // Независимая газета, 12.12.2018. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2018-12-11/6_7460_ideas.html

¹⁵ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета, 10.10.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>

¹⁶ К этим недостаткам Зорькин относит: 1 – отсутствие должного баланса в системе сдержек

даже требования социальной справедливости выходят у населения на первый план и что несправедливости в разных сферах жизни воспринимается людьми крайне болезненно», что наиболее болезненно и остро воспринимается обществом крайне несправедливое распределение бремени проводимых экономических реформ, свидетельством которого является чрезмерное социальное расслоение» (в подтверждение этих слов автор приводит ряд цифр и фактов), Зорькин должен отчетливо понимать и то, результатом чего все перечисленное им в статье возникло.

Отмечая значение права частной собственности, утвердившейся в постсоветской России в результате проведенных преобразований, автор статьи указывает вместе с тем на настоятельную необходимость нахождения разумного баланса и соразмерности «между гарантиями частной собственности, с одной стороны, и защиты социальных прав населения – с другой». Весьма важен также вывод Зорькина о том, что «нам нужна сейчас такая корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правоприменению (доминирующего в сегодняшней теории и практике), которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма¹⁷. То есть нужна правовая теория,

¹⁷ В последнее время о солидаризме и справедливости заговорили многие, в том числе Патриарх Кирилл. А политический обозреватель «Российской газеты» Валерий Выжutowич пишет: «В иерархии социальных запросов российского населения справедливость, несомненно, лидирует. Об этом говорят результаты исследования, проведенного Фондом ИНДЕМ. Они сопоставимы с результатами, полученными Институтом социологии РАН в общенациональном социологическом исследовании мечтаний и целей в жизни российских граждан. Сравнение показало, что справедливость является важной мечтой в российском обществе, а реализации этой мечты граждане ожидают от государства. «В то же время граждане понимают, что государство само несправедливо и поэтому неспособно гарантировать справедливость», – говорит ведущий научный сотрудник Фонда ИНДЕМ Владимир Римский. «Из лозунгов, наилучшим образом выражающих личные мечты российских граждан о будущем страны, наибольшее число сторонников, а именно 45 процентов, получил лозунг «социальная справедливость,

синтезирующая в рамках понятия права итоги индивидуальной свободы и социальной солидарности. Такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию».

Нельзя не обратить внимание читателя и на следующие выводы Валерия Зорькина. Во-первых, на вывод о том, что «российское общество уже достаточно хорошо сознаёт связь между социально-экономическими проблемами, стоящими перед значительной частью наших сограждан и несправедливостью приватизации крупной собственности, проведенной в стране в 90-е годы прошлого века. И это не только ставит под сомнение легитимность сложившейся системы собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями и рисками, но и ведёт к подрыву общественного доверия и справедливости социального устройства в целом».

Следующей «сферой несправедливости» Зорькин оправдано считает коррупцию, в переводе с латыни означающей «разложение, порчу, разрушение». «В данном случае, – пишет Зорькин, – речь идёт о разложении институтов власти, что чревато разрушением той системы общественных отношений, на которую данная власть распространяется».

Хотелось бы также обратить особое внимание читателя на следующие два вывода Председателя Конституционного суда России.

Во-первых, на вывод о том, что «как показывает мировой политический опыт в организационном плане реальная демокра-

равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах». Другие лозунги оказались гораздо менее значимыми для большинства. В частности, каждый из лозунгов о демократии и свободе самовыражения личности, о возвращении России статуса великой державы и об обеспечении стабильности в обществе поддержала примерно четверть опрошенных. Остальные лозунги не получили и пятой доли их поддержки». Выжutowич В. Ностальгия по невозвратному // Российская газета, 25.01.2019. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/24/vyzhutovich-liudii-ocenivaiut-deiatelej-proshlogo-cherez-prizmu-segodniashnih-nadezhd.html>

тия наиболее эффективным образом обеспечивается двухпартийной (двухблоковой) системой, позволяющей сформировать политическую волю основных социально-политических сил как в элитах, так и в массах»¹⁸. Во-вторых, на вывод о том, что «нам необходим поиск новых, более эффективных моделей народовластия».

Не стану более утомлять читателя цитированием из статьи Зорькина, которая заметно отличается от всех его предыдущих. Не только основательной аргументированностью, но и глубиной, смелостью и дальновидностью.

Не считаю возможным и необходимым перечислять также все другие идеи, содержащиеся в анализируемой статье Зорькина. Как и упомянутые выше, они тоже подтверждают мой вывод о том, что «точные изменения» нашей Конституции явно недостаточны. Но прежде чем обосновать такой вывод, сформулирую своё отношение к двум принципиально важным идеям, которые также содержатся в статье Валерия Зорькина. Это, во-первых, его идея о целесообразности нашего перехода к двухпартийной (двухблоковой) партийно-политической системе¹⁹ и, во-вторых, о том, что «нам необходим поиск новой, более эффективной модели народовластия». Что касается первой идеи, то на мой взгляд, в обозримом будущем она в нашей стране не может реализоваться, если только не создать искусственно и императивно необходимую для этого ситуацию, инициировав сверху «левую» и «правую» партию или блок. Однако искусственные конструкции, во-первых, недолговечны, а, во-вторых, малоэффективны. Отечественный исто-

рический опыт, в том числе недавний, это убедительно доказывает.

Для двухпартийности (или двухблоковости) у нас нет ещё необходимой социальной опоры, так как она не успела ещё сформироваться. Нет также соответствующей идеологической базы и требуемой политической культуры, поэтому говорить о переходе к двухпартийности, по моему мнению, явно преждевременно. Не уверен, что это будет возможно и в отдалённом будущем. Хотя в идеале такая система, безусловно, более эффективна, чем другие. Также как более эффективна парламентская республика, чем президентская. Но и до парламентской республики мы, к сожалению, также еще не доросли. Как, кстати говоря, не доросли и те страны СНГ, которые стремятся сейчас ее утвердить. Например, Армения и Кыргызстан. Для этого нужна другая, более высокая политическая культура населения и особенно электората и другой исторический опыт. И культура, и опыт формируются очень долго и не только на основании академических знаний политического характера о прогрессивности такой системы в других странах. Для этого необходима способность населения аргументировано ориентироваться и принимать обоснованные решения по поводу программ политических партий о особенно их адекватности требованиям времени и интересам большинства населения страны, а также такой же адекватности лидеров партии и особенно их способности возглавлять не только партию, но и страну в случае победы этой партии на парламентских выборах. У нас такой культуры также еще нет. Поэтому, если такие идеи витают сейчас в головах некоторых наших реформаторов, то они должны знать, что этому овощу время еще не пришло. И едва ли придет, если не забывать о нашем историческом опыте.

Вторая идея Зорькина о том, что нам необходим «поиск новой, более эффективной модели народовластия», на мой взгляд, значительно более плодотворна. Но с той только поправкой, что, во-первых, новая модель нужна всем странам, а не только нам. И, во-вторых, что надо вообще разобраться в сути явления демократии и особенно его современном воплощении. Полагаю, в связи

¹⁸ После публикации статьи Зорькина тему двухпартийности (двухблоковости) начали активно обсуждать и в СМИ (см., например: Угланов А. Об исканиях и страхах российских элит // Аргументы недели, 10.11.2019, а также в этом же номере: «Об итогах съезда “Единой России” и Общероссийского народного фронта».

¹⁹ Кстати говоря, о переходе к двухпартийности с левой и правой партиями в 1996 г., незадолго до президентских выборов говорил в одном из своих телевизионных интервью и Борис Ельцин. Но в прошедшие 20 с лишним лет никто об этой идее не вспоминал.

с этим, что нашим ученым-обществоведам различных научных специальностей надо постараться в этой проблеме фундаментально разобраться, особенно в сущности современной демократии, все больше переходящей в цифровое измерение. В любом случае ясно, что несмотря на безусловное значение демоса (народа) как основного (не единственного, как записано в нашей Конституции, а основного) источника власти, повседневная власть (кратос) принадлежит вовсе не ему, а политико-административной элите и другим субъектам (как одушевленным, так и неодушевленным, например, партиям, деньгам, средствам информации, идеологии и др.).

Теперь выскажу своё мнение, почему России нужна новая Конституция, к чему я все больше склоняюсь. Если исходить из того, что верно констатировал в своей статье Валерий Зорькин (а именно от этого и следует, конечно же, отталкиваться), и от того также, что мною было воспроизведено выше, то исправить сложившиеся за прошедшие 25 лет ситуацию можно, к сожалению, только лишь радикальными мерами и только с новой Конституцией.

Исправить образовавшуюся в результате приватизации крупной собственности в 1992 г. несправедливость, устранить опасные социальные расслоения, бедность десятки миллионов наших сограждан, которая является величайшим позором для самой богатой природными ресурсами страны в мире, искоренить чудовищную коррупцию, которая, как ржа, разъедает всю общественную и государственную жизнь, заложить основы новой модели демократии и новой политической системы, также как новой системы ценностей общественных и властных отношений, новой системы элитообразования, новой структуры собственности и взаимоотношений между частной, общественной, государственной и другими видами собственности, можно только если условия для всего перечисленного выше будут зафиксированы в новой Конституции. Без таких фундаментальных изменений в нашем фундаменте никакого прорыва в нашем развитии не получится. Я, разумеется, прекрасно понимаю, что значит принятие

нового Основного закона, созданного на радикально новых принципах. Понимаю также, каких усилий и какого времени потребует от очень большого числа специалистов переработка всего государственного законодательства.

Но если это не сделать, мы не сможем выйти на широкую и твердую дорогу устойчивого развития и хорошего благополучного будущего у нашей страны точно не будет. В связи с этим не могу не привести обширную цитату из заключительной части статьи Зорькина, под каждым словом которой есть все основания подписаться. «Сейчас же нам нужно признать, – пишет он, – что Россия ещё не выработала такую стратегию развития, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое претендует наша страна. Если попытаться сформулировать общие контуры подобной стратегии, то я бы сказал так.

Надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный, можно сказать, выкованный, суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей «общей судьбой на своей земле», на основе конституционных принципов правового, демократического и социального государства, с созданием конкурентной экономической и политической среды. Частная конкуренция в сфере экономических и, что не менее значимо, политических отношений – это современное преломление главного принципа диалектики, согласно которому единство и борьба противоположностей является источником всякого развития. Без этого стране грозит очередной застой, опасные последствия которого мы уже испытали на своём опыте.

Без всего перечисленного мы не обеспечим решение той генеральной задачи, которую уже более полутора столетий пытались решить поколения российских правоведов и политиков – задачи России взять правовой барьер и, значит, полноценно жить по Конституции. А без решения этой генеральной задачи Россия не сможет обрести своё новое

высокое и прочное место во всё более сложном и далеко не благостном глобальном мире».

Некоторые выводы

Заключительную часть статьи я хочу посвятить весьма важным замечаниям методологического характера. Смысл первого из них состоит в том, что программные документы, будь то Конституция страны или программа политической партии, не должны быть пространными. По той простой причине, что, чем они многословнее, тем быстрее они устаревают и тем больше в них смысловых ошибок, которые трудно исправить и достаточно трудно однозначно интерпретировать. Лаконичность даётся не просто, но она намного ценнее многословия. В качестве примера сошлюсь на весьма краткую Конституцию США, действующую уже более двухсот (!) лет. Поправки, которые были приняты за прошедшие столетия, мало меняли ее суть.

Подробные трактовки тех или иных статей Конституции должны содержаться в конкретных законах, которые в любом случае приходится разрабатывать и принимать и которые легче корректировать. Поэтому прежде чем писать текст Конституции, надо договориться о методологии её разработки, а также о принципах, в нее закладываемых. И ещё об одном крайне важном моменте, практически проигнорированном в 1993 году. Конституция не должна писаться под интересы одного человека, пусть даже президента и системы его власти. Конституция должна разрабатываться под интересы общества и государства, и для того, чтобы не ошибиться в их характеристиках, надо хорошо знать и то, и другое, а также тренды их развития. Но особенно важно знать, на какой системе ценностей Основной закон должен базироваться. Кроме того, надо хорошо представлять себе, в каком направлении и общество, и государство объективно развиваются. Иначе говоря, Конституция не только должна создавать благоприятные условия для плодотворной жизни и деятельности общества и государства в данный исторический отрезок времени, но и должна

создавать условия для поступательного развития страны.

Исходя из всего выше сказанного, напрашивается следующий вывод. Нынешние реалии, новое состояние российского общества и государства, новое состояние мира, новое осознание всех перечисленных факторов и, наконец, фактически неверная методология разработки Конституции 1993 года (преимущественно под конкретную систему личной власти) подводит нас к выводу о том, что России нужна новая Конституция. Несмотря на огромный объем предстоящей работы, на этот шаг надо решиться. Если это не сделать, то те проблемы, которые накопились в социально-экономическом и политическом развитии за прошедшие 25 лет, о которых так убедительно рассказал в своей статье Валерий Зорькин, нельзя будет разрешить. Как Председатель Конституционного суда России и как, образно говоря, главный охранитель Основного закона страны, он, разумеется, не мог сказать, что нам нужна новая Конституция, что без нее нельзя решить те фундаментальные проблемы, о которых он говорит в своей статье. Если он не может сказать это по определению, то кто-то это ведь должен сказать.

К сказанному хотелось бы добавить еще следующее. Раз уж мы оказались в явно затянувшейся экономической стагнации, которую никак не можем преодолеть, несмотря на Стратегию – 2010 и 2020, национальные проекты и пр., то давно пора подумать, не имеет ли к этому отношение действующая Конституция, закрепившая властные, имущественные и всякие другие нормы нашей жизнедеятельности. Подумать, решиться и ситуацию исправить.

В завершающей части статьи, хочу ответить также на вопрос, который, полагаю, интересует читателей: почему она называется «Непрочный фундамент»?

Ответ на самом деле достаточно простой. Фундаментом законодательства, законодательной пирамиды любой цивилизованной страны является Конституция, не случайно называемая также Основным Законом. От его прочности и адекватности реалиям зависит и прочность, и долговечность всей пирамиды, всего здания. Наша

Конституция – фундамент недостаточно прочный. Потому, что те фундаментальные недостатки, которые в ней содержатся, не позволяют ей быть такой. Речь идет не только о тех недостатках, которые называет в своей статье Валерий Зорькин. Они вовсе не главные, хотя, безусловно, весьма важные. Главные недостатки нашей Конституции, с моей точки зрения, состоят, во-первых, в том, что статьями 9 и 135 они фактически закрепляют незыблемость итогов чудовищно несправедливой приватизации 1992 года и отчуждают общество от природных богатств – основного источника его благосостояния; во-вторых, в том, что отчуждение высшего лица в государстве – президента от его должности становится (даже если для этого есть все основания) практически невозможным; в-третьих, в реальном запрете государственной идеологии (системы идейных и материально-этических ценностей), без которой Россия, как страна с явной глобальной миссией (и это не раз доказывала история) не может существовать. В этом, т.е. в невозможности осуществлять глобальную геополитическую миссию без государственной идеологии, заключается ответ на третий фундаментальный недостаток. В отношении первых двух недостатков скажу следующее. Несправедливость приватизации 1992 г. надо срочно исправить, что нельзя осуществить без изменения 9-й и 135-й статей Конституции. Природными богатствами должен владеть народ и для этого надо осуществить социализацию (национализацию) недр. Но государство должно отвечать за то, чтобы использование этих богатств было максимально рачительным, не хищническим, как нередко происходило в советское время. Но и общество также не должно быть безучастным к тому, как эксплуатируются природные ресурсы, за счет которых он главным образом живет. Этим должен постоянно заниматься народный контроль, разнообразные структуры гражданского общества.

В основе отношения к природным ресурсам должен лежать незыблемый принцип: «То, что создано Богом, природой, должно принадлежать всем людям, а не одному человеку и даже не группе лиц. Оно не должно

ни покупаться, ни продаваться. А то, что создано самим человеком (или группой людей), ему (или им) и должно принадлежать. И никто не должен иметь право это у него (или у них) отнимать или на них покушаться». Но в основе Конституции должны лежать и другие принципы, которые надо определить экспертному сообществу вместе с гражданским обществом.

Но также должно быть ясно, что неотъемлемое право частной собственности не должно становиться источником нечистоплотной наживы, эксплуатации (и тем более сверхэксплуатации, как это часто происходит) для одного человека или группы лиц. Несправедливость, которая из этого вырастает, не дает людям покоя, вызывает у них закономерное естественное чувство протеста и желания изменить ситуацию. Неистребимые, природой данные человеческие инстинкты – жадность, алчность, корыстолюбие, властолюбие и пр. – должны контролироваться, ограничиваться и пресекаться обществом, властью (социальным государством и гражданским обществом). Им не следует потакать, поскольку они в конечном счете разрушительны. В том числе для их обладателей.

Именно по этой причине итоги несправедливой, фактически грабительской приватизации 1992 г. надо отменить, несмотря на всю сложность этой процедуры. Можно сделать и иначе: заставить разбогатевших на чужом добре олигархов выкупить свою собственность по реальной, а не фиктивной цене 1991 года. Если не согласятся, национализировать ее, оставив им то, что они реально создали за прошедшие годы.

Что касается другого недостатка – возможности отчуждения неадекватного или не исполняющего свои обязанности (или нездорового) президента от должности, то не по Конституции это должно осуществляться, где только должно быть сказано, что президент может быть отрешен от должности, а по специальному федеральному закону. Закон «О выборах Президента Российской Федерации» существует и действует, а «Закона об отрешении от должности Президента Российской Федерации» нет. Каждый желающий стать президентом страны, дол-

жен знать с самого начала, что его могут от- решить от должности так же, как избрать. Он должен также знать, что статусом непри- касаемого он не обладает, что он в соответ- ствии с принимаемой им присягой должен служить стране, а не клану, не семье, не себе или еще кому-то. «Не можешь, не способен, не хочешь, заболел, устал – уйди, освободи место» – таким должен быть принцип. В президентской республике, в которой главное лицо в стране обладает колоссаль- ными полномочиями и возможностями, не должно быть иначе.

Утверждая все то, что сказано выше, я отдаю себе ясный отчет, насколько это трудно реализовать. Однако, если на кону стоит судьба страны, то о трудностях надо забыть, их надо преодолеть.

При работе над новой Конституцией все самое ценное из Основного Закона 1993 года также надо учесть. А ценного в ней не- мало. Например, глава 2, в которой говорит- ся о правах и свободах человека как высшей ценности. И напоследок еще об одном. Так сложилась наша история, что фактически почти у каждого нашего первого лица госу- дарства, кто достаточно долго находился у власти, была так сказать «своя» Конститу- ция – Ленинская 1918 года, расширенная в 1924 году, Сталинская 1936 года, Брежнев- ская 1977 года, Ельцинская 1993 года. Но ни одна из них, к великому сожалению, не оказалась настоящим Основным законом, достаточно реалистичным и разработанным так, чтобы служить долго и войти в народ- ную жизнь. Пусть будет и Путинская. Мо- жет быть, она станет именно тем докумен- том, каким и должен быть Основной закон нашей страны.

Литература:

Конституция Российской Федерации: к 25-летию принятия Основного закона. Текст. Комментарий. Алфавитно-предметный указатель. – М.: Статут, 2018. – 240 с.

Пляйс Я.А. Марксизм и социальные революции в России: монография. – М.: Центркаталог, 2018.

Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 99-116.

Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления (документальная поэма в семи ча- стях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов). Изд. третье, исправленное и доп. – М.: Изд-во РГ, 2018. – 400 с.

References:

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: k 25-letiyu prinyatiya Osnovnogo zakona. Tekst. Kommentarii. Alfavitno-predmetny ukazatel' (The Constitution of the Russian Federation: the 25th Anniversary of the Adoption of the Basic Law. Text. Comments Alphabetical Index). Moscow: Statut, 2018. 240 p.]

Pleis, Y.A. Marksizm i sotsial'nyye revolyutsii v Rossii: monografiya (Marxism and Social Revolutions in Russia). Moscow: Tsentrkatolog, 2018.

Pleis, Y.A. Politologiya v kontekste perekhodnoy epokhi v Rossii (Political Science in the Context of a Transitional Era in Russia). Moscow: ROSSPEN, 2010. Pp. 99-116.

Rumyantsev, O.G. Konstitutsiya Devyanosto tret'yego. Istoriya yavleniya (dokumental'naya poema v semi chastyakh ot Otvetstvennogo sekretarya Konstitutsionnoy komissii 1990-1993 godov) (The Constitution of the Ninety-Third. The History of the Phenomenon (Seven-Part Documentary Poem from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990-1993)). Izd. tret'ye, ispravlennoye i dop. Moscow: Izd-vo RG, 2018. 400 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10028

WEAK FOUNDATION:
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ASSESSMENTS
OF THE RUSSIAN 1993 CONSTITUTION

Yakov A. Pleis

*Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 08.02.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 12.05.2019</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the analysis of the controversial assessments of 1993 Russian Constitution made at its 25th anniversary. Author also focuses on the ideas contained in article “The letter and spirit of the Constitution” by the President of the Constitutional Court of the Russian Federation, published on October 10, 2018 in <i>Rossiyskaya Gazeta</i>. Summarizing the assessments of the ongoing discussion, author comes to the main conclusion: light changes are not enough to improve the 1993 Russian Constitution. Russia needs a new basic law, adequate to the new historical realities.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, Dr. of History, Professor</p> <p>e-mail: yplyas@fa.ru</p>	
<p>Key words: 1993 Russian Constitution; letter and spirit of the Constitution; new Constitution; 25th anniversary of the Constitution</p>	

Для цитирования: Пляйс Я.А. Непрочный фундамент: компаративный анализ оценок российской Конституции 1993 года // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 32-45.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10028

For citation: Pleis, Yakov A. Neprochnyy fundament: komparativnyy analiz otsenok rossiyskoy Konstitutsii 1993 goda (Weak Foundation: Comparative Analysis of the Assessments of the Russian 1993 Constitution) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 32-45.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10028

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РФ И ЕС НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Руслан Салихович Мухаметов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">5 февраля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена изучению «мягкой силы» России в ближнем зарубежье в сравнении с «нормативной силой» Евросоюза. Работа состоит из двух частей. Первый раздел посвящен категориальному осмыслению понятия «мягкая сила». Много внимания уделено ресурсам, производящим «привлекательность». Показано, что не существует универсальных компонентов «мягкой силы». Во второй части работы рассматривается «мягкий» компонент российской внешней политики на постсоветском пространстве. В академических и экспертных кругах существует мнение, что у России «мягкая сила» плохо развита (в сравнении с европейскими государствами). В статье показано, что данный тезис не корректен: российские внешнеполитические нормы и принципы в глазах большинства постсоветских государств выглядят более привлекательными, чем Евросоюза.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>доцент, кафедра политических наук</p> <p>e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Россия; ЕС; «мягкая сила»; «жесткая сила»; внешняя политика; постсоветское пространство; СНГ</p>	

Приоритетным географическим направлением внешней политики России, исходя из Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 года, являются страны СНГ или, как принято говорить, страны ближнего зарубежья. Считается, что все постсоветское пространство составляет зону ее жизненно важных интересов. Эти интересы объективны и обуславливаются географическими, экономическими, историческими, культурными факторами.

Для реализации своих национальных интересов Москва обладает рядом инструментов внешней политики, особое место среди которых занимает «мягкая сила». Прежде, чем перейти к анализу современного состояния российской «мягкой силы» в ближнем зарубежье, необходимо определиться с категориальным аппаратом.

Концепция «мягкой силы» более четверти века является одним из наиболее часто употребляемых понятий во внешнеполитическом дискурсе. Данный термин был

введен в оборот в 1990 году американским политологом-международником Джозефом Наем. Данный термин быстро распространился за пределы страниц политологических журналов и вошел в лексикон правительственных чиновников. С его точки зрения, «мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами¹. В другой работе Дж. Най предлагает несколько иное определение: это сила, которая заставляет других хотеть того же, что и вы, через привлечение, а не принуждение.

¹ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 33-41. [Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia (Soft Power and US-European Relations) // *Svobodnaia mysl'* – XXI, 2004, No. 10, pp. 33-41.]

Мягкая сила основывается на способности формировать предпочтения других через привлекательность политического лидера, национальной культуры, политических ценностей и институтов, а также политику, которая считается законной или имеющей моральный авторитет².

Однако, как это часто бывает, по мере распространения этого термина его стали трактовать иначе, чем делал автор, и он стал применяться в обстоятельствах, весьма отличных от тех, которые существовали в момент его возникновения. Этому способствовало то, что определение понятия «мягкая сила» у самого Дж. Най носит достаточно широкий характер. Некоторые ученые критикуют концепцию за «отсутствие академической проработанности» и «аналитическую расплывчатость». В этих условиях возникло множество его трактовок. Например, О.Г. Леонова выделяет силовую, влиятельный (инфлюентный), технологический, коммуникативный, конструктивистский, романтический, инструментальный и ресурсный подходы к пониманию сущности³. С точки зрения П.Б. Паршина, в российском внешнеполитическом ведомстве возобладал технологический подход, в то время как позиция Дж. Най – ресурсный подход⁴. Мы разделяем точку зрения исследователя.

Как нам представляется, «мягкая сила» государства – национальные ресурсы, которые способны вызвать чувство симпатии (положительные эмоции) у зарубежной ау-

дитории к государству, а также содействовать межгосударственному сотрудничеству, достижению согласия и снятию сопротивления в отношении спорных вопросов.

Дж. Най разводит «мягкую» и «жесткую» силу. В последнюю он включает использование государством военной силы и экономической мощи для изменения внешнеполитического курса другого государства в нужном направлении. Мы не разделяем данный тезис, т.к. считаем, что один и тот же ресурс может производить как «твердую», так и «мягкую» силу. Например, военные, которые обычно считаются типичным ресурсом «жесткой» силы, могут как принуждать одних лиц, так и привлекать других, когда они принимают участие, например, в миротворческих операциях или оказании помощи при ликвидации стихийных бедствий в других странах. В зависимости от контекста реализации экономическая мощь может быть либо «жесткой», либо «мягкой». Введение торгового эмбарго против некой страны с целью заставить ее отказаться, например, от создания ОМУ, будет относиться к «жесткой» составляющей. Однако предоставление иностранной помощи для сокращения масштабов нищеты в наименее экономически развитых странах, устранения там угроз безопасности человека (например, болезней), – это совсем другое дело. Государство-донор имеет имидж (или одну из его составляющих) как страны, которая стремится построить более безопасный, более благополучный мир для всех.

Ресурсы «мягкой силы» или, как их иногда называют, источники, – активы, которые «производят привлекательность». К ним можно отнести:

1) внешнеполитические нормы и ценности государства. Например, в странах «третьего мира» многие люди рассматривали СССР как лидера угнетаемых и эксплуатируемых народов, а на Западе видели в советской модели жизнеспособную альтернативу капитализму. Сегодня отстаивание Китаем и Россией примата принципа государственного суверенитета над правами человека делают их естественным выбором для многих авторитарных режимов в поисках иностранных союзников.

² Nye, J. Jr. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, pp. 94-109.

³ Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // *Обозреватель-Observer*. – 2015. – № 2. – С. 82-88. [Leonova, O.G. Interpretatsiia poniatiia «miagkaia sila» v nauke (Interpretation of the Concept of «Soft Power» in Science) // *Obozrevatel'-Observer*, 2015, No. 2, pp. 82-88.]

⁴ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО Университета*. – 2014. – № 2. – С. 16. [Parshin, P.B. Dva ponimaniia «miagkoi sily»: predposylki, korreliaty i sledstviia (Two Understandings of «Soft Power»: Assumptions, Correlates, and Consequences) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 2, p. 16.]

2) модель развития, направление движения государства. Можно обозначить, например, такие модели развития, как «Вашингтонский консенсус» (макроэкономическая политика, которая предполагает либерализацию внешней торговли, снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, свободный обменный курс национальной валюты, приватизацию и дерегулирование экономики) или «Пекинский консенсус» (это модель политико-экономического развития, состоящий из таких компонентов, как проведение поэтапных реформ, создание государственного капитализма и экспортно-ориентированной экономики, установление авторитарного правления). Последний рассматривается сегодня многими в развивающихся странах в качестве жизнеспособной альтернативы западной модели развития. Во второй половине XX века такой альтернативой был выбор (иногда – не совсем добровольный) социалистического пути. Одними из показателей успешности модели развития являются научно-технологические достижения, а также спортивные победы. Так, успехи советской космической программы, которая вывела в космос первый объект (Спутник в 1957 году) и первого человека в космосе (Юрий Гагарин в 1961 году), доказывали преимущества пути социализма.

Вышеназванные ресурсы являются основой для подражания со стороны других государств. Механизм этого заключается в следующем: если вы успешно выполнили свою работу, то другие, которые делают аналогичную работу, будут стремиться учиться у вас, копировать у вас то, что, по их мнению, лежит в основе вашего успеха. В международных отношениях другие государства могут частично или полностью перенять опыт, политику, институты, идеологию, ценности, способные привести их в ряд успешных (экономически развитых) стран. Другими словами, привлекательность набора ценностей, модели развития могут побудить другую страну подражать из-за ее стремления достичь этих результатов. Сила притяжения может проявляться в стремлении иных стран имитировать определенную политику или подход.

Необходимо отметить ряд моментов. Первый – подражание не всегда автоматически приводит к согласию между государствами. Оно скорее действует против подозрительности и враждебности, способствуя взаимопониманию и сотрудничеству. Второй – данное понимание основано на предположении, что существует связь между привлекательностью и способностью влиять на других в международных отношениях, изменяя внешнеполитический курс государства. Это может быть верным на индивидуальном уровне (в межличностных отношениях), но как это работает в сфере межгосударственных отношений, эта тема дальнейших исследований.

3) культура (кинематограф, музыка, литература, национальная кухня). У некоторых людей просмотр кинопродукции, чтение книг, прослушивание музыкальных произведений вызывает желание и тягу изучить подробнее важные элементы национальной культуры того или иного государства.

4) внешнеполитические действия. Это целенаправленные действия, предпринимаемые государством для формирования положительного имиджа (например, ответственного, миролюбивого члена международного сообщества). Однако эти действия, на наш взгляд, не производят «мягкую силу» напрямую. Они направлены на установление и/или укрепление дружественных отношений, связей взаимопонимания между народами.

К таким внешнеполитическим шагам можно отнести оказание помощи в целях развития (см. *Таб. 1*).

Таблица 1

Топ-3 государств по содействию экономическому развитию

Государства	2015 (в млрд. долл. США)	2014 (в млрд. долл. США)
США	31 793	33 864
Германия	19 641	19 347
Великобритания	18 809	19 917

Table 1. Top 3 countries to promote economic development
Source: *Development Aid in 2015 Continues to Grow Despite Costs for In-donor Refugees. Mode of access: <http://www.oecd.org/dac/stats/ODA-2015-detailed-summary.pdf>*

С точки зрения политического реализма, иностранная помощь рассматри-

вается как инструмент внешней политики государства, цель предоставления которой состоит в изменении поведения страны-получателя. В такой трактовке она применяется либо для вознаграждения за проводимый внешнеполитический курс, либо в качестве стимула для изменения поведения на международной арене. В данном случае это «жесткая сила». В то же время иностранная помощь может быть использована для завоевания сердец и умов населения, для поддержания дружественных отношений с иностранными правительствами, налаживания сотрудничества.

Другим внешнеполитическим действием является оказание помощи жителям в случае стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. Как правило, гуманитарные грузы включают набор продуктов, медикаменты, одеяла, гигиенические средства и т.д. Так, например, после цунами декабря 2004 года, в результате ударов которого погибло около 200 тысяч человек в Юго-восточной Азии, Вашингтон предоставил помощь девяти пострадавшим странам на сумму более 840 млн долларов, половину из которых получила Индонезия.

Наконец, можно выделить и посредничество в мирных переговорах. Так, например, Норвегия позиционируется в качестве международного миротворца, посредника в установлении мира. Она берет на себя роль посредника в отдаленных внутригосударственных конфликтах, где она не имеет непосредственного интереса. Так, при посредничестве Норвегии в феврале 2002 года правительству Шри-Ланки и представителям тамильской сепаратистской организации «Тигры освобождения Тамил илама» удалось заключить соглашение о прекращении огня. С того времени широкомасштабные бои между ланкийской армией и «тиграми» в Шри-Ланке не ведутся.

В завершении рассмотрения концепции «мягкой силы», стоит сказать об одной ее особенности – отсутствие универсальных ресурсов. Может получиться так, что какой-то источник мягкой силы оказывает положительное влияние на одни страны, а для вторых – он неприемлем. Например, основные западные ценности (демократия, свобода и

права человека), какими бы привлекательными или даже достойными восхищения они ни были, не обязательно могут быть приемлемыми или достижимыми в других странах.

Таблица 2

Место России в рейтинге The Soft Power 30

Страна	2015	2016	2017	2018
Россия	30+	27	26	28

Table 2. Russia's place in the Soft Power 30 rating
Source: The USC Center on Public Diplomacy. The Soft Power 30 Rating. Mode of access: https://soft-power30.com/country/russian-federation/?country_years=2016%2C2017%2C2018

Переходя от категориального рассмотрения понятия к анализу современного состояния российской «мягкой силы» в целом, то можно констатировать ее низкий уровень (см. Таб. 2). Что касается ближнего зарубежья, то отечественные эксперты (Э. Соловьев⁵, А. Казанцев и В. Меркушев⁶) также высказывают тезис о дефиците и слабости российской «мягкой силы».

Как нам представляется, Россия сохраняет центральное положение аттрактора на пространстве бывшего СССР. Целью данной статьи является обозначение компонентов, которые являются привлекательными для государств СНГ (на 1 декабря 2018 года в эту организацию входят Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Узбекистан).

⁵ Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве / Перспективы. http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetskom_prostranstve_2009-11-03.htm [Solov'ev, E. Defitsit «miagkoj sily» v rossiiskoi politike na postsovetskom prostranstve (The Deficit of «Soft Power» in Russian Politics in the Post-Soviet Space) / Perspektivy. Mode of access: http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetskom_prostranstve_2009-11-03.htm]

⁶ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. – 2008. – № 2. – С. 122-135. [Kazantsev, A.A.; Merkushev, V.N. Rossiia i postsovetsкое prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniia «miagkoj sily» (Russia and the Post-Soviet Space: Prospects for the Use of «Soft Power») // Polis, 2008, No. 2, pp. 122-135.]

Необходимо отметить, что среди исследований, посвящённых анализу инструментов внешней политики России, особого внимания заслуживают работы М.В. Братерского⁷, Р.С. Мухаметова⁸. Публикации Е. Кузнецова⁹, Ф. Лукьянова¹⁰, В. Петровского¹¹, Г. Филимонова¹² были посвящены общим вопросам теории и практики использования «мягкой силы» в российской внешней политике.

⁷ Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 231 с. [Braterskii, M.V. Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski (Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks). Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2010. 231 p.]

⁸ Мухаметов Р.С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // *Ars Administrandi. Искусство управления.* – 2010. – № 2. – С. 133-139. [Mukhametov, R.S. Instrumenty vneshnei politiki Rossii: sushchnost' i formy realizatsii (Tools of Russia's Foreign Policy: the Essence and Forms of Implementation) // *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniia*, 2010, No. 2, pp. 133-139.]

⁹ Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? // *Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>* [Kuznetsov, E. «Miagkaia sila» Rossii: chego ne khvataet? («Soft Power» of Russia: What Is Missing?). Mode of access: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>]

¹⁰ Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы» / Франко-Российский аналитический центр Обсерво. http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf [Luk'ianov, F. Paradoks rossiiskoi «miagkoi sily» (Paradox of Russian «Soft Power») / Franko-Rossiiskii analiticheskii tsentr Observo. Mode of access: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf]

¹¹ Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // *Международная жизнь.* – 2013. – № 7. – С. 72-84. [Petrovskii, V. «Miagkaia sila» po-russki v poiskakh tochki opory («Soft Power» in Russian in Search of a Fulcrum) // *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2013, No. 7, pp. 72-84.]

¹² Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // *Вестник РУДН. Сер. Политология.* – 2012. – № 1. – С. 67-82. [Filimonov, G. Aktual'nye voprosy formirovaniia rossiiskogo potentsiala «miagkoi sily» (Topical Issues of Formation of the Russian Potential «Soft Power») // *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2012, No. 1, pp. 67-82.]

Методологической основой исследования является концепция Джошуа Курлантзика, который выделяет в «мягкой силе» два подтипа: высокий, нацеленный на элиты, и низкий, адресованный широкой общественности¹³. Теоретической основой выступили и маркетинговый подход, направленный на удовлетворение нужд и потребностей потребителей. Основная задача маркетинга состоит в выявлении потребностей со стороны потребителей, и предложение им продукта (товара, услуги), который бы закрывал их спрос.

Исходя из вышеназванных теоретических концепций, все факторы внешнеполитической привлекательности России в ближнем зарубежье мы разделим на две категории – для населения и правящих элит этих государств.

Россия продолжает оставаться привлекательной для жителей государств СНГ. Этому есть несколько объяснений.

Первый фактор – экономический. Российский рынок труда дает возможность трудоустроиться в разных отраслях экономики и регионах, получать более высокую, чем у себя на родине, заработную плату (см. *Таб. 3*).

Таблица 3

Экономические показатели государств-членов СНГ

Страны	Объем ВВП в 2017 г. (в млрд.)	ВВП в расчете на душу населения (тыс.)	Средняя зарплата после уплаты налогов (в долл. США)
Россия	4016	10608	615
Казахстан	479	8840	480
Узбекистан	223	1490	235
Белоруссия	179	5760	375
Азербайджан	172	4140	435
Таджикистан	28,4	823	110
Армения	28,3	3860	378
Киргизия	23,0	1143	220
Молдавия	20,1	2279	560

Table 3. Economic performance of CIS member States
Source: International monetary fund Mode of access: <https://www.imf.org>

¹³ Kurlantzick, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / Policy Brief, No. 47 June, Carnegie Endowment for International Peace. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/PB_47_FINAL.pdf

Второй фактор – географический. Россия является для большинства стран бывшего Союза ССР ближайшим (в территориальном плане) соседом, занимая на постсоветском пространстве центральное, срединное положение. Географическая близость выражается в наличии общей сухопутной границы (с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Грузией, Азербайджаном).

Третий фактор – транспортный. Удобное для населения стран СНГ географическое положение России (расположение в «сердце» Евразии) сочетается с транспортной доступностью России, т.е. наличием прямого транспортного сообщения. На территорию России можно добираться различными видами транспорта: автомобильным, железнодорожным и авиационным.

Кроме того, сюда стоит добавить и наличие безвизового режима при пересечении государственных границ, разделяющих бывшие республики СССР.

Следующий фактор – языковой. Речь идет о знании русского языка. В сфере образования на русском языке обучаются 75% детей в Белоруссии, 41% – в Казахстане, 23% – в Кыргызстане, 21% – в Молдове, 7% – в Азербайджане, 2% – в Армении¹⁴. Необходимо отметить, что уровень владения русским языком в государствах СНГ разный. Существуют государства, где и уровень владения русским языком, и его статус достаточно высоки (Белоруссия, Казахстан, Киргизия). В то же время можно обозначить ряд стран (Азербайджан, Армения, Узбекистан) с низким уровнем владения, использования и статусом русского языка.

Наконец, социальный фактор. Во многих населенных пунктах стран ближнего зарубежья, особенно это, конечно, касается государств Центральной Азии, в массовом сознании сформировались стереотипы поведения, которые ориентированы на трудовую миграцию в России как стратегию жизнен-

ного успеха. Значительная часть молодых людей, окончив школу, предпочитают поехать на работу в Россию, предпочитая эту стратегию обучению в вузе или в колледже.

Как результат действия этих факторов, Россия входит в топ-3 стран по численности международных мигрантов, является основной страной, принимающей трудовых мигрантов из государств-членов СНГ. Другими словами, абсолютное большинство трудовых мигрантов из рассматриваемых нами стран направляются в Россию (за исключением Молдовы, которые едут в Румынию) на заработки. Таким образом, Россия – привлекательное место работы для граждан государств Центральной Азии, Южного Кавказа в силу доступа к рынку труда. Российский рынок труда позволяет снижать социально-политическое напряжение в странах, что косвенным образом оказывает воздействие на стабильность правящих режимов там.

Россия обладает рядом ресурсов, которые делают ее привлекательной для правящих элит государств-членов СНГ.

Первый ресурс – готовность Москвы платить за пророссийскую интеграционную риторику и практику.

Россия проявляет заинтересованность в укреплении интеграции на постсоветском пространстве. Как написано в российских внешнеполитических документах, «приоритетными направлениями внешней политики... являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием»¹⁵. Эту готовность можно объяснить теорией «кооперативной гегемонии» Т. Педерсена. По его мнению, для создания крупной державы интеграционного объединения с меньшими по объему государствами во главе с собой, необходимо быть готовой к определенным уступкам и тратам¹⁶.

¹⁴ Языковая политика стран СНГ: положение русского языка (Language Policy of the CIS Countries: the Position of the Russian Language). Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-yazyka/>

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. (Foreign Policy Concept of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

¹⁶ Pedersen, T. Cooperative Hegemony: Power,

Реальная политика показывает, что Россия несет основное бремя издержек по развитию интеграции на постсоветском пространстве. Финансовая подпитка идет по нескольким каналам.

Первый – прямое финансирование. Финансовые средства выделяются по линии, как правило, Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР, бывший Антикризисный фонд ЕврАзЭС). Объем взносов стран-участниц в Фонд превышает 8,5 млрд долл., из которых доля России – 7,5 млрд, Казахстана – 1 млрд.

Основным получателем денежных средств данного финансового института является Белоруссия, на ее долю приходится 71% текущего портфеля проектов ЕФСР. Так, например, в 2017 году он выделил 906,2 млн долл. в виде финансовых и инвестиционных кредитов. В виде финансовых кредитов было выдано три транша второго финансового кредита Беларуси на сумму 800 млн долл. США и третий, заключительный, транш финансового кредита Армении на сумму 100 млн долл. США¹⁷.

Как результат, мы видим функционирование на постсоветском пространстве ряда интеграционных объединений (Союзное государство России и Белоруссии, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕАЭС). Мы не утверждаем, что их существование обусловлено исключительно благодаря финансовым вливаниям Москвы (как через многосторонние институты, типа ЕФСР, так и на двусторонней основе, т.е. межгосударственные кредиты), но то, что это оказывает определенное влияние на углубление интеграционного сотрудничества – это вопрос бесспорный.

Второй канал – косвенное финансирование. Речь идет о поставках российских углеводородов по льготным ценам (благодаря отсутствию экспортных пошлин при оформлении поставок). Здесь нужно ого-

вориться, что непосредственные адресаты в рамках этого направления представлены Белоруссией, Арменией, Киргизией, Таджикистаном. Остальные государства (из рассматриваемых) являются нефте- и газодобывающими.

Необходимо сказать, что данный ресурс всегда относили к «жесткой силе». Однако необходимо помнить, что вливания финансовых средств со стороны Москвы стоит рассматривать не как инструмент реализации геополитических интересов (в качестве поощрения участия в интеграционных объединениях), а как форму проявления заботы со стороны ответственного члена международного сообщества, заинтересованного в стабильной социально-экономической ситуации у своих соседей, некоторые из которых могут испытывать определенные трудности с оплатой энергоресурсов по мировым ценам.

Для сравнения: страны, желающие присоединиться к Евросоюзу, должны соответствовать определенным условиям («Копенгагенским критериям»):

- иметь стабильные политические институты, гарантирующие демократию, верховенство закона, права человека, уважение и защиту меньшинств;

- иметь функционирующую рыночную экономику, способную справиться с конкуренцией и рыночными силами в ЕС;

- обладать способностью брать на себя и эффективно выполнять обязательства, связанные с членством, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза¹⁸.

Брюссель, конечно, проводит политику «открытых дверей», но путь этот долгий (у Испании и Португалии он занял 8,5 лет, у Венгрии и Польши – 10, у Болгарии – 11, у Мальты и Кипра – 14) и трудный, требующий от государств-заявителей проведения структурных политических и экономических реформ, сиюминутных издержек.

Второй ресурс – это поддержка в обеспечении легитимности правящих режимов ряда постсоветских государств. Миссия на-

Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, 2002, Vol. 28, No 4, pp. 677-696.

¹⁷ Евразийский фонд стабилизации и развития. 2017. Годовой отчет (Eurasian Fund for Stabilization and Development. 2017. Annual Report). Режим доступа: https://efsd.eabr.org/upload/iblock/dfc/EABR_AR_2017_EFSD_RU-1.pdf

¹⁸ European Neighbourhood Policy And Enlargement Negotiations. Conditions for Membership. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en

Таблица 4

Результаты национальных выборов

Страна	Дата выборов	Инкумбент	Доля голосов	Индекс Херфиндаля-Хиршмана	Степень конкурентности
Беларусь	11.10.2015	А. Лукашенко	83,49	7000,6334	выборы с низкой конкурентностью
Азербайджан	11.04.2018	И. Алиев	84,54	7468,2717	выборы с низкой конкурентностью
Казахстан	26.04.2015	Н. Назарбаев	97,75	9558,0642	выборы с условной конкурентностью
Узбекистан	04.12.2016	Ш. Мирзиёев	88,61	7883,1391	выборы с условной конкурентностью

Table 4. Results of the national elections
Source: Official data of Election commissions

блюдателей от СНГ, основной задачей которой является осуществление мониторинга подготовки и проведения выборов на постсоветском пространстве, регулярно характеризует выборы как честные и прозрачные. Анализ заявлений миссий наблюдателей показывает, что они оценивают выборы как открытые, свободные, демократические и конкурентные. Подобные оценки дают и наблюдатели от ШОС. В то же время, если обратиться к объективным показателям и посчитать, например, индекс Херфиндаля-Хиршмана, то выборы в ряде государств СНГ будут весьма далеки от проведения выборов, основанных на принципах демократии (см. Таб. 4).

Европейские государства могут не признать итоги национальных выборов в другом государстве (примеры имеются, хотя и не на постсоветском пространстве), поставить под сомнение их легитимность, если выборы будут оценены как несправедливые (например, из-за недопуска одного из лидеров оппозиции) и/или проведённые с массовыми нарушениями (вбросы бюллетеней, «карусели», недопуск наблюдателей и т.д.). Миссия по наблюдению за выборами Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ может охарактеризовать выборы как несоответствующие демократическим стандартам, сказать, что они «проводились при строгом политическом контроле со стороны властей, а оппозиционные силы не получили равных возможностей для участия в выборах»¹⁹.

Третий ресурс – российские внешнеполитические принципы. Необходимо отметить, что трудно точно определить российские внешнеполитические нормы. В политической системе страны президент может оказывать сильное влияние на внешнюю политику в соответствии с личными убеждениями. Кроме того, продолжается процесс трансформации идентичности России. Как нам представляется, в стране отсутствует консенсус о том, что же такое Россия – Европа, «иная» Европа или не Европа. В результате внешняя политика России характеризуется присущими ей противоречиями и напряженностью. Несмотря на все это, проанализировав российские внешнеполитические документы, программные речи президента и главы МИД РФ, можно обозначить ряд внешнеполитических принципов и норм.

Во-первых, отстаивание принципа невмешательства во внутренние дела государств. Москва исходит из того, что любая смена власти должна происходить в рамках Основного закона страны и действующего законодательства. В российском официальном дискурсе присутствует осуждение неконституционной смены власти, критика организаторов «цветных революций». Москва оказывает моральную, информационную и иную поддержку законноизбранным (легитимным) руководителям государств. Так, например, Россия предоставила убежище Аскару Акае-

in Uzbekistan Were Held in the Absence of Competition) // ТАСС, 30.03.2015. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1865428>

¹⁹ ОБСЕ: выборы в Узбекистане проходили при отсутствии конкуренции (OSCE: Elections

ву, смещенному с поста президента Киргизии в результате «тюльпановой» революции. После отстранения от власти в результате политического кризиса на Украине 2013-2014 годов бывший президент Украины В.Ф. Янукович живет в России.

Это принцип находит отклик и понимание в ряде столиц государств-членов СНГ. Это обусловлено тем, что Россия и другие государства СНГ находятся на одном уровне демократического развития (см. Таб. 5).

Таблица 5

Уровень развития демократии в странах СНГ

Уровень демократии	2012	2016
Полная демократия Полноценная демократия	–	–
Недостаточная демократия Несовершенная демократия	Молдавия	Молдова
Гибридный режим Переходный режим	Киргизия, Армения	Киргизия
Авторитарный режим	Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан	Армения, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Россия, Таджикистан, Узбекистан

Table 5. The level of development of democracy in the countries of the CIS

Source: The Economist Intelligence Unit.

Democracy Index. Mode of access:

<http://www.eiu.com/topic/democracy-index>

Европейские государства работают не только с официальными властями, но и с институтами гражданского общества, политической оппозицией. Как показывает практика, в моменты политических кризисов («цветных революций») на постсоветском пространстве (Грузия в 2003 году, Украина в 2004 году и 2013-2014 годов, Киргизия в 2005 году) европейские официальные лица и институты вставали на сторону оппозиции, называли итоги выборы сфальсифицированными и требовали повторного голосования на основе транспарентности, честности и т.д.

Во-вторых, отсутствие приоритетности защиты прав человека в теории и практике российской внешней политики. Так, в концепции внешней политики РФ от 2016 года «всесторонняя эффективная защита прав и

законных интересов российских граждан и проживающих за рубежом соотечественников» стоит на восьмом месте среди задач внешнеполитической деятельности РФ. Если говорить о приоритетах России в решении глобальных проблем, то международное гуманитарное сотрудничество и права человека стоят на пятом (предпоследнем) месте. Во внешнеполитических документах написано, что Москва видит свою задачу в том, чтобы добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем диалога и с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства. В России считают, что некоторые страны используют правозащитные концепции «в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств»²⁰.

Такая позиция Москвы не может не находить сторонников среди лидеров постсоветских государств, чьи политические режимы трудно назвать демократическими. Данная ценность выступает в качестве мягкой силы для политических элит государств с гибридным режимом или авторитарных стран из числа соседей России.

Защита прав человека является приоритетным направлением внешней политики ЕС. Евросоюз позиционирует себя как главного защитника прав человека. Брюссель подтверждает свою приверженность защите всех прав человека и свое стремление способствовать развитию демократии и прав человека с помощью всех своих внешних воздействий. ЕС призывает все страны выполнять положения Всеобщей декларации прав человека, а также ратифицировать и выполнять ключевые международные договоры в этой сфере. В своем сотрудничестве с развивающимися странами Брюссель применяет подход, основанный на правах человека с целью помощи странам-партнерам выполнять свои международные обязательства по соблюдению этих прав. ЕС говорит о

²⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г (Foreign Policy Concept of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

приоритетности прав человека в своих отношениях с другими государствами. Брюссель практикует диалоги и консультации по правам человека с партнерами, а также следит, чтобы эти диалоги приводили к реальным результатам²¹.

Евросоюз стремится закрепить приверженность своим ценностям в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях со своими партнерами в рамках политики добрососедства, торговых переговорах или помощи в целях развития.

Благодаря тому, что общая внешняя политика Евросоюза основана на вышеназванных принципах, в академической среде стали говорить о «нормативной силе» ЕС²².

В-третьих, суверенитет рассматривается как основа международного сообщества и занимает видное место в российском политическом дискурсе. Москва начала вновь утверждать (иногда агрессивно) автономно в международных делах, настаивая на суверенном праве каждой страны определять свой путь развития с учетом национальных, исторических и культурных особенностей. Брюссель, напротив, выступает за «распространение ответственного государственного управления, оказание поддержки проведению социальных и политических реформ, борьбу с коррупцией и злоупотреблениями властью, утверждение законности и защита прав человека»²³. С их точки зрения, наилучшей защитой их безопасности является мир хорошо управляемых демократических государств.

Наконец, Россия является сторонником многополярного устройства, полицентричной международной системы. Согласно

российской Концепции внешней политики, однополярность «дестабилизирует международную обстановку, провоцирует напряженность и гонку вооружений, усугубляет межгосударственные противоречия, разжигает национальную и религиозную рознь, создает угрозу безопасности других государств, ведет к росту напряженности в межкультурных отношениях»²⁴.

Российская концепция многополярности отличается от европейской многосторонности. Согласно российской идее многополярности, несколько великих держав формируют правила международного общества на международных форумах или на двусторонней основе. Однако для Европы имеет значение не количество полюсов, а тот факт, что международная система регулируется согласованными на многосторонней основе правилами. ЕС выступает за основанный на правилах мировой порядок, заинтересован в продвижении согласованных правил в целях обеспечения глобальных общественных благ, сохранения устойчивого мира во всем мире, сдерживания силовой политики и содействия установлению мирного, справедливого и процветающего мира²⁵.

Необходимо отметить, что в России еще не сформировалась четкая концепция, похожая на дискурс «нормативной мощи» Европы. Тем не менее внешняя политика и России, и ЕС основаны на их собственных нормах, противопоставленных друг другу.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Утверждение о дефиците и слабости российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве, которое возоб-

²¹ Стратегические рамки ЕС по правам человека и демократии (EU Strategic Framework on Human Rights and Democracy). Режим доступа: <http://europa.com/europe/eu/1322-strategicheskie-ramki-es-po-pravam-cheloveka-i-demokratii>

²² Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

²³ Безопасная Европа в лучшем мире. Европейская Стратегия Безопасности от 12 декабря 2003 г (A Secure Europe in a Better World European Security Strategy). Режим доступа: <https://docplayer.ru/26336404-Evropeyskaya-strategiya-bezopasnosti-bezopasnaya-evropa-v-luchshem-mire.html>

²⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 (The Foreign Policy Concept of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>

²⁵ Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности (Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy). Режим доступа: https://cdn1-eeas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/Tw-Z27xHuapdiCn1Cn6dGHE2yWdLg hq3eNaQFIGvrd8/mtime:1470408935/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf

ладало в экспертных кругах, не совсем корректно. Для большинства государств СНГ Россия сохраняет центральное положение аттрактора. Сравнительный анализ источников «мягкой силы» России и Евросоюза на постсоветском пространстве показывает, что с точки зрения маркетингового подхода, суть которого заключается в выявлении потребностей потребителей и удовлетворения их спроса, уровень «мягкой силы» России по сравнению с Евросоюзом выше благодаря грамотному позиционированию.

Литература:

Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 231 с.

Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // *Полис*. – 2008. – № 2. – С. 122-135.

Косачев К. «Мягкая сила»: актуальные задачи и возможности российской внешней политики // *Международная экономика*. – 2012. – № 6. – С. 4-9.

Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>

Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // *Обозреватель-Observer*. – 2015. – № 2. – С. 80-89.

Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы» / Франко-Российский аналитический центр Обсерво. http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf

Мухометов Р.С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // *Ars Administrandi. Искусство управления*. – 2010. – № 2. – С. 133-139.

Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // *Свободная мысль* – XXI. – 2004. – № 10. – С. 33-41.

Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО Университета*. – 2014. – № 2. – С. 14-21.

Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // *Международная жизнь*. – 2013. – № 7. – С. 72-84. [*Petrovskii, V.* «Miagkaia sila» po-russki v poiskakh točki opory («Soft Power» in Russian in Search of a Fulcrum) // *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2013, No. 7, pp. 72-84.]

Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве / Перспективы. http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetskom_prostranstve_2009-11-03.htm

Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // *Вестник РУДН. Сер. Политология*. – 2012. – № 1. – С. 67-82.

Kurlantzick, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / Policy Brief, No. 47 June, Carnegie Endowment for International Peace. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/PB_47_FINAL.pdf

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

Nye, J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, pp. 94-109.

Pedersen, T. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, 2002, Vol. 28, No. 4, pp. 677-696.

References:

Braterskii, M.V. Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski (Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks). Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2010. 231 p.

Filimonov, G. Aktual'nye voprosy formirovaniia rossiiskogo potentsiala «miagkoi sily» (Topical Issues of Formation of the Russian Potential «Soft Power») // *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2012, No. 1, pp. 67-82.

Kazantsev, A.A.; Merkushev, V.N. Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniia «miagkoi sily» (Russia and the Post-Soviet Space: Prospects for the Use of «Soft Power») // *Polis*, 2008, No. 2, pp. 122-135.

Kosachev, K. «Miagkaia sila»: aktual'nye zadachi i vozmozhnosti rossiiskoi vneshnei politiki («Soft Power»: Current Challenges and Opportunities of Russian Foreign Policy) // *Mezhdunarodnaia ekonomika*, 2012, No. 6, pp. 4-9.

Kurlantzick, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / Policy Brief, No. 47 June, Carnegie Endowment for International Peace. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/PB_47_FINAL.pdf

Kuznetsov, E. «Miagkaia sila» Rossii: chego ne khvataet? («Soft Power» of Russia: What Is Missing?). Mode of access: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>

Leonova, O.G. Interpretatsiia poniatii «miagkaia sila» v nauke (Interpretation of the Concept of «Soft Power» in Science) // *Obozrevatel'-Observer*, 2015, No. 2, pp. 80-89.

Luk'ianov, F. Paradoks rossiiskoi «miagkoi sily» (Paradox of Russian «Soft Power») / *Franko-Rossiiskii analiticheskii tsentr Observo*. Mode of access: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

Mukhametov, R.S. Instrumenty vneshnei politiki Rossii: sushchnost' i formy realizatsii (Tools of Russia's Foreign Policy: the Essence and Forms of Implementation) // *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniia*, 2010, No. 2, pp. 133-139.

Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia (Soft Power and US-European Relations) // *Svobodnaia mysl'* – XXI, 2004, No. 10, pp. 33-41.

Nye, J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, pp. 94-109.

Parshin, P.B. Dva ponimaniia «miagkoi sily»: predposylki, korreliaty i sledstviia (Two Understandings of «Soft Power»: Assumptions, Correlates, and Consequences) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 2, pp. 14-21.

Pedersen, T. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, 2002, Vol. 28, No 4, pp. 677-696.

Petrovskii, V. «Miagkaia sila» po-russki v poiskakh točki opory («Soft Power» in Russian in Search of

a Fulcrum) // *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2013, No. 7, pp. 72-84.

Solov'ev, E. Defitsit «miagkoi sily» v rossiiskoi politike na postsovetском prostranstve (The Deficit of «Soft Power»

in Russian Politics in the Post-Soviet Space) / *Perspektivy*. Mode of access: http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetском_prostranstve_2009-11-03.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

COMPARATIVE ANALYSIS OF «SOFT POWER» OF RUSSIA AND THE EU IN THE POST-SOVIET SPACE

Ruslan S. Mukhametov

*The Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">05.02.2019</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">25.04.2019</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the study of the «soft power» of Russia in the near abroad in comparison with the «normative power» of the European Union. The work consists of two parts. The first section is devoted to the categorical understanding of the concept of «soft power». Much attention is paid to the resources producing «attractiveness». It is shown that there are no universal components of «soft power». The second part of the paper deals with the «soft» component of Russian foreign policy in the post-Soviet space. In academic and expert circles, there is an opinion that Russia's «soft power» is poorly developed (in comparison with European countries). The article shows that this thesis is not correct: Russian foreign policy norms and principles in the eyes of the majority of post-Soviet States look more attractive than the European Union.</p>
<p>About the author: Associate Professor, Department of Political Science</p> <p>e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Key words: Russia; EU; «soft power»; «hard power»; foreign policy; post-Soviet space; CIS</p>	

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // *Сравнительная политика*. – 2019. №3 – С. 46-57.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

For citation: Mukhametov, Ruslan S. Sravnitel'nyy analiz «myagkoy sily» RF i YES na postsovetском prostranstve (Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in The Post-Soviet Space)// *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 46-57.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10030

СОЦИАЛЬНАЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Дмитрий Анатольевич Липинский

*Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия*

Александра Анатольевна Мусаткина

*Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 14 марта 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 24 мая 2019</p>	<p>Аннотация: Цель исследования – провести сравнительный анализ стратегий национальной безопасности России и Германии на основе закрепления в них общечеловеческих ценностей, исключая геополитическую и военную направленность. Выбор стратегий двух государств обусловлен наличием общих правовых, культурных и исторических традиций. Исследуется эволюция понятия «национальная безопасность», содержание которой расширилось как на нормативном, так и научном уровнях ввиду появления новых видов угроз и опасностей. Обосновывается, что в основе стратегий национальной безопасности двух стран находятся права и свободы человека и гражданина, а не только внешнеполитические интересы. Кроме того, в стратегиях двух стран исходят из исключения и нивелирование угроз посредством обеспечения внутренней и внешней безопасности как единого целого, а не за счет глобальной безопасности. В обеих стратегиях: права человека, личность и общество находятся на первом месте; прослеживается их гуманистическая социальная направленность; обеспечение третьего и четвертого прав поколений человека нашли отражение в нормативных документах, закрепляющих национальную безопасность; существование в менталитете обеих наций черт коллективизма отразилось в виде участия институтов гражданского общества в обеспечении национальной безопасности. Различия в стратегиях национальной безопасности России и Германии обусловлены разными уровнями социального и экономического развития, и основной акцент в стратегии России сделан на решении социальных, экономических и культурных задач. Обосновано, что в стратегии национальной безопасности России в большей степени упор делается на поднятие критериев качества жизни до уровня мировых стандартов и внутренних угрозах. Это предопределено тем, что права и свободы человека пока не нашли однозначного утверждения в виде высшей ценности в сознании и менталитете всех слоев населения, когда достаточно одного указания на них в Конституции или ином законе.</p> <p><i>Статья выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Д.А. Липинский</i>, д.ю.н., профессор, департамент магистратуры</p> <p>e-mail: Dmitri8@yandex.ru</p> <p><i>А.А. Мусаткина</i>, к.ю.н., доцент, департамент бакалавриата</p> <p>e-mail: Musatkinaaa@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: национальная безопасность; стратегия безопасности; виды безопасности; правовое регулирование безопасности; угрозы безопасности; Россия; Германия; права человека; интересы государства</p>	

Введение

В современном мире понятие «национальная безопасность» прочно вошло как в международный, так и научный, в том числе и юридический лексикон. Считается, что первым в политический оборот его ввел

Президент США Т. Рузвельт в 1901 году, употребив в своем послании к Конгрессу, где акцентировалось внимание на решении социальных задач, борьбе с коррупцией и монополиями, которые в период экономиче-

ского кризиса были наиболее актуальными для США¹. Приоритеты национальной безопасности изменчивы. Они зависят от конкретной исторической и политической обстановки, существующей на определенном этапе развития государства. Одновременно следует отметить, что национальная безопасность обладает глубокими историческими корнями, а также предопределена духовными, национальными, экономическими, политическими и иными традициями, существующими в государственно-организованном обществе. Формализованный документ в виде концепции или стратегии национальной безопасности – это результат существующих как внутригосударственных, так и международных отношений.

Стратегии национальной безопасности любого государства основываются на нормативных правовых актах, в которых закреплены официальные взгляды на роль государства в мире, его национальные ценности, интересы и угрозы. Такими документами являются: «Стратегия национальной безопасности» (США, Россия, Украина и др.), «Белая книга» (Великобритания, Германия, Франция, Китай, Япония и др.), «Политика национальной безопасности» (Канада, Турция), «Стратегическая концепция национальной обороны» (Италия), доктрины (например, Военная доктрина Российской Федерации и др.), закон о национальной безопасности (Казахстан) и другие правовые акты. Названные акты являются базовыми, так как в них определены основы политики государства, принципы и механизм реализации целей в сфере национальной безопасности и ее видов. Различия в наименованиях нормативных документов не меняют их сути – они носят характер концептуальных основ, предопределяющих деятельность государства в целом, а также отдельных структурных элементах его механизма, то есть правительства, министерств и ведомств, на которые возложены обязанности по обеспечению национальной безопасности. На содержащиеся в них установки ориентирует-

ся законодатель при разработке и принятии нормативных правовых актов, развивающих положения стратегии национальной безопасности. Стратегии национальной безопасности отражают характер взаимодействия общества и государства в достижении общих целей.

Легальное определение национальной безопасности было впервые дано в законе США от 26 июля 1947 года «О национальной безопасности»², в котором под ней понималась «интеграция вопросов внутренней, внешней и военной политики в интересах взвешенного подхода к проблемам использования США различных средств – военных и невоенных – в своей внешней политике»³. С течением времени понятие национальной безопасности неоднократно менялось и наполнялось иным содержанием, в зависимости от политической, экономической и социальной обстановки. Понятие «национальной безопасности» активно разрабатывается представителями различных наук. Так, по мнению У. Липпмана, «государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии при необходимости защитить эти интересы путем войны»⁴. Свой вклад в разработку данного явления вносят не только ученые, но и государственные служащие и действующие политики. Так, Г. Браун, будучи министром обороны США, писал: «национальная безопасность – это способность сохранить физическую целостность и территорию, поддерживать экономические отношения с другими странами мира, на различных уровнях защищать от внешнего воздействия свой характер, институты и систему управления, контролировать свои границы»⁵. Ученые предлагают рассматривать национальную безопасность через категории «угрозы» и «ценности».

² National Security Act of 1947. Mode of access: https://www.webcitation.org/5Xi9eEYG9?url=http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml

³ Ibid.

⁴ Lippman, W. *US Foreign Policy: Shield of the Republic*. Boston, 1943. P. 14.

⁵ Brown, H. *Thinking about National Security: Defense and Foreign Policy in a Dangerous World*. Colorado, Westview Press, 1983. P. 20.

¹ *America's Recent Past*. Edited by Franklin D. Mitchell and Richard O. Davies. New York, London, Sydney, Toronto: John Wiley & Sons, Inc., 1969. 440 p.

пасность в объективном смысле определяется отсутствием угроз к приобретенным ценностям, в субъективном смысле – отсутствием боязни, что эти ценности подвергнутся нападению», – отмечал в 1962 году А. Уолферес⁶. С течением времени при анализе понятия «национальная безопасность» стали акцентировать внимание на необходимости его расширения с целью сохранения исторической, религиозной, политической, культурной самоидентичности нации⁷. Пришло осознание ограниченности концепции национальной безопасности, основанной только на внешних угрозах. Стало верно отмечаться, что фокусирование на военной безопасности приводит к игнорированию еще более опасных угроз⁸.

В литературе отмечается, что расширение понятия «национальная безопасность» должно происходить системно в нескольких измерениях. В частности, от военной к политической, экономической, социальной, экологической. Другое направление расширения национальной безопасности происходит в горизонтальном направлении, «вниз от государства к индивидуумам, а еще одно – вверх от государств к биосфере» – то есть в вертикальном направлении. Интегральным направлением национальной безопасности выступает политическая ответственность за ее обеспечение⁹.

В свете современных реалий актуальной видится также и правовая безопасность, заключающаяся в закреплении демократических ценностей, предоставлении гражданам прав быть активным участником политических процессов, а также в самом управлении национальной безопасностью. В литературе отмечается, что безопасность заключается как в наличии состояния защищенности прав и сво-

бод человека со стороны государства, так и в существовании у субъектов легальных возможностей самостоятельно отстаивать предоставленные права и свободы¹⁰. Специалисты в области международного права указывают в качестве ведущего ориентира на безопасность в международных отношениях личностную и гуманитарную безопасность¹¹.

Проведя краткий обзор понятия «национальная безопасность», считаем необходимым отметить, что основной целью данного исследования является сравнительный анализ концепций национальной безопасности не с позиции обороны, политической или геополитической направленности, а на основе отражения в них культурных, исторических, гуманистических и общечеловеческих ценностей. Выбор для сравнения стратегий национальной безопасности двух стран, а именно Германии и России является неслучайным и обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, оба государства входят в романо-германскую правовую семью. Во-вторых, Германия – государство, которое, осознавая свою ответственность за развязывание Второй мировой войны, реализует концепцию антимилитаристской политики и не является ядерной державой, а Россия, выступая в качестве страны, владеющей ядерным оружием, осуществляет неагрессивную внешнюю политику, придерживаясь оборонительной доктрины, и выступает за нераспространение ядерного оружия в мире. В-третьих, в российском и немецком менталитете сильны коллективные начала, что не может не отражаться в нормативных документах, определяющих стратегии национальной безопасности. В-четвертых, оба государства связывают

⁶ Wolfers, A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. P. 150.

⁷ Gray, C. S. *Comparative Strategic Culture // Parameters*, 1984, Vol. 14, No. 4, pp. 27-31.

⁸ Smith, S. *The Increasing Insecurity in Security Studies Conceptualising Security in the Last Twenty Years // Contemporary Security Policy*, 1999, Vol. 20, No. 3, p. 77.

⁹ Rothschild, E. *What is Security // Daedalus*, 1995, Vol. 124, No. 3, p. 54.

¹⁰ Buzan, B.; Waever, O.; Wilde, J. *Security a New Framework for Analysis*. Boulder, CO Lynne Rienner, 1998. 239 p.; Sebenius, James K.; Peterson, Peter G. *Rethinking America's Security: The Primacy of the Domestic Agenda / In Rethinking America's Security: Beyond Cold War to New World Order*, edited by Graham T. Allison and Gregory Treverton, 57-93. New York: W.W. Norton & Company, 1992.

¹¹ Suhrke, A. *Human Security and the Interest of States // Security Dialogue*, 1999, Vol. 30, No. 3, pp. 266-276.

друг с другом глубокие культурные и исторические корни.

Основные положения Концепции обеспечения национальной безопасности в Федеративной Республике Германия

В настоящее время Германия – одна из наиболее развитых стран Европы в политическом, экономическом, демократическом, социальном и правовом отношении. Можно утверждать, что в Европе она занимает лидирующие позиции. Это государство с относительно низким уровнем коррупции, развитыми демократическими институтами и наличием гражданского общества. На выстраивание современной концепции национальной безопасности во многом повлияло объединение ГДР и ФРГ. Основные принципы национальной безопасности, вскоре после падения «Берлинской стены», были изложены министром обороны ФРГ Ф. Рюе, в документе с названием «Руководящие принципы оборонной политики», где был сделан акцент на защите Германии от внешних опасностей; партнерстве с ядерными державами; союзнических связях со странами НАТО; равноправном партнерстве со странами Европы и США; влиянии на демократические процессы в других странах, а также на международные институты в других странах¹². Как видно из анализа документа, основной упор сделан на внешней политике без учета возможных внутренних угроз.

Существенные изменения в стратегии национальной безопасности произошли с момента прихода к власти А. Меркель. Так, в период ее руководства была сформулирована современная доктрина национальной безопасности Германии, изложенная в «Белой книге о политике безопасности Германии и будущем бундесвера» (далее по тексту – Белая книга), в которой в качестве основных приоритетов национальной безопасности называются: сохранение прав и свобод с демократией; благополучие граж-

дан и их защита от опасностей; обеспечение суверенитета и целостности Германии; предотвращение региональных кризисов и конфликтов, способных угрожать безопасности Германии; отражение терроризма, противостояние глобальным вызовам; способствование уважению роста прав человека и укрепление международного порядка на основе международного права; способствование развитию свободной и беспрепятственной торговли¹³. В Белой книге отмечается, что понятие безопасности ориентировано на многосторонний подход, и специально указывается, что безопасность невозможно гарантировать только посредством вооруженных сил.

Белая книга является не единственным документом, определяющим стратегию национальной безопасности. В ней указывается, что в ее развитии принимается концепция Федерального Правительства, носящая название «Гражданское предотвращение кризисов, урегулирование конфликтов и консолидация мира». Роль Бундесвера состоит не только в реализации оборонной политики, но и в межведомственном содействии, оказании помощи при ликвидации последствий стихийных бедствий и особо тяжелых катастроф. В документе отмечается взаимосвязь внешних и внутренних угроз. Примечательно, что в Белой книге говорится о необходимости интеграции гуманитарных инструментов в урегулировании кризисов и обеспечении национальной безопасности.

Из анализа указанного акта следует, что несмотря на наличие в нем акцента на роли Бундесвера в обеспечении национальной безопасности значительное внимание уделяется таким ценностям, как: права человека и гражданина; обеспечение прав и свобод человека и гражданина; незыблемость институтов демократии. В определённой степени это говорит об изменении самой стратегии безопасности, когда последняя видится не только в свете интересов государства, но и ее граждан. Белая Книга во многом носит

¹² Richthnien, V. Verteidigungspolitische Richtlinien für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung vom 26.11.1992 // *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 1992, Vol. 9, No. 28, pp. 1137-1151.

¹³ Белая книга. О политике безопасности и будущем бундесвера Германии (White Paper. On Security Policy and the Future of the Bundeswehr of Germany). Берлин: Федеральное министерство обороны, 2006. – 42 с.

рамочный характер, и на ее основе созданы другие нормативные акты, регулирующие национальную безопасность, а именно: «Руководящие принципы оборонной политики 2011 года»; «Концепция Бундесвера»; «Стратегия кибербезопасности». Система обеспечения безопасности ФРГ носит системный характер, а в ее основе находятся такие понятия, как: «интерес», «ценности», «риск» и «угроза». Следует отметить, что на первом месте в целях обеспечения безопасности стоит защита граждан Германии, и не только военная и физическая, но и реализуемая посредством прав и свобод человека и гражданина. Из чего следует вывод, что демократические ценности, закрепленные в различных нормативных правовых актах – это основной объект безопасности.

Основу политики безопасности ФРГ составляют «западные ценностные представления о демократии, правовом государстве и правах человека»¹⁴. Существенное влияние на выстраивание стратегии национальной безопасности оказывает влияние Основной Закон Германии (Конституция). В частности, закрепление в ней прав человека как высшей ценности, которые в последствии стали основой национальной идентичности Германии. Поэтому неслучайно на сайте Министерства внутренних дел ФРГ в качестве угроз национальной безопасности называются: киберпреступность, тяжкие преступления и организованная преступность; насилие и преступность среди молодежи¹⁵. Национальная безопасность – это совокупность множества систем, в которой разделение на внутренние и внешние угрозы носит условный характер, соответственно и существующая система мер одновременно направлена на минимизацию как внутренних, так и внешних угроз. Германия основывается на идее неделимости безопасности, а ее суть достаточно проста: обеспечивая

внешнюю безопасность – обеспечивается внутренняя безопасность, а посредством обеспечения внутренней безопасности происходит обеспечение внешней.

Как уже указывалось, на выстраивание концепции национальной безопасности оказывает влияние Основной Закон Германии. Так, в статье 20-а отмечается, что «государство, осознавая свою ответственность перед будущими поколениями, охраняет окружающую среду как основу жизни на земле в рамках конституционного строя», а в статье 73 определяется исключительная компетенция Федерации «в защите основ свободного демократического строя, существования и безопасности Федерации или земли (охрана Конституции). В Основном Законе закрепляется верховенство прав человека, правовой и социальный характер государства, а в статье 1 утверждается как ценность неприкосновенность человеческого достоинства, так и обязанность государственной власти уважать и защищать его.

Правовые ценности, закрепленные в Основном Законе, влияют на деятельность министерств. Так, на сайте МВД ФРГ говорится, что «общественная безопасность является одной из наиболее важных задач внутренней политики. Она включает в себя безопасность граждан от насилия, преступности и терроризма, а также защиту Конституции. Ведь только в обществе без угрозы преступности, люди могут свободно развиваться лично и профессионально»¹⁶.

В Основном Законе Германии указано, что «каждый имеет право на развитие своей личности, поскольку оно не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй» (ст. 2). Таким образом, прослеживается социальный характер национальной безопасности. При этом Германия ориентируется на участие институтов гражданского общества в ее обеспечении. В Белой книге гражданское общество определяется как партнер государства в реализации национальной безопасности, что обуславливает развитие государственно-частного партнер-

¹⁴ Genscher, H.D. Deutsche Außenpolitik von 1949 bis 1995 – In Deutschland // *Zeitschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft*, 1995, No. 2, pp. 30-33.

¹⁵ Официальный сайт федерального министерства внутренних дел Германии. Режим доступа: <https://www.bmi.bund.de/DE/startseite/startseite-node.html>

¹⁶ Официальный сайт федерального министерства внутренних дел Германии. Режим доступа: <https://www.bmi.bund.de/DE/startseite/startseite-node.html>

ства посредством реализации различных программ по охране правопорядка, в котором граждане выступают одним из субъектов обеспечения собственных интересов и интересов государства.

Привлекая институты гражданского общества для обеспечения национальной безопасности государство не снимает с себя ответственность за ее обеспечение. Защита прав и свобод граждан является приоритетным направлением его деятельности и входит в сферу ответственности. В Основном Законе Германии подчеркивается, что «Федерация обладает исключительной законодательной компетенцией по обороне и защите населения. Федерация и земли сотрудничают в защите свободного демократического строя, существования и безопасности Федерации или земли (конституционная защита)». Примечательно, что германский законодатель употребляет термин «конституционная защита», что встречается не во всех конституциях развитых государств.

Вместе с тем к выработке стратегических решений в сфере обеспечения национальной безопасности активно привлекаются институты гражданского общества. Так, О.Ю. Семенов указывает, что «научно-аналитические неправительственные центры представляют собой неотъемлемый элемент системы разработки внешнеполитических решений в странах европейского континента. Основной задачей экспертов в данной области является информирование официальных государственных деятелей о стратегических аспектах формулирования внешней политики»¹⁷. Кроме того, согласно

¹⁷ Семенов О.Ю., Толкачев В.В. Европейская безопасность и интересы Германии в оценках экспертно-аналитического сообщества ФРГ // Международные отношения Политология Регионоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 4 (1). – С. 358. [Semenov, O.Iu.; Tolkachev, V.V. *Evropeiskaia bezopasnost' i interesy Germanii v otsenkakh ekspertno-analiticheskogo soobshchestva FRG (European Security and the Interests of Germany in the Assessments of the Expert-analytical Community of Germany)* // *Mezhdunarodnye otnosheniia Politologiiia Regionovedenie Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, No. 4 (1), p. 358.]

Основного Закона Германии права человека являются непосредственно действующими. Гражданский контроль в ФРГ носит многоступенчатый характер и сочетается с внутригосударственным. Классическими формами контроля является деятельность: средств массовой информации на основе запрета цензуры; общественных организаций и союзов; университетов и их ассоциаций. Одновременно развит парламентский контроль над органами исполнительной власти. В обеспечении национальной безопасности действует система «сдержек и противовесов». Назовем только некоторые из них. Так, согласно Основному Закону: «Бундестаг и его комитеты могут требовать присутствия любого члена Федерального правительства» (ст. 43); для охраны основных прав в качестве вспомогательного органа Бундестага при осуществлении парламентского контроля назначается уполномоченный Бундестага по обороне (ст. 46-b); федеральный канцлер избирается без прений Бундестагом по предложению Федерального президента (ст. 63); Бундестаг может выразить недоверие федеральному канцлеру, выбрав большинством голосов его преемника (ст. 67).

Право на образование и свобода научного творчества закреплены в Основном Законе Германии, что обуславливает уделение внимания в системе национальной безопасности социокультурным элементам. Так, в Белой книге отмечается приоритетность образовательных программ для военных. Однако социокультурный аспект национальной безопасности заключается не только в образовании военных, но и в научно-инновационных ответах на современные вызовы, в развитии науки, медицины и высокотехнологичных отраслей экономики¹⁸. Основной Закон Германии своими осново-

¹⁸ Шелудченко Н.П. Сотрудничество Германии и России в области науки и образования в начале XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 4. – С. 122. [Sheludchenko, N.P. *Sotrudnichestvo vo Germanii i Rossii v oblasti nauki i obrazovaniia v nachale XXI veka (Cooperation of Germany and Russia in the Field of Science and Education at the Beginning of the XXI Century)* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2009, No. 4, p. 122.]

полагающими положениями содействует развитию науки. В частности, в нем закреплено: искусство и наука, исследование и преподавание свободны (ст. 5); на федеральном уровне действует законодательство, стимулирующее проведение научных исследований (ст. 74).

Процессы глобализации усилили потоки мигрантов, что обусловило необходимость выстраивания с ними диалога, которого невозможно достичь только при помощи одних государственных инструментов, что и предопределяет действие различных институтов гражданского общества, реализующих культурные и образовательные программы с мусульманским миром, который постепенно становится частью мира Германии. Так, на государственном уровне принята программа «Диалог с исламским миром», в рамках которой осуществляются как образовательные, так и культурные программы, способствующие нахождению общих универсальных ценностей и взаимного согласия¹⁹.

Важной частью обеспечения национальной безопасности является сохранение благоприятной окружающей среды. Так, Германией соблюдаются международные обязательства, вытекающие из Киотского протокола по сокращению эмиссии парниковых газов. Из анализа сайта Федерального министерства окружающей среды Германии следует, что воспринята концепция устойчивого экологического развития. Так, отмечается, что «устойчивость направлена на достижение равенства между поколениями, социальной сплоченности, повышение качества жизни и формирование международной ответственности. В этом смысле, экономическая эффективность, охрана природных ресурсов и социальная ответственность должны соединиться»²⁰.

В качестве предварительных выводов по стратегии национальной безопасности

ФРГ следует отметить следующее. Во-первых, на ее формирование оказал влияние Основной Закон Германии, в котором права и свободы закреплены в качестве высшей ценности. Сама стратегия основывается не только на Белой книге, но и на ряде других политико-правовых актов, развивающих ее. Во-вторых, в основе стратегии находятся не только внешнеполитические интересы Германии, но также права и свободы человека и гражданина с гуманистическими ценностями. Основными объектами национальной безопасности являются: граждане как носители прав и свобод; государство и его конституционный строй. Реализация национальной стратегии строится на основе партнерства государства с институтами гражданского общества, а в обеспечении безопасности сохраняется баланс интересов государства и общества. Третье и четвертое поколение прав человека оказало влияние на стратегию национальной безопасности и нашло отражение в правовой охране экологии, безопасности информационного пространства, а также в формировании правового и культурного диалога с мигрантами, признании их полноправными членами общества.

Основные положения стратегии обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации

Кроме Конституции Российской Федерации основополагающими нормативными правовыми актами, определяющими национальную безопасность, выступают: Федеральный закон РФ от 5 октября 2015 года № 285-ФЗ «О безопасности»²¹; Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²²; «Концепция общественной безопасности в РФ», утвержденная Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685²³; «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», утвержденная Президентом

¹⁹ Strategiepapier für die Engagement Global gGmbH. Service für Entwicklungsinitiativen. Brückenbauer zwischen zwei Welten-Migranten in Deutschland.

²⁰ Официальный сайт министерства окружающей среды, охраны природы, строительства и безопасности ядерных реакторов Германии. Режим доступа: <https://www.bmu.de>

²¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

²² Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 3.

²³ Справочная правовая система «Консультант+». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/

РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 и другие. Названные правовые акты взаимно дополняют друг друга, конкретизируют, а также развивают отдельные положения стратегии национальной безопасности. К примеру, стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации разработана в целях конкретизации положения Федерального закона РФ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности». Не вдаваясь во все особенности нормативных правовых актов, регулирующих национальную безопасность, можно отметить их системный характер, что позволяет утверждать о существовании относительно самостоятельной отрасли законодательства, регулирующей деятельность по обеспечению национальной безопасности.

Официальное понятие национальной безопасности дается в п. 6 Указа Президента РФ «О стратегии национальной безопасности», в котором она определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». Как следует из легального определения национальной безопасности, ключевыми понятиями в ней выступают «состояние защищенности»; «внутренние и внешние угрозы», и на первом месте находятся права и свободы граждан РФ, а также достойные их качество и уровень жизни, в чем прослеживается социальная и гуманистическая направленность стратегии национальной безопасности страны.

Следует отметить, что легальное определение безопасности претерпело существенные изменения. Так, в утратившем силу Законе РФ от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» она определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Если проводить сопоставительный анализ двух концептуальных определений,

то во втором отсутствует указание на «права и свободы» (подменено понятием «интересы»); достойные качество и уровень жизни. Однако права и свободы, материальные и духовные ценности общества, государство, а также конституционный строй с суверенитетом относятся к основным объектам безопасности (п. 3 ст. 1).

В доктринальных положениях начального периода формирования понятия «национальная безопасность», она рассматривалась с более узких позиций. К примеру, в работе А.В. Чумака указывается, что в основе национальной безопасности находятся конституционный строй, защита от внешних угроз, а о правах личности говорится только в контексте разумного баланса с интересами обществ и государства²⁴. В других исследованиях отмечалось, что понятие национальной безопасности необоснованно расширяется за счет указания в нем на экономические, экологические проблемы, преступления против личности и общественную безопасность²⁵. Действительно,

²⁴ Чумак А.В. Национальная безопасность Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: сопоставительный анализ концептуальных основ, механизмов и технологий: дис. ... канд. полит. Наук. – Н.Новгород, 2009. – С. 12. [Chumak, A.V. Natsional'naia bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki: sopostavitel'nyi analiz kontseptual'nykh osnov, mekhanizmov i tekhnologii (National Security of the Russian Federation and the United States of America: Comparative Analysis of Conceptual Foundations, Mechanisms and Technologies). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. N. Novgorod, 2009. P. 12.]

²⁵ Булавин В.И. Национальная безопасность в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1999. – 220 с. [Bulavin, V.I. Natsional'naia bezopasnost' v sovremennoi Rossii (National Security in Modern Russia): dis. ... Cand. of Law. N. Novgorod, 1999. 220 p.]; Стрельцина М.М. Институциональные условия создания правительственных ведомств в России и США: сравнительный анализ: дис. канд. полит. наук. – М., 2004. – 140 с. [Strel'tsina, M.M. InstitutSIONal'nye uslovia sozdaniia pravitel'stvennykh vedomstv v Rossii i SShA: sravnitel'nyi analiz (Institutional Conditions for the Establishment of Government Departments in Russia and the United States): a

отдельно взятое преступление против жизни конкретного человека не повлияет на состояние национальной безопасности, как и одно преступление в сфере экономики. Не составляют угрозу национальной безопасности и единичные экологические преступления. Однако может наступить такой предел, когда их совокупность уже угрожает национальной безопасности в целом, ввиду высокой смертности или снижения продолжительности жизни граждан государства, которые и являются носителями прав и свобод человека и гражданина. Уменьшение населения страны с огромной территорией в конечном итоге приводит к снижению возможностей по ее контролю, а, следовательно, создает потенциальные угрозы для территориальной неприкосновенности и суверенитета государства.

Так, по данным Федеральной службы статистики Российской Федерации (Росстат) численность населения России в 2017 году составляла 146 793 744 человек. В течении 2017 года умерло 515 890 человек, а родилось 420 780 человек. Таким образом, убыль населения составила 95 110 человек. Велика доля насильственной смерти и причинения тяжкого вреда здоровью, которое в отдаленных последствиях может приводить к смерти. Так, в 2017 году было совершено свыше 9 000 убийств и более 24 000 преступлений в виде причинения тяжкого вреда здоровью. В результате дорожно-транспортных происшествий погибли 20 161 человек. Более 20 000 человек покончили жизнь самоубийством²⁶. Количество смертей, обусловленных алкоголем, составило свыше 49 тысяч. Ежегодно в России пропадает без вести около 70 000 человек, из которых одну треть не находят в течении года и более. Крими-

нологи логично предполагают, что данную одну треть составляют латентные убийства. Таким образом, к официальному количеству убийств следует прибавить и часть граждан, пропавших без вести. Средняя продолжительность жизни среди мужчин в 2017 году составила всего 66 лет.

Только по официальным оценкам Министерства внутренних дел Российской Федерации ущерб от коррупционных и экономических преступлений составил более 177,5 млрд рублей²⁷. По мнению экспертов, в 2015 году от загрязнения воздуха частицами PM_{2,5} в России умерло 944 человека на 1 млн жителей. По показателю выбросов диоксида серы Россия лидирует среди других стран. Так, он выше, чем во Франции в 16,6 раз и больше, чем в Германии в 10,5 раз. По оксиду углерода (СО) при меньшем количестве автотранспорта данный показатель выше аналогичного в Германии более, чем в 5,3 раза. Статистика Генеральной Прокуратуры РФ о снижении экологических правонарушений говорит не о том, что их стало меньше, а только подчеркивает факт их латентности. Общеизвестно, что основным фактором, провоцирующим онкологические заболевания, выступает неблагоприятная экологическая обстановка. От злокачественных образований в 2017 году в России умерло 290 662 человек²⁸ (более половины от числа умерших!!!). В незначительных пока количествах появились случаи смертности от социальных заболеваний. Так, зафиксированы 21 факт смерти от сифилиса и 341 случай от недостаточности питания²⁹.

Статистика, которая отражает только часть социальной реальности, обуславливает формулирование дополнительных задач в «Стратегии национальной безопасности РФ» (далее по тексту – Стратегия). Как уже указывалось нами, в целях статьи мы не стремимся проанализировать всю Стратегию, а только

Comparative Analysis). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moscow, 2004. 140 p.]; Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности: дис. ...д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004. – 411 с. [Mamonov, V.V. Konstitutsionnye osnovy natsional'noi bezopasnosti (Constitutional Foundations of National Security): dis. ...Dr. of Law. Saratov, 2004. 411 p.]

²⁶ Официальный сайт федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

²⁷ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://мвд.рф/>

²⁸ Официальный сайт федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

²⁹ Официальный сайт федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

акцентируем внимание на ее социальных и гуманистических аспектах. Так, в п. 115 определяются основные показатели оценки состояния национальной безопасности, в числе которых называются: «удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; ожидаемая продолжительность жизни; доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам» и др. Из десяти показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности, только один относится к обороне в виде указания на долю современных образцов вооружения, военной и специальной техники.

Обращает на себя внимание и структура Стратегии. Так, в четвертом разделе: «Обеспечение национальной безопасности» один подраздел посвящен обороне, а остальные: государственной и общественной безопасности; повышению качества жизни российских граждан; экономическому росту; науке, технологиям и образованию; здравоохранению; культуре; экологии живых систем и рациональному природопользованию. Завершает раздел положения о стратегической стабильности и равноправном стратегическом партнерстве.

В Стратегии только два подраздела связаны с внешними угрозами и обороной, а остальные направлены на внутренние социальные, гуманитарные, экологические, экономические и иные проблемы национальной безопасности. Акцент на внутренних угрозах отразился и в научных исследованиях, где стали выделять как части национальной стратегии экономическую³⁰, культурную³¹,

общественную³², правовую безопасность³³, безопасность личности и другие ее разновидности³⁴. Стратегия национальной безопасности России и научные исследования, которые расширяют данное понятие, – это результат реального состояния общественных отношений, внутренних и внешних угроз, уровня развития страны и неудовлетворительного состояния защищенности основных прав и свобод человека и гражданина. Расширение понятия «национальная безопасность» – это закономерность, обусловленная реалиями современного времени, существующими вызовами и угрозами. В нормативных правовых актах, которые развивают положения Стратегии, указывается на тот или иной вид безопасности как разновидность национальной безопасности. Так, в «Концепции общественной безопасности в РФ» отмечается, что она «представляет собой систему взглядов на обеспечение общественной безопас-

ситета. – 2009. – № 2. – С. 31-35. [Nesterov, V.N. Obrazovanie i natsional'naiia bezopasnost' (Education and National Security) // *Vestnik voennogo universiteta*, 2009, No. 2, pp. 31-35.]

³² Кардашова И.Б. Общественная безопасность в системе национальной безопасности // Научный портал МВД России. – 2008. – № 4. – С. 85-89. [Kardashova, I.B. Obshchestvennaia bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti (Public Security in the National Security System) // *Nauchnyi portal MVD Rossii*, 2008, No. 4, pp. 85-89.]

³³ Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе национальной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 23-24. [Shaburov, A.S. Pravovaiia bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti (Legal Security in the National Security System) // *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serii. Pravo*, 2015, Vol. 15, No. 3, pp. 23-24.]

³⁴ Протасов В.Н. Иррациональные методы владения как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 55-61. [Protasov, V.N. Irratsional'nye metody vlastvoniia kak instrument samosokhraneniia i ekspansii biurokraticheskii organizovannykh sistem upravleniia (Irrational Methods of Government as a Tool for Self-Preservation and Expansion of Bureaucratic Organized Management Systems) // *Gosudarstvo i pravo*, 2017, No. 10, pp. 55-61.]

³⁰ Евдокимова Д.А. Влияние экономической безопасности на национальную безопасность Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2018. – № 2. – С. 140-148. [Evdokimova, D.A. Vliianie ekonomicheskoi bezopasnosti na natsional'nuiu bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii (The Impact of Economic Security on the National Security of the Russian Federation) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 26: Gosudarstvennyi audit*, 2018, No. 2, pp. 140-148.]

³¹ Нестеров В.Н. Образование и национальная безопасность // Вестник военного универ-

ности как части национальной безопасности Российской Федерации». В Указе Президента от 9 июня 2020 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», отмечается, что в ней «развиваются и конкретизируются применительно к сфере антинаркотической деятельности соответствующие положения Стратегии национальной безопасности». В Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 166 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» отмечается, что она разработана «с учетом документов государственного стратегического планирования в сферах обеспечения государственной (национальной) безопасности». В Указе Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» отмечается, что она «представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационном пространстве». Аналогичные положения можно увидеть в «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации»; «Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года» и других нормативных правовых актах. В национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г., коррупция называется одной из системных угроз безопасности Российской Федерации.

Вернемся к анализу основных положений Стратегии. Так, в п. 5 отмечается, что «настоящая Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны». В разделе, который посвящен государственной безопасности, указывается на защиту прав и свобод человека и гражданина. При этом в числе угроз государственной и общественной безопасности называются преступные посяательства против личности и собственности, а также коррупция. Стратегия содержит подраздел, посвященный повышению качества жизни российских граждан, в котором стратегическими целями называется развитие че-

ловеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение социального и имущественного неравенства (п. 50).

В Стратегии Россия признала отставание в технологическом прогрессе, которое негативным образом влияет на качество жизни российских граждан, и, в конечном итоге, на реальность их прав и свобод, и в настоящее время остающихся обычными декларациями. Явно недостаточно провозгласить в Конституции РФ права и свободы человека, необходимо обеспечить их реальное действие, и не только права на жизнь, но и на достойную жизнь. Приведенным показателем низкого качества жизни является количество самоубийств в России и зафиксированные случаи смерти от социально значимых заболеваний (сифилис, недостаточность питания). В Стратегии нецелесообразное расходование бюджетных средств признано угрозой качеству жизни, и по своей сути оно является одной из разновидностей коррупционного преступления.

Россия провозгласила в Конституции право на труд, но следует обеспечить и достойную оплату труда, которая бы позволяла удовлетворять субъекту потребности в личном развитии. В пункте 52 Стратегии закрепляется, что «повышение качества жизни граждан гарантируется за счет обеспечения продовольственной безопасности, большей доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, современного образования и здравоохранения, спортивных сооружений, создания высокоэффективных рабочих мест, а также благоприятных условий для повышения социальной мобильности, качества труда, его достойной оплаты, поддержки социально значимой трудовой занятости, обеспечения доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур для инвалидов и других маломобильных групп населения, достойного пенсионного обеспечения». Из данного положения очевидна социальная и гуманистическая направленность Стратегии, проблема заключается в ее реальном обеспечении.

Подраздел стратегии, посвященный экономическому росту, неразрывно связан с

подразделом о качестве жизни, так как его сложно обеспечить без эффективной реализации экономической функции государства. По своей сути от реализации экономической функции государства зависит наполняемость бюджета, стабильность финансовой системы, обеспечение экономической безопасности как части национальной безопасности и так далее. Любой закон или государственная программа, на реализацию которой необходимы денежные вложения, превращаются в благие пожелания без должного финансового обеспечения. В свою очередь развитие экономики невозможно без науки, технологий и образования, которым и посвящен следующий подраздел Стратегии. Таким образом выстраивается логическая цепочка: наука, технологии и образование – экономический рост – качество жизни. Существенным недостатком подраздела, который посвящен науке, технологиям и образованию, и, в особенности, в части образования следует признать отсутствие указания на угрозы развития данного направления, в качестве которых ученые и педагоги высшей школы открыто стали называть бюрократизацию образовательного процесса, сведение качества образования к качеству бумаг, введение формальных показателей, которые противоречат здравому смыслу³⁵. Можно отметить и

отсутствие системности: с одной стороны, провозглашается приоритет культурных и духовных ценностей, обусловленных историческими традициями, а с другой стороны административно-командными методами в образовательную сферу внедряются чуждые нам стандарты.

Учитывая низкую продолжительность жизни населения и высокую смертность, которые приводят к убыли населения, развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения Российской Федерации является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности. В подразделе специально отмечается соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий. В виду массовости распространения онкологических, сердечно-сосудистых заболеваний, ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма они признаны угрозами национальной безопасности, так как ведут к убыли населения.

Государственно-организованное общество должно быть основано на духовно-нравственных ценностях и гражданственности, в противном случае оно обречено на исчезновение. В Стратегии отмечается, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины». Разрушить государство можно изнутри, путем насаждения чуждых для общества идеалов. Поэтому стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются сохранение

³⁵ Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 55-61. [Protasov, V.N. Irratsional'nye metody vlastvovaniia kak instrument samosokhraneniia i ekspansii biurokraticheskii organizovannykh sistem upravleniia (Irrational Methods of Government as a Tool for Self-Preservation and Expansion of Bureaucratic Organized Management Systems) // *Gosudarstvo i pravo*, 2017, No. 10, pp. 55-61.]; Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 4. – С. 6-17. [Babintsev, V.P.; Rimskii, V.P. Biurokratizatsiia vuza kak antiintellektual'nyi protsess (The Bureaucratization of the University as an Anti-Intellectual Process) // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2014, No. 4, pp. 6-17.]; Малько А.В., Липинский Д.А., Саломатин А.Ю. Проблемы реализации правовой политики в сфере интернационализации высшего юридического образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. –

№ 1. – С. 55-71. [Mal'ko, A.V.; Lipinskii, D.A.; Salomatin, A.Iu. Problemy realizatsii pravovoi politiki v sfere internatsionalizatsii vysshego iuridicheskogo obrazovaniia (Problems of Implementation of Legal Policy in the Field of Internationalization of Higher Legal Education) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2019, No. 1, pp. 55-71.]

и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны. Стирание граней идентичности в долгосрочной перспективе ведет к исчезновению государственности как таковой. В целях обеспечения национальной безопасности следует осторожно подходить к процессам интернационализации, максимально учитывая при этом духовные и нравственные традиции. Так, в нормативном церковном акте «Об основах социальной концепции Русской православной Церкви» отмечается, что необходимо «подходить к процессу правовой и политической интернационализации с осторожностью, при проведении политики, связанной с принятием обязывающих международных соглашений и действиями международных организаций, правительства должны отстаивать духовную, культурную и иную самобытность стран и народов, законные интересы государства»³⁶.

Отличительной чертой концепции является формальная вовлеченность в ее реализацию институтов гражданского общества. Так, в ее общих положениях указывается на консолидацию государства с институтами гражданского общества, а далее, следуя логике нормативного акта, гражданское общество определяется как партнер в обеспечении государственной и общественной безопасности (п. 44); повышения качества жизни (п. 53); экономического роста (п. 62); здравоохранения (п. 74); экологии (п. 84); культуры (п. 92). Однако проблема состоит в том, что в России еще только формируется гражданское общество и правовая активность граждан находится на достаточно низком уровне.

Выводы

1. Анализ нормативных правовых актов, закрепляющих стратегию национальную

³⁶ Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М.: Патриархия, 2000. – 40 с. [Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi (Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church). Moscow: Patriarkhiia, 2000. 40 p.]

безопасность России и Германии показывает наличие у них внешних схожих характеристик, свидетельствующих о характеристиках системности, таких как: целостность, иерархичность строения, множественность, взаимная обусловленность, а также закрепление приоритетов как на уровне законов, так и иных нормативных правовых актов, что во многом обусловлено вхождением двух стран в романо-германскую правовую семью.

2. С содержательной, а не внешней стороны, стратегии национальной безопасности двух государств обладают как общими, так и отличительными признаками. Так, в обеих стратегиях: права человека, личность и общество находятся на первом месте; прослеживается их гуманистическая социальная направленность; обеспечение третьего и четвертого прав поколений человека нашли отражение в нормативных документах, закрепляющих национальную безопасность; существование в менталитете обеих наций черт коллективизма отразились в виде участия институтов гражданского общества в обеспечении национальной безопасности. Глобальные вызовы в виде миграции, стирания граней культурной идентичности также прослеживаются в стратегиях двух государств. Несмотря на то, что Германия является страной, входящей в НАТО ее стратегия в международных отношениях выстраивается на участии в международных органах с целью обеспечения собственной безопасности. Национальная безопасность Германии, как и России основывается на концепте единства внутренних и внешних угроз и не строится по принципу обеспечения внутренней безопасности исключительно за счет глобальной и внешней безопасности.

3. Ввиду неодинакового уровня экономического и социального развития между стратегиями национальной безопасности России и Германии существуют и значительные различия. Так, внешней политике и обороне в Стратегии России отведено только два пункта, а акцент сделан на внутренних угрозах, ведущих к сокращению населения государства, а именно: низком качестве жизни; недостаточном уровне здравоохранения; высокой смертности; наркомании; социальным значимых заболеваниях; коррупционной,

насильственной и иной преступности. Официально признано отставание в техническом прогрессе и сырьевой характер экономики.

Сформулированные различия не означают, что в стратегии безопасности Германии отсутствует ориентация на социокультурные, экономические и гражданские элементы, здоровье нации, а также технический прогресс, так как они логично вытекают из признания прав человека и человеческого достоинства высшей ценностью, а следовательно, отражаются в стратегии в аспекте их развития и совершенствования. Между тем, в стратегии национальной безопасности России акцент сделан в большей степени на поднятие критериев качества жизни до уровня мировых стандартов и внутренних угрозах. Это предопределено тем, что права и свободы человека пока не нашли однозначного утверждения в виде высшей ценности в сознании и менталитете всех слоев населения, когда достаточно одного указания на них в Конституции или ином законе. Во многом это обусловлено и начальным этапом формирования институтов демократии в России, а также особенностями правосознания государственных и муниципальных служащих, которые лучше воспринимают и принимают к действию положения, закреплённые в подзаконных нормативных правовых актах, принятых высшим должностным лицом государства.

Литература:

Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 4. – С. 6-17.

Булавин В.И. Национальная безопасность в современной России: дис. ...канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1999. – 220 с.

Евдокимова Д.А. Влияние экономической безопасности на национальную безопасность Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2018. – № 2. – С. 140-148.

Кардашова И.Б. Общественная безопасность в системе национальной безопасности // Научный портал МВД России. – 2008. – № 4. – С. 85-89.

Костюк М.Е. Языковая политика и национальная безопасность: пути взаимодействия. – М., 2012. – 210 с.

Малько А.В., Лушинский Д.А., Саломатин А.Ю. Проблемы реализации правовой политики в сфере интернационализации высшего юридического образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 1. – С. 55-71.

Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности: дис. ...д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004. – 411 с.

Нестеров В.Н. Образование и национальная безопасность // Вестник военного университета. – 2009. – № 2. – С. 31-35.

Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М.: Патриархия, 2000. – 40 с.

Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 55-61.

Пушкарев Е.А. Безопасность личности в системе национальной безопасности России // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 6. – С. 152-155.

Семенов О.Ю., Толкачев В.В. Европейская безопасность и интересы Германии в оценках экспертно-аналитического сообщества ФРГ // Международные отношения Политология Регионоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 4 (1). – С. 357-359.

Стрельщина М.М. Институциональные условия создания правительственных ведомств в России и США: сравнительный анализ: дис. канд. полит. наук. – М., 2004. – 140 с.

Чумак А.В. Национальная безопасность Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: сопоставительный анализ концептуальных основ, механизмов и технологий: дис. ...канд. полит. наук. – Н.Новгород, 2009. – 140 с.

Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе национальной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 23-24.

Шелудченко Н.П. Сотрудничество Германии и России в области науки и образования в начале XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 4. – С. 122-132.

America's Recent Past. Edited by Franklin D. Mitchell and Richard O. Davies. New York, London, Sydney, Toronto: John Wiley & Sons, Inc., 1969. 440 p.

Brown, H. Thinking about National Security: Defense and Foreign Policy in a Dangerous World. Colorado, Westvier Press, 1983. 288 p.

Buzan, B.; Waever, O.; Wilde, J. Security a New Framework for Analysis. Boulder, CO Lynne Rienner, 1998. 239 p.

Genscher, H.D. Deutsche Außenpolitik von 1949 bis 1995 – In Deutschland // *Zeitschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft*, 1995, No. 2, pp. 30-33.

Gray, C.S. Comparative Strategic Culture // *Parameters*, 1984, Vol. 14, No. 4, pp. 27-31.

Lippman, W. US Foreign Polisy: Shield of the Republic. Boston, 1943. 220 p.

National Security Act Of 1947. Mode of access: https://www.webcitation.org/5X19eEYG9?url=http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml

Richthnien, V. Verteidigungspolitische Richtlinten für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung vom 26 11 1992 // *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 1992, Vol. 9, No. 28, pp. 1137-1151.

Rothschild, E. What is Security // *Daedalus*, 1995, Vol. 124, No. 3, pp. 53-98.

Sebenius, James K.; Peterson, Peter G. Rethinking America's Security: The Primacy of the Domestic Agenda / In Rethinking America's Security: Beyond Cold War to New World Order, edited by Graham T. Allison and

Gregory Treverton, 57-93. New York: W.W. Norton & Company, 1992.

Smith, S. The Increasing Insecurity in Security Studies Conceptualising Security in the Last Twenty Years // *Contemporary Security Policy*, 1999, Vol. 20, No. 3, pp. 72-81.

Suhrke, A. Human Security and the Interest of States // *Security Dialogue*, 1999, Vol. 30, No. 3, pp. 266-276.

Wolfers, A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. 250 p.

References:

America's Recent Past. Edited by Franklin D. Mitchell and Richard O. Davies. New York, London, Sydney, Toronto: John Wiley & Sons, Inc., 1969. 440 p.

Babintsev, V.P.; Rimskii, V.P. Biurokratizatsiia vuza kak antiintelektual'nyi protsess (The Bureaucratization of the University as an Anti-Intellectual Process) // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2014, No. 4, pp. 6-17.

Brown, H. Thinking about National Security: Defense and Foreign Policy in a Dangerous World. Colorado, Westview Press, 1983. 288 p.

Bulavin, V.I. Natsional'naia bezopasnost' v sovremennoi Rossii (National Security in Modern Russia): dis. ...Cand. of Law. N.Novgorod, 1999. 220 p.

Buzan, B.; Waever, O.; Wilde, J. Security a New Framework for Analysis. Boulder, CO Lynne Rienner, 1998. 239 p.

Chumak, A.V. Natsional'naia bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki: sopostavitel'nyi analiz konseptual'nykh osnov, mekhanizmov i tekhnologii (National Security of the Russian Federation and the United States of America: Comparative Analysis of Conceptual Foundations, Mechanisms and Technologies). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. N. Novgorod, 2009. 140 p.

Evdokimova, D.A. Vliianie ekonomicheskoi bezopasnosti na natsional'niu bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii (The Impact of Economic Security on the National Security of the Russian Federation) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit*, 2018, No. 2, pp. 140-148.

Genscher, H.D. Deutsche AuBenpolitik von 1949 bis 1995 – In Deutschland // *Zeitschrift fur Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft*, 1995, No. 2, pp. 30-33.

Gray, C.S. Comparative Strategic Culture // *Parameters*, 1984, Vol. 14, No. 4, pp. 27-31.

Kardashova, I.B. Obshchestvennaia bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti (Public Security in the National Security System) // *Nauchnyi portal MVD Rossii*, 2008, No. 4, pp. 85-89.

Kostiuk, M.E. Iazykova politika i natsional'naia bezopasnost': puti vzaimodeistviia (Language Policy and National Security: Ways of Interaction). Moscow, 2012. 210 p.

Lippman, W. US Foreign Polisy: Shield of the Republic. Boston, 1943. 220 p.

Mal'ko, A.V.; Lipinskii, D.A.; Salomatin, A. Iu. Problemy realizatsii pravovoi politiki v sfere internatsionalizatsii vysshego iuridicheskogo obrazovaniia (Problems of Implementation of Legal Policy in the Field of Internationalization of Higher Legal Education) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2019, No. 1, pp. 55-71.

Mamonov, V.V. Konstitutsionnye osnovy natsional'noi bezopasnosti (Constitutional Foundations of National Security): dis. ...Dr. of Law. Saratov, 2004. 411 p.

National Security Act Of 1947. Mode of access: https://www.webcitation.org/5Xi9eEYG9?url=http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml

Nesterov, V.N. Obrazovanie i natsional'naia bezopasnost' (Education and National Security) // *Vestnik voennogo universiteta*, 2009, No. 2, pp. 31-35.

Osnovy sotsial'noi konseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi (Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church). Moscow: Patriarkhiia, 2000. 40 p.

Protasov, V.N. Irratsional'nye metody vlastovaniia kak instrument samosokhraneniia i ekspansii biurokraticheskoi organizovannykh sistem upravleniia (Irrational Methods of Government as a Tool for Self-Preservation and Expansion of Bureaucratic Organized Management Systems) // *Gosudarstvo i pravo*, 2017, No. 10, pp. 55-61.

Pushkarev, E.A. Bezopasnost' lichnosti v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossii (Personal Security in the System of National Security of Russia) // *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2006, No. 6, pp. 152-155.

Richthien, V. Verteidigungspolitische Richtlinien fur den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung vom 26 11 1992 // *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 1992, Vol. 9, No. 28, pp. 1137-1151.

Rothschild, E. What is Security // *Daedalus*, 1995, Vol. 124, No. 3, pp. 53-98.

Sebenius, James K.; Peterson, Peter G. Rethinking America's Security: The Primacy of the Domestic Agenda / In *Rethinking America's Security: Beyond Cold War to New World Order*, edited by Graham T. Allison and Gregory Treverton, 57-93. New York: W.W. Norton & Company, 1992.

Semenov, O.Iu.; Tolkachev, V.V. Evropeiskaia bezopasnost' i interesy Germanii v otsenkakh ekspertno-analiticheskogo soobshchestva FRG (European Security and the Interests of Germany in the Assessments of the Expert-analytical Community of Germany) // *Mezhdunarodnye otnosheniia Politologiiia Regionovedenie Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, No. 4 (1), pp. 357-359.

Shaburov, A.S. Pravovaia bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti (Legal Security in the National Security System) // *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Pravo*, 2015, Vol. 15, No. 3, pp. 23-24.

Sheludchenko, H.P. Sotrudnichestvo Germanii i Rossii v oblasti nauki i obrazovaniia v nachale XXI veka (Cooperation of Germany and Russia in the Field of Science and Education at the Beginning of the XXI Century) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2009, No. 4, pp. 122-132.

Smith, S. The Increasing Insecurity in Security Studies Conceptualising Security in the Last Twenty Years // *Contemporary Security Policy*, 1999, Vol. 20, No. 3, pp. 72-81.

Strel'tsina, M.M. InstitutSIONal'nye uslovia sozdaniia pravitel'stvennykh vedomstv v Rossii i SSHa: sravnitel'nyi analiz (Institutional Conditions for the Establishment of Government Departments in Russia and the United States: a Comparative Analysis). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moscow, 2004. 140 p.

Suhrke, A. Human Security and the Interest of States // *Security Dialogue*, 1999, Vol. 30, No. 3, pp. 266-276.

Wolfers, A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. 250 p

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10030

SOCIAL AND HUMANISTIC ORIENTATION IN NATIONAL SECURITY STRATEGIES OF RUSSIA AND GERMANY: COMPARATIVE POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS

Dmitriy A. Lipinskii

Tolyatti State University,
Tolyatti, Russia

Alexandra A. Musatkina

Tolyatti State University,
Tolyatti, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14.03.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 24.05.2019</p>	<p>Abstract: The aim of the research is to carry out a comparative analysis of national security strategies of Russia and Germany based on the universal human values they contain, excluding geopolitical and military aspects. The choice of the strategies of the two states is conditioned by the existence of common legal, cultural and historical traditions. The article explores the evolution of the “national security” notion which content has expanded both at the normative and scientific levels due to the appearance of new threats and dangers. The authors prove that the basis underlying the national security strategies of the two countries includes not only external policy interests but also rights and freedoms of a person and citizen. Moreover, the strategies also focus on eliminating and leveling threats by ensuring internal and external security as an integral whole and not by means of global security. In both strategies: the human rights, a person and society are in the first place; their humanistic and social orientation is visible; provision of the third and fourth rights of the generations of the mankind is reflected in the normative documents regarding national security; the presence of collectivism features in the mentality of both nations is reflected in the participation of civil society institutions in ensuring national security. Differences in the national security strategies of Russia and Germany are conditioned by different levels of social and economic development. Thus, a major emphasis in the Russian strategy is made on solving social, economic and cultural tasks. The authors prove that the National Security Strategy of the Russian Federation focuses on improving the quality of life criteria to the world standards and on internal threats. This is predetermined by the fact that human rights and freedoms have not become firmly established as the highest value in the mindset and mentality of all social groups, when it is enough to have a statement regarding them in the Constitution or other law.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Dmitriy A. Lipinskii,</i> Dr of Legal Sciences, Professor, Master’s Programs Department</p> <p>e-mail: Dmitri8@yandex.ru</p> <p><i>Alexandra A. Musatkina,</i> Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Bachelor’s Programs Department</p> <p>e-mail: Musatkinaaa@mail.ru</p>	<p><i>Acknowledgements: the article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-011-00083 A “Legal Responsibility in the Mechanism of Ensuring National Security”</i></p>
<p>Key words: national security; security strategy; types of security; legal regulation of security; threats to security; Russia; Germany; human rights; state interests</p>	

Для цитирования: Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 3. – С. 58-73.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10030

For citation: Lipinskii, Dmitriy A.; Musatkina, Alexandra A. Sotsial'naya i gumanisticheskaya napravlennost' v strategiyakh natsional'noy bezopasnosti Rossii i Germanii: sravnitel'nyy politiko-pravovoy analiz (Social and Humanistic Orientation in National Security Strategies of Russia and Germany: Comparative Political and Legal Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 58-73.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10030

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ СВОЕЙ СТРАНЫ У ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Елена Борисовна Шестопал

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Наталья Валентиновна Смутькина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ирина Владиславовна Морозикова

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 19 апреля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 25 мая 2019</p>	<p>Аннотация: В статье представлены результаты исследования восприятия России ее гражданами, реализуемого на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Исследование было посвящено рассмотрению образа своей страны, сформированного в сознании жителей разных регионов. Методология исследования включала в себя фокусированные полустандартизированные интервью, а также метод проективных тестов. Для интерпретации данных использовались качественные методы с элементами количественных: методы кодирования и шкалирования ответов на открытые вопросы, а также статистический анализ. В работе представлены результаты сравнительного анализа образов своей страны у жителей 11 регионов России, эти данные дополнены отдельными кейсами, иллюстрирующими особенности восприятия России в Москве, Смоленской области и в Республике Тыва. Образ страны в сознании россиян рассмотрен с учетом рациональных и неосознаваемых компонентов. Внимание было уделено изучению важнейших структурных элементов образа: территории, народа, власти, политических лидеров и геополитической роли страны. Проведенное исследование позволило выявить особенности восприятия России в регионах с различным федеративным статусом. Выводы акцентируют две основные проблемы, связанные с региональными образами своей страны: во-первых, это проблема незавершенности формирования национально-государственной идентичности и, во-вторых, необходимость конструирования непротиворечивых образов прошлого и будущего своей страны. Кроме того исследование показало, что наиболее важными снованиями для формирования конгруэнтного образа страны являются, моральные детерминанты, которые имеют не просто высокую, но приоритетную значимость в политическом восприятии своей страны.</p> <p><i>Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ»</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Е.Б. Шестопал</i>, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики, Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: shestop0505@rambler.ru</p> <p><i>Н.В. Смутькина</i>, младший научный сотрудник кафедры социологии и психологии политики, Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: smulkina@mail.ru</p> <p><i>И.В. Морозикова</i>, к.психол.н., доцент, кафедра педагогики и психологии, Смоленский государственный университет</p> <p>e-mail: irina_morozikova@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>образ страны; политическое восприятие; образ народа; образ власти; региональные отличия; факторы восприятия; идентичность</p>	

Постановка исследовательской проблемы

Начиная со второй половины 1980-х, в нашем обществе наблюдался нарастал глубокий кризис идентичности¹, в результате которого у граждан формировалась весьма своеобразная политическая картина мира, где Россия воспринималась ее гражданами, как страна второго сорта, в которой, в отличие от «цивилизованных» стран Запада (Европа и США), и экономика отсталая, и образование и культура – куда хуже, чем там, и демократия – неразвитая. На смену позитивному образу своей страны советского периода² публицисты предлагали исключительно негативную картину нашей исто-

рии, из которой вычеркивался практически весь советский период, что формировало у граждан своего рода комплекс «исторической неполноценности». Такая картина складывалась, конечно, не сама собой, а насаждалась вполне конкретными лидерами общественного мнения, придерживающимися прозападной позиции, которые занимали ведущие позиции и в СМИ, и в культуре и в образовании.

Эта картина мира без особых изменений просуществовала четверть века, вплоть до 2014 года, когда ситуация резко переломилась. Присоединение Крыма и последовавшие вслед за ним западные санкции весьма наглядно показали российскому обществу подлинное лицо коллективного Запада, решившего наказать нашу страну за проявленную ею самостоятельность, и поставило под сомнение ту картину мира, которую навязывало своим гражданам либеральное меньшинство, занимающее ведущие позиции в культурно-духовной и медийной сферах. Большинство общества наконец-то «вспомнило» о роли России как великой державы, что привело к росту патриотических чувств населения и росту самоуважения граждан. Но эти новые представления о своей стране плохо сочетаются с комплексом национальной неполноценности, сформировавшимся в постсоветский период. Следует заметить, что исследования последних лет показывают, что общество так и застряло между этими двумя картинками мира: образом России как великой и самостоятельной державы, с одной стороны, и образом отсталой и зависимой, чуть ли не колониальной «верхней Вольты с ракетами» – с другой. Так называемый «пост-крымский синдром», о котором много говорят сегодня политологи, как раз и является следствием неразрешенности данного психологического парадокса в сознании российского общества.

Указанные противоречия требуют своего анализа. Мы полагаем, что никакой технологический, экономический или научный прорыв не возможен, если у рядовых граждан и особенно у элиты не изменится представление о самих себе, о своей стране и ее роли на мировой арене. Изучение образа своей страны у российских граждан и стало

¹ Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // *Полития*. – 2017. – № 4. – С. 48-64. [Evgen'eva, T.V.; Selezneva, A.V. Transformacija nacional'no-gosudarstvennoj identičnosti rossijskoj molodezhi v postsovetskij period: cennostnye osnovanija i simvolicheskie reprezentacii (Transformation of the National and State Identity of the Russian Youth during the Post-Soviet Period: Valuable Bases and Symbolical Representations) // *Politija*, 2017, No. 4, pp. 48-64.]; Семенов И.С. Культура, общество и образ России // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2007. – № 1. – С. 51-57. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html [Semenenko, I.S. Kul'tura, obshhestvo i obraz Rossii (Culture, Society and Image of Russia) // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2007, No. 1, pp. 51-57.]

² См. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М.: «Прогресс-Традиция». 2001. – 624 с. [Grushin, B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshhestvennogo mnenija. Ocherki massovogo soznaniya rossijan vremen Hrushheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina v 4-h knigah. Zhizn' 1-ja. Jepocha Hrushheva (Four Lives of Russia in a Mirror of Polls. Sketches of Mass Consciousness of Russians of Times Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 Books. 1st Life. Khrushchev's Era). Moscow: "Progress-Tradicija", 2001. 624 p.]

целью нашего исследования. При этом мы отдаем себе отчет в том, что в такой огромной стране, как Россия, где существуют колоссальные различия между территориями, для которых характерны разные традиции, менталитет, политические субкультуры, образы страны будут отличаться от усредненных значений. Поэтому мы прежде всего поставили перед собой задачу выявить эти отличия. Этому ракурсу темы и посвящена данная статья.

Теоретико-методологические основания исследования

Восприятие своей страны ее гражданами является сложной междисциплинарной проблемой. Ее анализ потребовал обращения к ряду теоретических подходов. В первую очередь мы опирались на политико-психологический подход, и, в частности, на теорию политического восприятия. Но опирались мы и на другие теоретические подходы.

Так ценными источниками для нас были теория политической идентичности, работы политических географов и регионалистов.

Так, **теория политической идентичности**, трактует образ страны, существующий в сознании ее граждан, как некий «набор параметров для самоотождествления»³. Содержательное наполнение этих «элементов» формирует «внутренний» образ страны. Теория политической идентичности позволяет соединять различные компоненты этого образа с механизмами соотнесения себя индивидом с той или иной социальной общностью (в данном случае – со страной).

Политические географы⁴ рассматри-

³ Семенов И.С. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2007. – № 1. – С. 5. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html [Semenenko, I.S. Kul'tura, obshhestvo i obraz Rossii (Culture, Society and Image of Russia) // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2007, No. 1, p. 5.]

⁴ См. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 107-112. [Zamjatin, D.N. Obraz strany: struktura i dinamika (Image

of the Country: Structure and Dynamics) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2000, No. 1, pp. 107-112.]; Замятин Д.Н. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // *Космополис*. – Весна 2008. – № 1 (20). – С. 98-105. [Zamjatin, D.N. Geograficheskiy obraz Rossii i postsovetskie jazykovye identichnosti (Geographical Image of Russia and Post-Soviet Language Identities) // *Kosmopolis*, 2008, No. 1 (20), pp. 98-105.]; Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26-50. [Zamjatin, D.N. Gumanitarnaja geografija: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk (Humanitarian Geography: Space, Imagination and Interaction of the Modern Humanities) // *Sociologicheskoe obozrenie*, 2010, Vol. 9, No. 3, pp. 26-50.]; Замятин Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. – 2011. – № 4. – С. 60-67. [Zamjatina, N.Ju. Smysl polozhenija: mesto v mental'no-geograficheskikh prostranstvakh (Sense of Situation: the Place in Mental and Geographical Spaces) // *Kul'turnaja geografija*, 2011, No. 4, pp. 60-67.]; Заяц Д.В., Колосов В.А. Геополитические образы в зеркале СМИ // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 136-212. [Zajac, D.V.; Kolosov, V.A. Geopoliticheskie obrazy v zerkale SMI (Geopolitical Images in a Mirror of Media) // *Otechestvennyye zapiski*, 2002, No. 6, pp. 136-212.]; Колосов В.А., ред. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. – М.: ФОМ. 2003. – 302 с. [Kolosov, V.A., ed. Mir glazami rossijan: mify i vneshnjaja politika (World in the Eyes of Russians: Myths and Foreign Policy). Moscow: FOM, 2003. 302 p.]; Колосов В.А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСА Сер. 1. – 2008. – № 1 (1). – С. 72-91. [Kolosov, V.A. Geograficheskie obrazy i geopoliticheskie predstavlenija: puti formirovanija i podhody k izucheniju (Geographical Images and Geopolitical Representations: Ways of Formation and Approaches to Studying) // *Vestnik DVGSA*, 2008, No. 1 (1), pp. 72-91.]; Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 170-187. [Kolosov, V.A.; Zotova, M.V. Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: pochemu Rossija ne Evropa (Geopolitical Vision of the World by the Russian Citizens: Why Russia not Europe) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2012, No. 5,

вают образ России в сознании ее граждан с точки зрения его территориальной составляющей⁵. Их исследования акцентируют преимущественно *когнитивные* его составляющие, оставляя за скобками его эмоциональную и поведенческую подоплеку.

В работах, посвященных **политической регионалистике** дается анализ специфики отдельных регионов России, проводится их классификация⁶. Однако

pp. 170-187.]; Митин И.И. Методика комплексной культурно-географической характеристики территории. Дисс... канд. геогр. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. [Mitin, I.I. Metodika kompleksnoj kul'turno-geograficheskoj harakteristiki territorii (Technique of the Complex Cultural and Geographical Characteristic of the Territory). Ph.D. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2007.]

⁵ См. Замятин Д.Н. Политико-географические образы российской пространств // Вестник Евразии. – 2003. – № 4. – С. 34-45. [Zamjatin, D.N. Politiko-geograficheskie obrazy rossijskogo prostranstva (Political and Geographical Images of the Russian Space) // *Vestnik Evrazii*, 2003, No. 4, pp. 34-45.]

⁶ Ивашкова Т.К., Морозова Н.В. Типология регионов Российской Федерации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. №6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/87EVN614.pdf> [Ivashkova, T.K.; Morozova, N.V. Tipologija regionov Rossijskoj Federacii (Typology of regions of the Russian Federation) // *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE»*, 2014, №6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/87EVN614.pdf>]; Маркин В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН. – 2008. – С. 229-249. [Markin, V.V. Regional'naja sociologija: problemy social'noj identifikacii i modelirovanija rossijskih regionov (Regional Sociology: Problems of Social Identification and Modeling of Russian Regions) // *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik / Ed. by M.K. Gorshkov, Vol.7, Moscow: Institut sociologii RAN, 2008. Pp. 229-249.*]; Меньщикова В.И. К вопросу об оценке уровня социально-экономического развития региона // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №9 (31). – С. 123-128. [Men'shhikova, V.I. K voprosu ob ocenke urovnja social'no-jekonomicheskogo razvitija regiona (On Assessment of Level of Social and Economic Development of the Region) // *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy,*

за редкими исключениями⁷, объектом их исследования являются исключительно социально-экономические и политические процессы, но не учитываются субъективные, психологические особенности восприятия гражданами своей страны.

Теория политического восприятия предполагает комплексное исследование образа страны с учетом его сложной психологической структуры, включающей в себя не только когнитивные компоненты, рациональные по своей природе, но и неосознаваемые пласты образов. Политико-психологическому анализу восприятия своей и других стран посвящен целый ряд работ, вышедших в последние годы⁸. Ис-

2011, No. 9 (31), pp. 123-128.]; Меньщикова В.И. Типология регионов в контексте обоснования применения инструментария региональной социально-экономической политики // Вестник ТГУ. – 2011. – № 10 (102). – С. 14-24. [Men'shhikova, V.I. Tipologija regionov v kontekste obosnovanija primenenija instrumentarija regional'noj social'no-jekonomicheskoi politiki (Typology of Regions in the Context of Justification of Use of Tools of Regional Social and Economic Policy) // *Vestnik TGU*, 2011, No. 10 (102), pp. 14-24.]; Туровский Р.Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 99-117. [Turovskij, R.F. Subnacional'nye regiony v global'noj politike (na primere Rossii) (Subnational Regions in Global Policy (on the Example of Russia)) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2011, No. 2, pp. 99-117.]

⁷ См. Вилков А.А. Ментальное восприятие региональной власти // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. Выпуск 4. Т. 10. – 2010. – С. 208-220. [Vilkov, A.A. Mental'noe vosprijatie regional'noj vlasti (Mental Perception of Regional Authorities) // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Sociologija. Politologija*, 2010, Vol.10, No. 4, pp. 208-220.]

⁸ Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26-44. [Shestopal, E.B.; Smul'kina, N.V. Faktory vosprijatija postsovetских стран v sovremenном obshhestve (Factors of Perception of the Post-Soviet Countries in Modern Society) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2018, No. 1, pp. 26-44.]; Шестопал Е.Б. Путин 3.0.: Общество и власть в новейшей истории России. – М.: АРТАМАК-МЕДИА, 2015. – С.19-

пользуя этот подход, мы предложили свою **концептуальную модель** восприятия России ее гражданами.

Мы выделили в структуре образа России два среза: с одной стороны – психологическую оптику, с другой – смысловые параметры. В первом, собственно психологическом измерении восприятия мы использовали такие шкалы, как *привлекательность, сила и активность*. В содержательном плане мы описывали наличие и определяли значимость в образе своей страны следующих пяти компонентов:

- образ территории;
- образ народа;
- образ власти;
- образ лидера;
- геополитический образ страны (миссия страны на международной арене).

Восприятие своей страны определяется влиянием целого комплекса *факторов*⁹. К ним относятся, прежде всего, объектные факторы (объект восприятия: сама страна, ее лидеры и население, и контекст, в ко-

тором мы выделяем устойчивые и изменчивые компоненты). Образ России кроме того является проекцией ожиданий субъекта восприятия, т.е. определяется также и – *субъектными факторами восприятия* (социально-демографические и психологические характеристики воспринимающих страну граждан).

Поскольку в этом материале мы сфокусировали свое внимание на формировании образа в разных регионах, то для нас особую актуальность приобретает *пространственный фактор*, который определяет психологические границы представлений граждан о территории России.

Характеристика исследования

Эмпирический этап исследования был проходил с октября 2017 по март 2018 года.

Выборка. Основой эмпирической части исследования стали 525 интервью с респондентами в Москве, Челябинской, Смоленской, Самарской, Томской, Саратовской и Брянской областях, в республиках Дагестан, Башкортостан, Тыва и в Крыму. Кроме интервью нами было собрано 475 рисуночных тестов. Выборка не была репрезентативной для России в целом, но она сбалансирована по полу, возрасту и образованию, как это принято для качественных методов. Выбор регионов диктовался их разным федеративным статусом (столица, область, республика).

Методология сбора данных предполагала использование, как количественных, так и качественных методов, направленных на выявление вербальных и визуальных аспектов образа России. Она включала в себя фокусированные полустандартизированные интервью с рядовыми российскими гражданами, с использованием метода «неоконченных предложений». Помимо интервью мы использовали метод проективного теста «Рисунок России». В исследовании был также применен метод кейс-стади, позволивший рассматривать образ страны в сознании респондентов-жителей разных регионов, с учетом уникального характера каждого региона.

Обработка и интерпретация данных, относящихся к неосознаваемым элементам

48. [Shestopal, E.B. Putin 3.0.: Obshhestvo i vlast' v novejshej istorii Rossii (Putin 3.0.: Society and the Power in the Contemporary History of Russia). Moscow. ARGAMAK-MEDIA, 2015. Pp. 19-48.]; Пищева Т.Н. Образ России в стране и в мире: научные исследования в современной политической психологии» / От истоков к современности. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – С. 451-453. [Pishcheva, T.N. Obraz Rossii v strane i v mire: nauchnye issledovaniya v sovremennoj politicheskoy psihologii (The Image of Russia in the Country and in the World: Scientific Research in Modern Political Psychology) / Ot istokov k sovremennosti, 2015. Moscow: MGU. Pp. 451-453.]

⁹ Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26-44. [Shestopal, E.B.; Smul'kina, N.V. Faktory vospriyatija postsovetских stran v sovremennom obshhestve (Factors of Perception of the Post-Soviet Countries in Modern Society) // Polis. Politicheskie issledovaniya, 2018, No. 1, pp. 26-44.]; Шестопал Е.Б. Путин 3.0.: Общество и власть в новейшей истории России. – М.: ARGAMAK-MEDIA, 2015. – С.19-48. [Shestopal, E.B. Putin 3.0.: Obshhestvo i vlast' v novejshej istorii Rossii (Putin 3.0.: Society and the Power in the Contemporary History of Russia). Moscow. ARGAMAK-MEDIA, 2015. Pp. 19-48.]

образа страны, проводилась посредством выявления метафор в ответах, а в рисуночных тестах – посредством анализа символов и сюжетов рисунка. При интерпретации полученных рисунков внимание было сфокусировано на: смысловых характеристиках компонентов образа, сценариях сюжетов; символических объектах, встречающихся в изображении. Для анализа полученных данных использовались *качественные методы* с элементами *количественных*, в частности, методы кодирования и шкалирования ответов на открытые вопросы, а также статистический анализ полученных результатов.

Обсуждение результатов

Сравнительный анализ образов страны в российских регионах

Прежде, чем рассматривать отличия образов России в разных регионах, следует отметить **общие тенденции** восприятия, свойственных всем регионам.

В целом Россия в восприятии российских граждан выглядит скорее *привлекательной*. При этом в содержательном плане эти позитивные оценки относятся к российскому

народу. *Сила* в образе страны нередко связывается с ее международной активностью, тогда, как *слабость и пассивность*, упоминаются при характеристиках проблем внутренней политики и образов власти (см. *Таб. 1.*). Отметим что и здесь региональные особенности выглядят довольно выпукло. Например, наиболее привлекательным образ России выглядит в Тыве, Самаре и Керчи., а наименее привлекательным он кажется жителям Дагестана. Уфы и Томска. Сильной Россию видят в Самаре, Брянске и в Тыве, а скорее слабой – в Томске, Уфе и в Самаре. Активность является значимым параметром образа страны в Самаре, Тыве и в Томске. Таким образом, все указанные психологические параметры выглядят рассредоточенными по разным аспектам образа России, что говорит о его неконгруэнтности.

К достоинствам России респонденты относят, прежде всего, природные ресурсы, вооруженные силы, историю и сам российский народ. К слабым сторонам страны респонденты из всех регионов относят экономику, промышленность и финансы, науку и образование.

Собственно этим общее в образах России в разных регионах и исчерпывается.

Таблица 1

Как бы Вы могли охарактеризовать власть в современной России? (%)

Города	Эмоциональный знак образа власти					Сила образа власти				Активность образа власти			
	позитивный	негативный	амбивалентный	нейтральный	Нет ответа	сильный	слабый	нейтральный	нет ответа	активный	пассивный	нейтральный	нет ответа
Москва	11,4	46,7	36,7	1,7	3,5	33,8	28,2	34,5	3,5	43,6	10,8	42,1	3,5
Челябинск	11,9	44,1	20,3	16,9	6,8	15,3	44,1	32,1	8,5	40,7	13,6	37,2	8,5
Смоленск	16	46	32	4	2	20	48	22	10	36	16	38	10
Томск	3,2	48,4	38,7	6,5	3,2	22,6	58,1	12,8	6,5	48,4	22,6	22,5	6,5
Керчь	29,7	14,8	37	7,4	11,1	33,3	33,3	22,3	11,1	29,6	11,1	48,2	11,1
Самара	50	35	5	5	5	45	50	0	5	60	30	5	5
Тыва	52	20	12	16	0	44	32	24	0	52	24	24	0
Брянск	17,4	42,5	2,1	9,7	28,3	17,4	26	28,3	28,3	17,4	13	41,3	28,3
Саратов	24	44	14	8	10	34	30	26	10	42	10	38	10

Города	Эмоциональный знак образа власти					Сила образа власти				Активность образа власти			
	позитивный	негативный	амбивалентный	нейтральный	Нет ответа	сильный	слабый	нейтральный	нет ответа	активный	пассивный	нейтральный	нет ответа
Дагестан	8	76	8	0	8	20	48	24	8	40	12	40	8
Уфа	12	62	10	10	6	22	56	16	6	22	56	16	6
<i>Общее по стране</i>	17,9	45,3	23,3	7,2	7,2	26,5	39	26,1	8,4	37,9	19,8	33,9	8,4

Table 1. How would you characterize power in modern Russia? (%)

Дальше начинаются различия (см. Таб. 2.).

Наиболее позитивно воспринимают Россию жители Тывы, Самары и Керчи, а наиболее критично – респонденты из Дагестана, Башкирии, Томска и Москвы. При этом как позитивные, так и негативные образы формируются под влиянием уникального набора факторов в каждом регионе. Прежде всего, обращает на себя внимание влияние регионального психологического

климата, социально-экономического положения российских субъектов и их истории. Культурный и исторический контекст региона также определял уникальность сильных и слабых сторон в восприятии своей страны. Указанная особенность восприятия в большей мере была заметна при изучении того, что вызывает **гордость и стыд россиян за свою страну**. Например, оказалось, что томичи, чаще остальных, гордятся си-

Таблица 2

Неудовлетворенность потребностей в оценках власти (%)

Города	материальные	безопасность	любовь	самореализация	самоактуализация	другое	нет ответа
Москва	13,3	17,1	4,3	18,5	11,4	31,9	3,5
Челябинск	3,4	23,7	35,6	10,2	22	0	5,1
Смоленск	2	32	22	6	28	0	10
Томск	3,2	41,9	29	3,2	16,2	0	6,5
Керчь	3,2	14,8	11,2	18,5	44,4	0	7,9
Самара	15	70	5	5	0	0	5
Тыва	0	20	16	48	12	0	4
Брянск	8,7	13	10,9	10,9	4,3	23,9	28,3
Саратов	28	18	14	12	8	10	10
Дагестан	20	20	16	20	12	4	8
Уфа	16	18	24	12	4	20	6
<i>Общее по стране</i>	10,4	22,7	15,8	14,5	14,3	13,9	8,4

Table 2. Dissatisfaction with the needs of the estimates of power (%)

лой духа российского народа, мессианской ролью России на мировой арене («Россия спасает Пальмиру, защищает гуманность и ценности»), а крымским респондентам свойственно отмечать гордость за присоединение полуострова к России и за то, что они трудятся на благо государства.

Слабости, приписываемые образу России, прежде всего, определяются проблемами, существующими в регионе. Говоря о своем стыде за страну, респонденты Челябинской области, например, чаще других упоминали коррупцию, бюрократию, несправедливую налоговую политику. Жители Смоленской и Саратовской областей фокусировали внимание на социальном расслоении, неэффективности социальной политики. Тувинцы чаще других упоминали бесхозяйственность, неухоженность своего региона, национализм и дискриминацию. Жители Башкортостана упоминали: упадок, деградацию, отсталость, нищету, прогнившую власть.

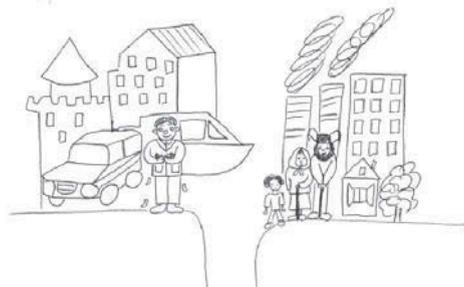
Оценки привлекательности России в разных регионах отличались и по их представлениям об **идеальной России**. Характеристики образов идеальной страны оказались явно под влиянием неудовлетворенных потребностей. Так, развитие промышленности и науки было важно для *томичей*, экономическое процветание ставилось во главу угла в депрессивной *Брянской области*. В *Дагестане* Россию хотели бы видеть скорее справедливой и дружной, а в *Уфе* желали, чтобы власть, в первую очередь, «слушала и слышала» свой собственный народ. В *Крыму* желания респондентов были связаны с динамичным развитием страны, ее готовностью быть самостоятельным международным игроком, защитником народа.

Приведенные в таблице данные показывают, что одни регионы более сензитивны к проблеме восприятия страны, чем другие. К первым относятся Башкирия, Томск, Тыва, Самара. В целом, показывают большую чувствительность к темам, связанным с восприятием своей страны два типа регионов: национальные республик и регионы, где есть социально-экономические трудности. Кроме того особые случаи представляют Томск – город, где очень высокие

ожидания в отношении развития культуры, науки и крымский регион (Керчь), недавно вошедший в состав России.

Рис. 1

Женщина, 25 лет, среднее образование, Челябинск

Рассмотрим **содержательные отличия** в региональных образах страны по каждому из пяти компонентов.

Власть в образе страны (см. Таб. 1-2).

Критичность в отношении к власти особенно ярко проявили москвичи, челябинцы и жители Томска. При этом в челябинской выборке чаще, чем где бы то ни было упоминалась *дистанция между властью и обществом*, за которой стоит неудовлетворенная потребность в любви. Томские респонденты чаще других упоминали о *непривлекательности чиновничества*. Но если в Челябинске в наибольшей мере была выражена классическая формула «хороший царь – плохие бояре», то в Томске российскую власть было свойственно обвинять в «авторитаризме столоначальников», которым они отказывают в уважении. Наблюдаемая тенденция вероятно объяснима идентификационных фактором. Научная элита воспринимается томицами как более своя, а политическая элита воспринимается как чуждая (см. Рис. 1.).

В Брянской, Саратовской области и Дагестане в наибольшей мере наблюдались пассивно-неудовлетворенные настроения в отношении власти. Чаще, чем в других регионах здесь были выражены нереализованные материальные потребности. При этом в случае брянских респондентов наблюдалось наибольшее отстранение от политики, в Дагестане чаще, чем в других регионах, было свойственно связывать власть с отдельными группами и партиями, обвинять ее в коррупции (по 32%).

Разочарование в отношении власти, нереализованные ожидания в наибольшей мере были характерно для крымских респондентов. В этом регионе отчуждение от власти, абстрактность ее образа были наиболее заметны на фоне позитивной оценки государства. В **Крыму** воспринимают элиту как неподконтрольную и оторванную от народа, а наименее удовлетворенной оказалась потребность в самоактуализации. Указанные тенденции можно трактовать через стремление крымского общества «сродниться» с российским обществом и государством, политическую же власть оно воспринимает не как «свою». С этим, вероятно, связана и склонность крымских респондентов фокусировать внимание на международном аспекте образа страны. На неосознаваемом уровне восприятия заметна и некоторая неудовлетворенность потребности безопасности. Особенно это заметно в рисунках страны, где нередко присутствуют символы агрессии, запрос на силу и защиту со стороны власти (см. *Рис. 2*).

Рис. 2

Мужчина, 20 лет, среднее образование, Крым

Образ политического лидера

Этот элемент образа страны мы выявляли через частоту упоминания лидера и показатели доверия к ним. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что даже к известным политическим лидерам опрошенные высказывают недоверие. Наибольшее совпадением доверия в сочетании с высокой частотой упоминания было характерно для С. Лаврова. Региональные лидеры

почти не упоминались в качестве влиятельных персон. Исключения составили: Собянин, которого упомянуло 5% москвичей, Кадыров (28% респондентов – жителей Дагестана назвали его фамилию). В столице чаще, чем в регионах, отмечали влияние фигуры Навального. Шойгу упоминали как влиятельного политика 76% жителей Тывы, доверие к нему высказывали при этом 56% тувинцев, которые воспринимают его как «земляка».

Образ народа

В сравнении с властью, народ в образе страны выглядит более привлекательным. Число позитивных **характеристик народа** заметно превышает число негативных оценок во всех исследуемых регионах (см. *Таб. 3*). Большая часть ответов респондентов, сосредоточена вокруг уникальных характеристик формирующих неповторимый русский характер. Наиболее позитивно россияне оценивают в дотационных регионах: в Дагестане, в Крыму и в Тыве. При этом наиболее критичными в отношении россиян были респонденты – жители Москвы (14,1%) и Башкортостана (12%), что вероятно связано с повышенной тревожностью респондентов из этих регионов. Морально-нравственные характеристики в образе народа заметно преобладали в таких «русских» регионах, как Керчь, Томск, Саратов, Смоленск. Культурные особенности региона нередко отражались в оценках россиян, так, например, для жителей Дагестана были более важны такие качества как: *мужество, отвага, толерантность*.

Отвечая на вопрос о преобладающей личной идентификации, респонденты чаще всего отмечали значимость для них гражданской идентичности. А вот важность «быть жителем своего региона» чаще других отмечали в Томске (32,3%) и Дагестане (20%). Вероятно, сибирская идентичность и республиканский статус Дагестана определили повышенную значимость региональной идентичности. Этническая идентификация была приоритетной в Тыве (24%), Самаре (20%), Смоленске (20%) и Брянске (19,6%).

Таблица 3

Какими качествами обладает народ России?(%)

Города	Эмоциональный знак Образа народа					Категории качеств Образ народа					
	позитивный	негативный	нейтральный	амбивалентный	нет ответа	внешние качества	психологические качества	нравственные качества	коммуникативные качества	деловые качества	нет ответа
Москва	59,9	14,1	3,5	22,5	0	4,9	45,1	37,3	11,3	1,4	0
Челябинск	74,6	10,2	1,6	13,6	0	5,1	40,7	49,2	1,7	3,3	0
Смоленск	74	10	6	8	2	10	20	62	6	0	2
Томск	64,5	6,5	3,2	25,8	0	3,2	18,2	72,2	4,3	0	2,1
Керчь	85,2	7,4	0	0	7,4	0	11,1	77,8	3,7	0	7,4
Самара	60	5	5	20	10	10	25	45	10	0	10
Тыва	84	4	0	12	0	4	40	56	0	0	0
Брянск	67,4	2,2	0	17,4	13	2,2	30,4	47,8	4,3	2,3	13
Саратов	82	6	0	8	4	2	28	64	2	0	4
Дагестан	92	4	0	4	0	20	36	40	4	0	0
Уфа	80	12	2	6	0	2	64	24	4	4	2
<i>Общее по стране</i>	72	7,7	2,5	14,3	3,5	5,1	36,4	48,8	5,7	1,3	2,7

Table 3. What qualities does the people of Russia possess? (%)

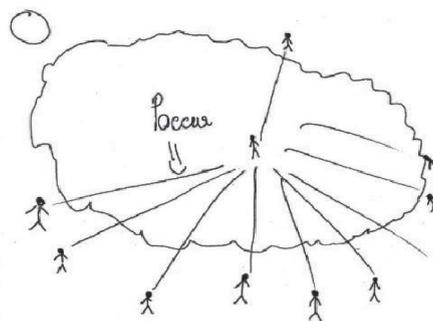
Образ территории

Наше исследование показало, что **территориальный вопрос** не является значимым для большинства опрошенных. Важнее формальных границ для опрошенных оказались психологические границы образа страны. Территориальный «экспансионизм» в большей мере был свойственен опрошенным в Крыму (44,4%), в Самаре (35%), Москве (34,5%). Предположения о возможных территориальных потерях звучали чаще от респондентов Томской области (12,9%). У представителей центрально-российских регионов в большей мере наблюдается размывание пространственных пределов страны, так как «они окружены Россией» (см. Рис. 3), тогда как жители окраин, четче представляют границы государства и теснее взаимодействуют

с «потенциально присоединяемыми или отсоединяемыми» территориями.

Рис. 3

Мужчина, 19 лет, среднее образование, Смоленская область

Наибольшее число присоединяемых территорий обнаружено в ответах респон-

дентов из Уфы и Саратова, что вероятно связано с наиболее размытым образом будущего и своеобразным «комплексом неполноценности», толкающим респондентов требовать от власти сиюминутных успехов (типа победы на Олимпиаде) или территориальных приращений (наиболее очевидных достижений). Данная тенденция сказывается и на повышенном запросе на державность России на международной арене. В этих регионах чаще обычного можно было услышать: «Россию должны уважать!»

Изучение образов России в разных регионах позволило говорить о влиянии на процесс восприятия таких факторов, как уровень экономического благополучия региона, его социальная, этническая, конфессиональная структура и даже ментальные особенности. Но, прежде всего, было заметно значительное влияние субъектного фактора, связанного с неудовлетворенными потребностями респондентов.

Case-study образов страны в регионах разного типа

Выявленные в результате сравнительного анализа особенности восприятия заставляют нас уделить им более пристальное внимание и склоняют к выдвигению гипотезы о значительном влиянии политического статуса региона на процесс восприятия своей страны его жителями. Ассиметричный характер российского федерализма заставляет нас более детально рассмотреть образы страны, сформированные в **регионах с разным федеративным статусом**.

В первую очередь был рассмотрен кейс, раскрывающий специфику формирования образа России в **Москве**, городе федерального значения со столичным статусом. В качестве примера региона с республиканским статусом была выбрана одна из самых удаленных от столицы национальных республик – **Тыва**. Интересным оказалось рассмотрение в «областном кейсе», образа страны в **Смоленской области**, – регионе, в котором, респонденты демонстрировали наиболее выраженные подавленные (даже депрессивные), но не активно-протестные настроения, оценивали политическую

власть скорее как непривлекательную, но представили достаточно средние значения по другим параметрам образа страны.

Образ России в сознании столичных жителей (Москва)

Образ России в сознании москвичей выглядит достаточно привлекательным, но стереотипизированным и когнитивно бедным. Наиболее четкой в отличие от других регионов частью образа страны оказалась власть. В сравнении с показателями других регионов, в столичном массовом сознании власть выглядела более сильной, близкой гражданам, активной, персонафицированной, но и более непривлекательной (см. *Таб. 2*). Специфической чертой московских образов России было максимально критическое отношение к власти и самая высокая субъектность образа (власть воспринималась через образ градоначальника) среди всех регионов (38% при среднем значении 23%). Примечательно, что обвинения в коррупции меньше характерны для москвичей, чем для жителей других регионов. Опрошенные нам москвичи, ассоциируют власть с ее федеральным уровнем и не имеют личного опыта столкновения с коррупцией.

Рис. 4

Мужчина, 32 года, высшее образование, Москва

В Москве в меньшей степени наблюдалась неудовлетворенная потребность в любви (см. *Таб. 2*). Вероятно, столичный статус определяет ощущение большей близости власти обществу. Наиболее частыми в связи с властью упоминаются олигархи, власть групп и неэффективность власти. В сво-

их оценках московские респонденты чаще других фокусировали внимание на взаимоотношениях власти и оппозиции. Наиболее сложные сюжеты рисунков московских респондентов были связаны, прежде всего, с взаимоотношениями общества и власти и проявлялись в двух вариациях: «человек – государственная машина» и «народ-власть» (см. Рис. 4).

Московское восприятие власти отличается значительной персонификацией власти (21,5% при среднем значении – 9,5%). К наиболее влиятельным политическим фигурам респонденты относили Путина, Лаврова, Шойгу, Жириновского, Медведева, Зюганова, Навального.

Отличительной чертой столичного восприятия можно назвать **несколько сниженную привлекательность образа российского народа** (наибольшее число негативных и амбивалентных оценок). Примечательно это, в связи с тем, что культура оценивалась москвичами более позитивно, нежели в других регионах (культура как то, чем может гордиться страна – 30,3%, при среднем значении 24%). Цивилизованность россиян чаще упоминалась именно московскими респондентами.

Рис. 5

Женщина, 23 года, высшее образование, Москва

Символизм в проективных рисунках москвичей чаще был связан с символами-стереотипами (см. Рис. 5). Именно в столице четко видно, респонденты (особенно млад-

шие) нередко смотрят на свою страну как бы извне. Своим символическим содержанием образ России у молодежи наиболее схож с внешним образом. При этом стремление идентифицировать себя с сильной и значимой структурой (как в политическом, так и в духовном плане) не исчезает.

Столичный статус формирует у жителей региона впечатление большей близости к власти, здесь ее воспринимают более персонифицированно. Федеральный, региональный и местный уровни власти сливаются воедино в глазах респондентов. Это формирует две прямо противоположные реакции в ходе восприятия: первая их них – критичность в отношении власти, вторая – отчуждение от нее. Статус города федерального значения, мегаполиса формирует весьма противоречивый идентификационный профиль московских жителей. В московском сознании достаточно размыт образ народа, он не связан напрямую с категорией «русскости», также как и не связан с другими этническими или религиозными идентификациями. Столичный житель привык оценивать граждан собственной страны по критериям не нравственных, а коммуникативных и психологических качеств. И это вероятно также в свою очередь формирует более прагматичный подход к оценкам страны в целом. Давая более критическую и рациональную оценку России, именно москвичи чаще других давали стереотипированные, и лично-отчужденные оценки страны, сформированные, вероятнее всего, в значительной мере под влиянием СМИ.

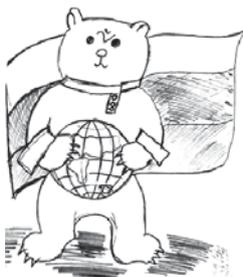
Образ России в сознании жителей национальной республики (Тыва)

Образу России жители республики Тыва нередко приписывают привлекательность и особенно силу, которую связывают с достоинствами государства (наиболее высокий показатель среди других регионов – 44%). На неосознаваемом уровне восприятия сила актуализировалась в образе еще чаще. Сюжеты рисунков обычно были связаны с изображениями природы и символами государственности (см. Рис. 6-7). Следует отметить, что подобное преобладание позитивных оценок государственности над

негативными является особенностью восприятия в регионах с не особенно стабильными региональными режимами (например, Крым, Самарская область). Слабыми сторонами России тувинцы называли экономику (60%), науку и образование (40%), а также религию (32%). Последняя тенденция особенно примечательна в случае Тывы и вероятно объяснима культурой и вероисповеданием коренных жителей республики (тувинцы исповедуют буддизм в сочетании с элементами шаманизма).

Рис. 6

Женщина, 46 лет, высшее образование, Тыва

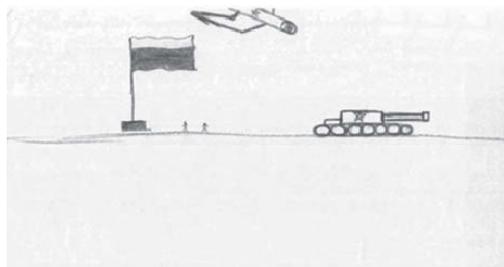

Исследование показывает, что привлекательные характеристики власти в образе страны в Тыве заметно преобладали, что не является общероссийской тенденцией (см. Таб. 1). Респонденты говорили о власти в позитивном ключе («Она защищает интересы народа, сохраняет целостность и структуру государства, следит за внутренними делами»). При этом наблюдалась низкая субъективация властных образов (8% при среднем значении в 23%) и когнитивная бедность (88%). Жители региона с трудом определяют ответственных за принятие политических решений. Респонденты республики персонифицировали именно власть федеральную («Высокий уровень коррупции, удовлетворяет только верх власти – президент и Шойгу»).

Весьма интересными оказался потребностный профиль образа власти в Тыве (Таб. 2). В качестве максимально актуализированной потребности здесь выступала потребность в самореализации. Это можно объяснить влиянием на восприятие контекстуального фактора (политического баланса сил в регионе).

Рис. 7

Мужчина, 32 года, высшее образование, Тыва

В Тыве наиболее популярной характеристикой власти является ее оценка как эффективной (44%). Следует, однако, отметить, наиболее часты при этом упоминания олигархии (12%). В Тыве чаще, чем в других регионах внимание респонденты говорили о власти отдельных групп, специфической закрытости и клановости элиты. Упомянутые тенденции, вероятно, связаны с особенностью республиканского политического режима и более сильным влиянием этнического фактора на политическое восприятие.

Фактор идентичности заметно влияет на формирование всех компонентов образа страны в Тыве. Это можно назвать значимой региональной особенностью. Сложным является вопрос о месте народа в образе страны в национальной республике. С одной стороны, на рациональном уровне восприятия образ народа выглядел очень привлекательным (84% позитивных оценок россиян). С другой стороны, проективные техники позволили зафиксировать, что тувинцы рисуют народ не просто отдельно от власти, но и приписывают ему куда меньшее значение, чем власти. Любопытной региональной особенностью является и то, что тувинские респонденты негативные качества россиян не переносят «на себя», а приписывают их русским. Из непривлекательных черт характера чаще в республике упоминалась *лень*, которая приписывалась не только народу, но и государству в целом.

В Тыве чаще, чем в других регионах, проявляется приоритет конфессиональной и этнической идентичности (8% и 24% при средних значениях по стране – 2,3% и 15%). Это объясняет видение ими более отчужденных, хоть и привлекательных оценок федеральной власти и народа России. Один из ту-

винских респондентов сказал: «Я сын своего народа, который живет вместе с Россией».

Рис. 8

Мужчина, 28 лет, среднее образование, Тыва

Проблемы формирования национально-государственной идентичности в Тыве были заметны и в размытых представлениях о границах России. При описании пределов страны жители республики нередко говорили о ее безграничности (48%). Языковая специфика региона также влияла на формирование политических образов в массовом сознании, 8% респондентов отмечали, что Россия ограничивается территорией, на которой проживает русское и русскоговорящее население (здесь следует упомянуть высокую популярность национального тувинского языка в республике). Статус и историко-культурная самобытность региона, влияют и на то, что при оценке международной роли России в этом регионе чаще можно было встретить подчеркнутую автономность России, здесь чаще говорят о ее самодостаточности («...хотел бы, чтобы Россия отказалась от европейских ценностей»).

Рассмотрение особенностей политического восприятия страны в Тыве позволяет говорить о значительном влиянии на формирование образа региональной модели отношений «власть-общество» (см. Рис. 8). Возможно, национальные диаспоры, традиции политического рекрутирования тувинской элиты или особенности республиканского политического режима определяют у жителей этой республики чувство неудовлетворенности и неспособности реализовать себя, однако формируют скорее позитивные, хоть и несколько отчужденные представления о федеральной политической власти.

Исследование показало, что для этой национальной республики характерен не-

конгруэнтный образ страны, что связано, прежде всего, с идентификационной разбалансированностью. В данном случае наиболее проблемным элементом образа страны оказалось восприятие народа, воспринимаемого тувинцами как «не совсем своего». Таким образом данная национальная республика является исключением среди других регионов, в которых народ выступает стержневым компонентом образа страны.

Образ России в сознании жителей областного центра (Смоленская область)

При ответе на вопрос «Как Вам кажется, какие сильные и слабые стороны у России?» большинство смолян отмечали такие сильные стороны у России как люди и природные ресурсы (60%), историю (56%). Кроме того в эту группу они включали вооруженные силы (40%) и культуру (34%). Среди слабых сторон страны смоляне называли: экономику, финансы, промышленность (92%), а также науку и образование (38%), государство (34%), спорт (28%). Таким образом, в образе современной страны смоляне основную проблему видят в экономике, финансах, промышленности.

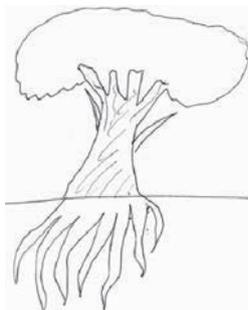
В основном респонденты выражали гордость за свою страну. В первую очередь потому, что это Родина («гордится Родиной – это норма»), могучая страна («большое культурное наследие, сильный народ, богатая история»). Отмечается, что страна имеет огромный потенциал. Однако, смоляне говорят и о проблемах, которые мешают им гордиться своей страной («мы можем быть больше и достойнее»). В первую очередь отмечают, что экономика на данном этапе нестабильна, падает уровень культуры, большое расслоение в обществе, происходит изменение ценностей у молодого поколения, процветает коррупция, существует большой разрыв между властью и народом, пассивность («всем на все плевать»). Особенно (почти в каждом втором ответе) подчеркивается низкий уровень жизни населения, малая забота власти о гражданах («стыдно за зарплату учителей, врачей, за пенсионеров, потерянные социальные завоевания социализма»).

В большинстве рисунков образ страны связан с ее природными ресурсами. Необхо-

димо отметить две тенденции в изображении. В первом случае – это изображение территории: «Россия – это мы с вами!», «Сильная Россия – Единая Россия». Во втором случае – это пейзаж, который отражает красоту природы, просторы – т. е. природа как безграничность. Самыми распространенными элементами пейзажа являются *дерево, дом, дорога*. Изображение дерева отражает жизненную энергию. Чаще всего рисуют березы. Однако, можно встретить и другие деревья. Приведем комментарий к одному из рисунков: «Россия – это дуб – сильное и крепкое дерево. Крона – это культура, красота природы, менталитет. Корни – сила, исторический опыт. Ствол – единство народов» (см. Рис. 9). Дом можно рассматривать как символ безопасности. Он представлен на $\frac{1}{3}$ рисунков. В целом, он ассоциируется с базовой защищенностью, обжитой территорией (дом с занавесками и другими прорисованными милыми деталями; работающий трактор), что также отражается в сопровождающих надписях: «Мир, труд, май», «Мирный труд на благо всех людей нашей страны». Дорога подчеркивает безграничность просторов, связь прошлого с настоящим и будущим. В $\frac{1}{3}$ пейзажей присутствует солнце – источник тепла и силы, что может говорить о светлом восприятии образа в России в целом. В ряде изображений присутствует драматизм, что отмечено в комментариях: «Много линий – это проблемы России, нужно преодолеть их, чтобы жить достойно».

Рис. 9

Мужчина, 22 года, среднее образование,
Смоленская область

В основном смоляне воспринимают народ России позитивно (74%). Негативное

отношение высказывают только 10% испытуемых. Среди качеств, которыми обладают граждане России, они выделяют нравственные качества (см. Таб. 3). Необходимо заметить, что деловые качества не входят в число наших достоинств. Для большинства (60%) смолян важно, что они являются гражданами Российской Федерации. 20% считают значимым, что они – представители своей национальности. Для 10% респондентов важно то, что они – жители своего региона, города, села, а для 2% – представители религиозной конфессии. Самым популярным россиянином, по мнению респондентов, является В.В. Путин. Необходимо отметить, что его не просто считают одним из самых влиятельных мировых лидеров, но ему и доверяют.

Отношение к власти в современной России чаще определяется респондентами как негативное – 46% (слабая, преобладает олигархия и коррупция), реже, как нейтральное – 32% и позитивное – 16% .

Большинство смолян (90%) отмечают власть, как источник целенаправленной деятельности, однако, представления о ней размыты. Конкретен он лишь редких ответах (орел, Кремль). На первый план в представлениях о власти выходит режим, то есть абстрактные представления.

У респондентов преобладают в безопасности самоактуализации. Они видят власть преимущественно как слабую или нейтральную, только 1/5 испытуемых считают ее сильной. Часть испытуемых отмечают такие черты власти как беспредел, хаос (26%), неэффективность (22%), авторитаризм, тоталитаризм, диктат (16%), коррупция (14%).

Больше половины респондентов (52,9%) определяют территорию России границами РФ, 15,6% смолян считают Россию безграничной. Целостность территории подчеркивается характером изображений и комментариями к ним: «Дружелюбная страна, которая уважает все страны и готова принимать иностранцев; мирная страна и хочет дружить» (см. Рис. 3). Территориальные образы России на рациональном и бессознательном уровнях восприятия совпадают. Она представляется большой и территориально целостной. Большинство респондентов (72%) считают, что границы

России в ближайшие годы останутся без изменений.

Заключение

Как показал проведенный анализ, образ России имеет как общие для всех регионов, так и особенные черты, уникальные для каждого из них. Так, **общим** для всех регионов является то, что процесс формирования разного типа идентичностей (национально-государственной, региональной, этнической и др.) явно не завершен. Об этом говорит, прежде всего, неконгруэнтность образов своей страны в сознании большинства ее граждан. Тот процесс возвращения России к самой себе, который начался после присоединения Крыма, не завершен, и является весьма противоречивым и по эмоциональному знаку, и по символическому наполнению. Несмотря на то, что мы уже ушли от комплекса национальной неполноценности 1990-х, однако позитивный образ своей страны еще весьма далек от завершенности. Сегодня большинство наших респондентов уже имеют весьма позитивные представления о внешнеполитической роли России в мире, но их восприятие того, что происходит внутри страны, их внутривнутриполитическая картина мира весьма негативна.

Компоненты содержательного наполнения образа России мы их выделили 5) в сознании жителей страны не равнозначны в своем весе. При этом они находятся в определенной иерархии. Так, **образ народа** выступает стержневым компонентом образа страны. Данный конструкт имеет наибольшую устойчивость и единообразие даже в условиях разнообразия региональных типов восприятия. Это объяснимо его значительной зависимостью от национально-государственной идентичности и от иерархии ценностей в российском массовом сознании.

Встречающиеся региональные отличия в образах народа как правило детерминированы особенностями идентификации жителей региона. Особенно заметное влияние в данном случае оказывает этническая и религиозная идентичности воспринимающих. Так, в Тыве мы обнаружили отличную

от всех иных регионов модель восприятия России, на которую указанные типы идентификации оказали решающее воздействие. Важную роль здесь играют представления граждан о символическом пространстве и психологических границах страны.

Важную роль в восприятии страны во всех регионах играет **образ политического лидера**. Речь здесь идет как о личностях и символах прошлого, так и о национальных (реже региональных) политических лидерах. Именно они помогают обществу ответить на вопросы: «кем мы были?» и «кем мы будем/должны быть?». В представлениях россиян именно политический лидер должен предложить национальную идею, образ будущего страны.

Образ политической власти выступает самой рельефной частью образа страны в массовом сознании, что не мешает воспринимать ее весьма негативно. Восприятие, при этом, нередко отличается многоступенчатым характером. Представления о федеральной власти в стране, формируются сквозь призму восприятия более близких респонденту уровней (местного и регионального). В случае слишком серьезных барьеров в отношениях граждан с более близкой им муниципальной и региональной властью, они адресуют свои запросы, чаянья и надежды политическим институтам более высокого уровня. Правда и здесь есть свои исключения. Так, в Москве мы столкнулись с феноменом слияния в сознании граждан властей разного уровня. В столице респонденты видят всю власть только как федеральную. Городская власть как бы проваливается под весом федеральной.

Геополитический образ страны является наиболее подвижным компонентом. В отдельные периоды времени его значимость способна заметно снижаться, так как данная часть образа страны в наибольшей степени зависима от коммуникативного контекста: от информационной повестки, формирования имиджа страны в СМИ. В настоящее время этот аспект образа страны вызывает у опрошенных более позитивный отклик, чем внутренняя политика.

Образ территории в восприятии страны не вызывает у опрошенных особых про-

блем в процессе восприятия. Он отличается в разных регионах, но в целом у всех респондентов мы выявили адекватное восприятие своих границ без притязаний на территории других стран или склонности «подлиться» с ними своей территорией, которую мы наблюдали в 1990-е-2000-е.

Что же касается **региональных отличий** в восприятии своей страны, которые были основным предметом нашего анализа в данной статье, то они, **во-первых**, вполне ожидаемо зависят от достижений и неудач региона в социально-экономической, политической и духовной сферах. Сравнительный анализ психологических особенностей восприятия страны в регионах позволил сгруппировать изученные образы России по тем проблемам, которые опрошенные отмечают в своих регионах.

– **Проблемы материального характера** (низкий уровень жизни, бедность): **Брянск, Саратов, Дагестан**. В данном случае неудовлетворенные материальные потребности формируют в общественном сознании негативный образ российской власти всех уровней как непривлекательной, неэффективной, слабой. На поведенческом уровне при этом на данном этапе наблюдаются не столько протестные настроения, сколько чувства пассивной неудовлетворенности. Этот негативный настрой в восприятии своей страны отчасти компенсируется за счет привлекательных характеристик российского народа.

– **Проблемы, связанные с особенностями политического баланса сил в регионе** (региональный политический режим, борьба групп интересов, активность региональной политической оппозиции, авторитет региональных политических фигур, лидеров): **Тыва, Москва, Самара**. В данном случае формируется противоречивый образ власти. С одной стороны, власть воспринимается как достаточно деятельная и активная, с другой, она оценивается, как не дающая гражданину и обществу в целом возможности реализоваться, ущемляющая в правах отдельные политические группы. Указанная тенденция соответственно снижает и общую контрастность образа страны.

– **Проблемы, связанные с обостренным ощущением социальной несправедливости: Челябинск, Уфа, Смоленск**. Отметим, что в этой группе регионов оказались и экономически депрессивный Смоленск, и отнюдь не бедная Уфа. Объединяет их отчетливо выраженная неудовлетворенность потребности в любви. В этих регионах жители считают, что власть не хочет замечать их проблем. Отсюда высокие значения показателей тревожности и недоверия. Пессимистичные оценки касаются будущего страны и даже снижены элементы привлекательности народа в образе страны.

– **Проблемы идентификационного характера** (значимость региональной, этнической и других идентичностей) – **Томск, Крым, Тыва, Дагестан**. Открытое или подавленное нежелание/неспособность в полной мере идентифицировать себя с федеральной властью (усугубляющееся территориальной удаленностью от центра) влияет, на то, что властный профиль образа страны определяется отношением населения к региональным элитам. Неоднозначные оценки российского народа, в случае существования подобного типа региональных проблем (Тыва), также связаны со сниженным отождествлением себя с российской нацией и федеральным центром.

Во-вторых, различия в региональных образах страны определяются психологическим климатом в регионе, специфической региональной культурой и социально-политическими традициями. Так, например, амбивалентное отношение жителей Самары к власти объяснимо свойственным им более критичным отношением к федеральному центру и режиму. Тывинский же менталитет определяет повышенное внимание к такой характеристике в образе страны, как религия, формирует специфическое отношение к понятию «стабильности политического режима». Значимость «науки» для жителей Томской области детерминирует негативизацию государственной власти и чиновничества. Общая психологическая подавленность в Смоленске и Уфе влияет на формирование самых непривлекательных среди всех регионов образов власти, определяет повышенные требования к российскому народу

согласно отдельным критериям (выносливости, стойкости и пр.). На представления о народе и должной международной роли России в республике Дагестан заметно влияют особенности местных культурных стандартов (повышен запрос на такие качества как храбрость, отвага, воинственность).

В-третьих, политическое восприятие страны зависит и от статуса региона. *Столичный статус* Москвы определяет склонность к своеобразной «приватизации федеральной власти», к более критичному к ней отношению (что обусловлено ощущением москвичами большей близости к ней). В Москве формируется специфичные запросы к политической элите (на ее большую открытость, готовность к диалогу с обществом и оппозицией), более позитивные оценки российской культуры, «цивилизованности», включенности российских граждан в мировое сообщество. *Статус национальной республики* детерминирует повышенное внимание к федеративным отношениям, балансу сил модели «центр-регионы», отражаясь в ожиданиях повышенного (особого) внимания к региону со стороны Москвы. При этом республиканский статус нередко формирует наименее конгруэнтные образы власти. Несколько отстраненное отношение к федеральной власти зачастую вступает в противоречие с эмоционально-заряженными характеристиками региональных и местных властей. Эмоциональный знак их определяется спецификой политического баланса сил и социально-экономической обстановкой в регионе (Крым, Тыва, Дагестан). Не редко именно в республиках актуализируются вопросы, связанные с языком, религией, этническими противоречиями, рекрутированием политической элиты.

Стремление региона приобрести *особый, специфичный статус* (например «третьей/четвертой столицы», «научного центра») отражается в надеждах и чаяньях респондентов в отношении будущего страны (Самара, Саратов, Томск).

Географическое расположение региона (статус «центрально-российский» и статус «провинциально-периферийный») сказывается на характеристиках пространственных образов. Восприятию страны в

центральных регионах России в большей степени свойственны «экспансионизм» и размывание пределов государства, в этом случае нередко пространственные образы определены психологическими границами.

В-четвертых, событийный политический контекст и информационная повестка в регионе определяет восприятие страны в целом и отдельные его компоненты. В наибольшей степени влияние событийного контекста заметно при рассмотрении специфики формирования образа России в Крыму. Присоединение Крыма оказало значительное влияние на формирование позитивных оценок российской истории и государственности. На международной арене Россию там чаще хотели видеть, как независимую державу, готовую выступать защитником и покровителем. Недавнее присоединение к России определило более отчужденное отношение жителей Крыма к властям и стремление отождествлять себя скорее с российским народом и государством, чем с властью. Достаточно позднее вхождение в состав Советского Союза Тывы, вероятно, также повлияло на некоторую специфичность восприятия её жителями российской истории и государственности. Коррупционные скандалы Челябинской области, освещаемые в СМИ, определили негативное отношение к о всему российскому иновничеству, более частые упреки власти в коррупции, воровстве, аморальности. Критика башкирской политической элиты (прежде всего старшего ее поколения), приписывание ей клановости и семейственности, определили во многом негативные характеристики образа власти. Политическая и социальная обстановка Дагестана актуализировала повышенный запрос на мир и стабильность в стране, обусловило надежды на сплоченность и дружбу народов, борьбу России с терроризмом.

Проведенное исследование ставит много новых вопросов связанных с процессом формирования в условиях федеративной России национально-государственной идентичности, формирования непротиворечивых образов прошлого и будущего в которых свое место должны найти представления о стране. Формирование в массовом сознании россиян, проживающих в

разных регионах, конгруэнтного образа России является значимой задачей. Полученные нами данные позволяют в качестве таких оснований для формирования конгруэнтного образа страны выделить, прежде всего, моральные детерминанты, которые имеют не просто высокую, а приоритетную значимость в восприятии всех компонентов образа своей страны. Нравственные качества выделяются как важнейшие при оценке российского народа, нравственность власти определяет ее поддержку гражданами даже активность страны международной арене оценивается россиянами благоприятно лишь в условиях ее соответствия нравственным принципам.

Литература:

- Вилков А.А.* Ментальное восприятие региональной власти // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. Выпуск 4. Т. 10. – 2010. – С. 208-220.
- Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М.: «Прогресс-Традиция». 2001. – 624 с.
- Джгамадзе К.Б.* Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета – 2015. – № 3. – С. 40-44.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития. – 2017. – № 4. – С. 48-64.
- Замятин Д.Н.* Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // Космополис. – Весна 2008. – № 1 (20). – С. 98-105.
- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26-50.
- Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 107-112.
- Замятин Д.Н.* Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. – 2003. – № 4. – С. 34-45.
- Замятина Н.Ю.* Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. – 2011. – № 4. – С. 60-67.
- Захаров А.В.* Народные образы власти // Полис. – 1998. – № 1. – С. 23-35.
- Заяц Д.В., Колосов В.А.* Геополитические образы в зеркале СМИ // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 136-212.
- Ивашкова Т.К., Морозова Н.В.* Типология регионов Российской Федерации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. №6. URL:<https://naukovedenie.ru/PDF/87EVN614.pdf>
- Колосов В.А.* Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСА Сер. 1. – 2008. – № 1 (1). – С. 72-91.
- Колосов В.А., Зотова М.В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 170-187.
- Колосов В.А., ред.* Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. – М.: ФОМ. 2003. – 302 с.
- Маркин В.В.* Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН. – 2008. – С. 229-249.
- Меньщикова В.И.* К вопросу об оценке уровня социально-экономического развития региона // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №9 (31). – С. 123-128.
- Меньщикова В.И.* Типология регионов в контексте обоснования применения инструментария региональной социально-экономической политики // Вестник ТГУ. – 2011. – № 10 (102). – С. 14-24.
- Митин И.И.* Методика комплексной культурно-географической характеристики территории. Дисс... канд. геогр. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007.
- Пищева Т.Н.* Образ России в стране и в мире: научные исследования в современной политической психологии // От истоков к современности. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – С. 451-453. Modern Political Psychology / Ot istokov k sovremennosti, 2015. Moscow: MGU. Pp. 451-453.]
- Семененко И.С.* Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2007. – № 1. – С. 51-57. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html
- Туровский Р.Ф.* Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 99-117.
- Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В.* Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26-44.
- Шестопал Е.Б.* Путин 3.0.: Общество и власть в новейшей истории России. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – С.19-48.

References:

- Dzhgamadze, K.B.* Teoretiko-metodologicheskie osobennosti izuzhenija obraza strany v massovom soznanii (Theoretical and Methodological Features of Studying the Country's Image in the Mass Consciousness) // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, Vol. 3, pp. 40-44.
- Evgen'eva, T.V.; Selezneva, A.V.* Transformacija nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti rossijskoj molodezhi v postsovetskij period: cennostnye osnovanija i simvolicheskie reprezentacii (Transformation of the National and State Identity of the Russian Youth during the Post-Soviet Period: Valuable Bases and Symbolical Representations) // *Politija*, 2017, No. 4, pp. 48-64.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

COMPARATIVE ANALYSIS OF ONE'S OWN COUNTRY IMAGES IN RUSSIAN REGIONS

Elena B. Shestopal

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Natalia V. Smulkina

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Irina V. Morozikova

*Smolensk State University,
Smolensk, Russia*

Article history:

Received:

19.04.2019

Accepted:

25.05.2019

About the authors:

Elena B. Shestopal, Dr of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

e-mail: shestop0505@rambler.ru

Natalia V. Smulkina, Candidate of Political Science, Junior Researcher, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

e-mail: smulkina@mail.ru

Irina V. Morozikova, Candidate of Psychology, Assistant Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Smolensk State University

e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Key words:

country's image; political perception; image of the people; image of government; regional differences; factors of perception; identity

Abstract: The article presents the results of a study of Russia's the perception by its citizens, implemented at the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. The research was devoted to the Russia's in the minds of residents of different regions. The research technique of the study included methods of semi-structured interviews and projective tests. To interpret the data, the authors used both qualitative and quantitative methods, in particular, coding and scaling of answers to open-ended questions and statistical analysis. The article presents the results of a comparative analysis of images of their country among residents of 11 regions of Russia. This analysis is also complemented by 3 case-studies from Moscow, Smolensk and the Tyva Republic. The image of the country in the minds of Russians was tackled on two levels of perception: rational and unconscious. Authors focus of the most important structural elements of the image: territory, people, authorities, leaders and the geopolitical role of the country. The study made it possible to interpret the peculiarities of Russia's perception in regions by different federal status. The conclusions highlight the problem of the formation in Russia of nation-state identity and the construction of consistent images of the past and the future, in which images of the country should find their place. The basis for the formation of a congruent image of the country is seen, above all, in moral determinants, which have not only high, but priority importance in political perception of their country.

Acknowledgements: the study was carried out as part of the Russian Foundation for Basic Research project No. 18-011-01138A "A Sample of a Country in Russian Society: A Political-Psychological Analysis"

Для цитирования: Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В., Морозикова И.В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 3. – С. 74-94.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

For citation: Shestopal, Elena B.; Smulkina, Natalia V.; Morozikova, Irina V. Sravnitel'nyy analiz obrazov svoey strany u zhiteley rossiyskikh regionov (Comparative Analysis of One's Own Country Images in Russian Regions) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 74-94.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

THE DECLINE OF RUSSIA'S INFLUENCE IN THE POST-SOVIET REGION AND THE REASONS BEHIND IT

Oleg K. Petrovich-Belkin

*People's Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Arkadiy A. Eremin

*People's Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Svetlana A. Bokeriya

*People's Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 16.05.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 15.02.2019</p>	<p>Abstract: The article attempts to highlight the key economic, political, and social factors that have adverse effects on current relationship dynamics between the Russian Federation and the CIS countries and are thus responsible for the gradual decline in Russia's influence in the post-Soviet area. Authors affirm that this specific phenomenon is predetermined, on the one hand, by the aspiration of the political and economic diversification and, on the other hand, by a number of socio-cultural and psychological factors. The article argues that Russian political leaders' perception of various post-soviet countries as "pro-Russian" is biased in its conceptual core and based on a number of subjective factors that have no actual relation to the decision-making process in these countries. In reality, the foreign policy of CIS countries is based mostly on pragmatic economic interests capable of providing steady development, which makes implementation of such subjective terms as "pro-Russian" and "pro-Western" highly misleading and unproductive, especially in the current conditions of confrontation between Russia and the West.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Oleg K. Petrovich-Belkin</i>, Candidate of History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations</p> <p>e-mail: petrovioleg@yandex.ru</p> <p><i>Arkadiy A. Eremin</i>, Candidate of History, Assistant, Department of Theory and History of International Relations</p> <p>e-mail: eremin_aa@pfur.ru</p> <p><i>Svetlana A. Bokeriya</i>, Candidate of Law, Associated Professor, Department of Theory and History of International Relations</p> <p>e-mail: petrovsvet@yandex.ru</p>	<p><i>Acknowledgments:</i> The publication has been prepared with the support of the "RUDN University Program 5-100"</p>
<p>Key words: Russian Federation; multilateral approach; post-Soviet region; political interest; political pragmatism</p>	

Introduction

The demand for an in-depth study of specific aspects of Russia's foreign policy in the post-Soviet area stems from this region's position within the structure of Russia's foreign policy interests, which are fixed in a number of

the country's conceptual documents, and also by the ever-broadening political and economic trends being observed between Russia and the post-Soviet states during recent decades. From the authors' perspective, there are at least

three specific features typical for cooperation between the Russian Federation and the above-mentioned states in the recent years:

- a number of political actors from the CIS states, which used to look up to Russia in regard to their foreign policy, are keen to adhere to a more diversified and multi-vector approach these days, and by doing so, they, *de jure* and *de facto*, steer clear from tightly coordinating their own foreign policy with Russia's interests;

- the above-mentioned tendency leads to a significant loss of efficacy of Russia's foreign policy in the post-Soviet region. To a great extent, this is often explained by Russia's initial reliance on the loyalty and pro-Russian orientation of the CIS states' national elites. On multiple occasions, that alleged pro-Russian loyalty has proved to be a front for political or electoral gain;

- finally, this kind of divergence in the foreign policy interests of Russia and the post-Soviet states leads to relations between Russia and quite a few of the post-Soviet states tending to lose their previous privileged status. This results in the loosening of economic, political, cultural and humanitarian ties between Russia and its CIS partners.

Quite often, a combination of these factors leads to a certain, sometimes rather severe impairment in relations between Russia and the post-Soviet states (for example, we have seen this in episodes with Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan). In the most extreme cases, it leads to the creation and further escalation of a political conflict (Ukraine, Moldavia). Moreover, a similar tendency may be observed in the global political arena, predominantly with the western states with whom the quality of cooperation is rather low these days. Therefore, the conclusion that tendencies of this kind are not likely to be the result of some accidental or purely subjective factors seems logical. On the contrary, it seems appropriate to suggest that some objective fact lies behind them, which requires comprehensive academic research and conceptualization. Thus, the objective of this research centers on analyzing the current phenomenon of consistent drifting of the formerly pro-Russian CIS actors towards a multilateral foreign policy approach.

Methodology and historiography

In order to provide a detailed and integrated understanding of the subject, it is essential to start with a number of key notions and definitions used by the authors for the following analysis of Russia's influence in the post-Soviet region. Above all, it is important to specify the terms pro-Russian orientation (pro-Russian actors) and multilateral (multi-partner) approach.

The term **Pro-Russian orientation**, used in regard to any actors within the post-Soviet area, implies our *objective or subjective* evaluation of the political leader or national elite of a CIS country as being directly interested in building exclusive and privileged relations with Russia in the political, economic, cultural, humanitarian and other spheres. The term **multilateral (or multi-partner) approach** is used as an antithesis, which means a foreign policy strategy of an actor within the post-Soviet area that is meant to diversify political ties of a certain state in the international arena, as well as to form solid state-to-state relations with the widest possible variety of international actors, which may *in an objective manner be connected with or be subjectively assumed* as renouncing any exclusiveness in relations with Russia.

Introduction of the above-mentioned definitions logically determines the research methodology designed to assist in a comprehensive study of the objective as well as the subjective component of the phenomenon of drifting of these formerly pro-Russian actors towards the multi-partner principle. This research approach is based on the fact that only a detailed and comprehensive analysis of the factors determining the efficacy of Russian foreign policy in the post-Soviet region will make it possible to come to a logically consistent and theoretically grounded conclusion. In this regard, the authors have highlighted four major factor complexes (economic; political; historical and socio-cultural; psycho-political) responsible for the gradual drift of the pro-Russian actors towards a multilateral approach and the apparent erosion of bilateral relations between certain states with Russia. The above-mentioned groups of factors were roughly divided into three large sub-groups: objective

(economic and political); partially objective and partially subjective (historical and socio-cultural); and finally, subjective (psycho-political).

In conducting this research the authors used such explicative international relations analysis methods as the quantitative method and content analysis (especially for comparing the economic indicators of GDP growth and goods turnover between the post-Soviet area states and Russia), event analysis (used to address matters related to a number of CIS states' transition from the Cyrillic to the Latin alphabet), and a systematic approach, as well as process analysis, applied to foreign policy decision making (mainly in the paragraph dedicated to the subjective psycho-political factors affecting the relations between the Russian Federation and certain post-Soviet states).

In recent years, this topic has been reflected in the works of both Russian and foreign researchers. In particular, in the Russian historiography, such researchers as Galoyan N.G.¹, Kurylev K.P.², Degterev D.³, etc., have considered the issue of Russia's influence over the post-Soviet region. Moreover, certain organizational aspects of the decrease of Russia's influence in the post-Soviet space have been analyzed in our publication dedicated to the drift

of the CIS countries towards multilateralism⁴. The issue of commercial and economic relations between the Russian Federation and the post-Soviet states has been reflected in the works of such authors as Fedorchenko S.N.⁵, Bazileva S.P., Chernenko E.F.⁶, Obolenskij V.⁷ Finally, the cultural, humanitarian, and ideological determinants of Russia's foreign policy in retrospect have been researched in depth by Arslanov R.A. and Dzhangiryan V.G.⁸ Regarding foreign works on this subject, there are far less of them, due to outside factors. In that context, the works of Descalzi C.⁹, Menon

¹ Galoyan, N.G. Armyano-gruzinskie otnosheniya v kontekste regional'noj bezopasnosti na YUhnom Kavkaze [Armenian-Georgian Relations in the Context of Regional Security in Transcaucasia] // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2015, Vol. 15, No. 4, pp. 120-131.

² Kurylev, K.P.; Ngoyan, A.L.; Palasios, K.E.; Skudina, O.V. Neuregulirovannye konflikty na postsovetском prostranstve v analize zapadnyh ehkspertno-analiticheskikh centrov (Unsettled Conflicts in the Post-Soviet Space in the Analysis of the Western Research Centers) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, Vol. 16, No. 3, pp. 482-493; Kurylev, K.P.; Naryshkin, V.S.; Ozinkovskaya, E.; Rakhimov, K.Kh. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii (EAEU in Russian Foreign Policy Strategy) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, Vol. 16, No. 1, pp. 75-86.

³ Degterev, D.; Vasilyuk, I.; Baum, V. Parametry mnogovektornosti vneshnej politiki stran SNG: prikladnoj analiz (Multiplexity Parameters of the CIS Foreign Policy: Applied Analysis) // *World Economy and International Relations*, 2018, No. 1, Vol. 62, pp. 63-75.

⁴ PetrovichBelkin O., Bokeriya S., Yeryomin A. (2019) The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting Toward Multilateralism? // *International Organisations Research Journal*, Vol. 14, no 1, pp. 94-112.

⁵ Fedorchenko, S.N. MVF i social'no-politicheskie processy na postsovetском prostranstve (IMF and Socio-Political Processes in the Post-Soviet Space) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, Vol. 17, No. 1, pp. 22-33.

⁶ Bazileva, S.P.; Chernenko, E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchij faktor na evrazijskom prostranstve (Evolution of Relations Between Russia and Uzbekistan) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, Vol. 16, No. 3, pp. 505-520.

⁷ Obolenskij, V. Otkrytost' nacional'nyh jekonomik: mir i Rossija (The Openness of National Economies: The World and Russia) // *World Economy and International Relations*, 2017, No. 10, Vol. 61, pp. 5-15.

⁸ Dzhangiryan, V.G.; Arslanov, R.A.; Kurylev, K.P.; Petrovich-Belkin, O.K. West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century // *The International History Review*, 2017. Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07075332.2017.1350873?journalCode=rinh20>

⁹ Descalzi C.A.G. Russian Hegemony in the CIS Region: an Examination of Russian Influence and of Variation in Consent and Dissent by CIS States to Regional Hierarchy. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/277072514_Russian_hegemony_in_the_CIS_region_an_examination_of_Russian_influence_and_of_variation_in_consent_and_dissent_by_CIS_states_to_regional_hierarchy

R., Rumer E.B.¹⁰, and Gomart T.¹¹ are currently most relevant.

Political reasons for declining Russian influence on the post-Soviet space

The first group of objective factors which may roughly be defined as political are closely linked to the economic circumstances determining Russia's decline in influence in the post-Soviet area. It seems logical that Russia's loss of influence on the global economy and international sales turnover mobilized the CIS states to diversify their own economic and thus political agenda. From this perspective, the core motif of the multi-partner principle and the necessity to pursue a well-balanced foreign policy course implied thereby may be observed in a number of public speeches and interviews with public officials and political leaders of the most diverse post-Soviet states¹². In order to prove this statement, let us provide three quotations by the presidents of Belarus, Kyrgyzstan, and Kazakhstan: "We have no alternative but to form our foreign policy as a multilateral one. It so happens that today we are in the epicentre of the Eurasian continent. We have no other fate than to develop a multi-partner policy" (A.G. Lukashenko, President of the Republic of Belarus)¹³; "Maintaining the balance of interests between the key global political players is one of the major tasks of foreign policy. Therefore, for us, a multi-partner approach is an independent and free foreign policy based primarily on Kyrgyzstan's national interests and the nation's welfare" (A. Sh. Atambayev, former President

of Kyrgyzstan)¹⁴; "Kazakhstan, by virtue of its geopolitics and economic capacity, has no right to fixate on narrow regional issues. That would be unclear not only to our multi-ethnic population, but to the global community as well. The future of Kazakhstan is in Asia, as well as in Europe; in the East, and in the West. Pursuing this kind of policy, we'll be able to eliminate any threats to Kazakhstan's safety. We'll be able to strengthen significant external opportunities through economic and political changes in our country" (N.A. Nazarbaev, President of Kazakhstan).¹⁵

An analysis of the above-mentioned quotations leads us to the conclusion that they are essentially the same idea being articulated in different ways, which, in view of the total discrepancy of political, economic, and social situations in Belarus, Kyrgyzstan, and Kazakhstan, only points to the fact that the leaders of these diverse CIS countries perceive the multilateral political approach as a pragmatic political and economic necessity. In this respect, the most telling is the quotation by N.A. Nazarbaev, which refers to early December 1991 (a few weeks prior to the dissolution of the USSR), and de-facto represents Kazakhstan's political agenda for the following decades. Likewise, it must be emphasized that although the quotations above do not include it directly, implicitly they maintain the idea of a gradual withdrawal from an exceptionally pro-Russian orientation due to its less advantageous results compared to a multi-partner approach. Therefore, the pragmatic political and economic interests of the CIS states are by no means supposed to always match Russia's national interests and foreign-policy needs. This is one of the major reasons for the pro-Russian actors' drifting towards multilateral approaches and thus for the gradual decline in Russia's exclusive influence over the post-Soviet region. Moreover, in view of the objective nature of this factor, in

¹⁰ Menon, R.; Rumer, E.B. Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. Massachusetts: The MIT Press, 2014. 248 p.

¹¹ Gomart, T. What is Russia's influence in Post-Soviet sphere? Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/290650293_What_is_Russia%27s_influence_in_Post-Soviet_sphere

¹² Dorozhkin, YU.N. Aktual'nye problemy modernizatsii politicheskoy sistemy Rossii (Contemporary Problems of the Russian Political System Modernization) // *Vlast'*, 2012, No. 10, pp. 10-13.

¹³ Lukashenko Asserts, Belorussian Foreign Policy shall be multi-vector (In Russ.). Mode of access: <https://ria.ru/world/20170203/1487110298.html>

¹⁴ Atambayev: Multi-vector Foreign Policy is Based on the National Interests of Kyrgyzstan (In Russ.). Mode of access: <http://krg.rus4all.ru/exclusive/20160505/726618208.html>

¹⁵ Kazakhstan Development as the Sovereign State is a Right Strategy Implemented by the President N. Nazarbaev (In Russ.). Mode of access: <http://inform.kz:8080/arb/article/2299544>

practice, it does not seem possible to overcome “manually,” or in other words, through any purely subjective measures (for example, by building warm personal relations with leaders of the relevant countries). On the contrary, in order to improve this situation it is important to utilize the widest possible range of measures aimed at overcoming the current differences and to align the actions of the Russian Federation and the CIS states regarding the key economic, political and humanitarian issues, thus ensuring bilateral rapprochement between Russia and the post-Soviet states. This will minimize the threat of a conflict or any dramatic deterioration of relations between the parties in the future.

Dynamics of economic interactions between Russia and CIS countries

One of the major economic factors determining Russia’s gradual loss of political influence over the post-Soviet area is the current general decline in Russia’s influence in global economics and international sales turnover during the last two and a half decades. According to figures from the World Bank, in 1991 the purchasing power parity GDP ratio of the Russian Federation (RSFSR) was 3.9% as compared to the overall world figures; then by 2008 it had declined to 3.4%, and finally in 2017 it decreased to 2.8%.¹⁶ Clearly, this decline of Russia’s economic performance cannot but impact the policy it pursues in the post-Soviet area. This can be explained by an increasingly noticeable lack of economic and thus political instruments of influence of the Russian Federation over the CIS states, and also by the general loss of appeal for the CIS states of a foreign policy meant to build tight commercial and economic relations with Russia. These countries tend to gradually refocus their own policy toward a multilateral economic cooperation with the dynamically developing external actors (particularly China). Finally, the gradual decline of Russia’s influence over the global economy had the most adverse effects

on Russia’s sales turnover within the post-Soviet states, with the most significant turnover loss between the Russian Federation and quite a few of the CIS states being observed after 2014, and a marked aggravation of Russia’s economic issues due to the consequences of the Ukrainian crisis and imposition of western sanctions. Thus, from 2014-2016 aggregate turnover between Russia and Belarus was reduced by 23% (from 30.5 to 23.5 billion US dollars); Kazakhstan – by 37% (from 20.8 to 13.03 billion US dollars); Uzbekistan – by 32% (from 3.96 to 2.7 billion US dollars); Armenia – by 4% (from 1.4 to 1.34 billion US dollars); Azerbaijan – by 51% (from 3.96 to 1.95 billion US dollars); Ukraine – by 63% (from 27.8 to 10.2 billion US dollars).¹⁷

Analysis of the key figures stated above makes it possible to draw the conclusion that the overall picture within the last few years is marked by a gradual deterioration of certain trade and economic relations between Russia and most of the post-Soviet area states; moreover, the continuing process of Eurasian integration and the Eurasian Economic Union extension are, unfortunately, unable to delay this process to any adequate degree. This dynamic resulted in dissolution of the economic “safety cushion” which, on the one hand, made it possible to mask any contradictions emerging from time to time between the Russian Federation and certain CIS states in prior years, while on the other hand, served as a solid ground for building a constructive political dialogue regarding the fullest range of issues. In this context, particular attention is drawn to the Ukraine case and interrelations with it which are marked by a peculiar “vicious circle,” i.e. aggravation of political contradictions leads to a decrease of intensity in trade and economic cooperation between states

¹⁶ The World Bank. World Development Indicators. Category: “GDP, PPP (current international \$)”. Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>

¹⁷ Foreign Trade of Russia. Federal Tax Service of Russia Data (In Russ.). Mode of access: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-belarusyu-v-2016-g/>; <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kazahstanom-v-2016-g/>; <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-uzbekistanom-v-2016-g/>; <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-armeniyev-2016-g/>; <http://ru-stat.com/date-M201601-201612/RU/trade/AZ/>; <http://russian-trade.com>

and a dramatic reduction of turnover between them, which in return leads to further political escalation that is harder to overcome due to a total absence of common economic interests. It seems appropriate to mention that lowering of turnover between Russia and the post-Soviet states causes a significant decline in the influence of the pro-Russian actors in the CIS states and the economic “pressure group” associated therewith, which is objectively interested in preserving tight economic and political relations with the Russian Federation, which directly and dramatically empowers these states’ alternative foreign policy path and strengthens the line towards multilateral policies. Therefore, the two key economic factors – the general decline of the Russian Federation’s influence on global economics and the decrease in turnover with the post-Soviet states – can be named the major reasons for the post-Soviet states’ drifting towards a multi-partner approach.

Lastly, there is one more economically significant factor responsible for the decline in Russia’s influence over the post-Soviet area – the pragmatic involvement of the CIS states in trade and economic cooperation with a wide range of extra-regional actors – for example, with Western countries. In prior years, under conditions of no conflict between the Russian Federation and Western countries and under relatively tight economic, cultural and humanitarian ties, this kind of ambition by the post-Soviet states did not and could not result in any significant financial or reputational harm to Russia. Nowadays, in the context of raging anti-Russian sanctions and dramatic intensification of foreign policy contradictions, fueled primarily by the Ukrainian and Syrian crises, the CIS states are facing the “either us or them” dilemma, meaning “No third is given”. Finally, even though previously the post-Soviet states were considering merely diversifying their economic policies and building solid trade relations with a variety of external actors, right now the outlines of the so-called zero-sum game are becoming more apparent. In these circumstances certain states need to decide which side of the global standoff to choose. Moreover, either choice unavoidably results in the deterioration of relations or even conflict with the other side. Clearly, this dilemma has been imposed on a number of the CIS states

(most significantly, those having a long-standing trading relationship with the West). This inevitably weakens Russia’s economic and thus political standing in the post-Soviet region.

Socio-cultural and civilizational factors in relationship between Russia and post-Soviet countries

The dissolution of the Soviet Union and gaining independence by the CIS countries gave a powerful impulse to the rise of national identity in the newly-formed countries, and often the search for the post-Soviet states’ ethnic and national identity was accompanied by a dramatic separation from their common past. An enormous controversy resided in the fact that in many cases representatives of any new national elites put all the blame for the current socio-economic and political issues on the past “colonial” (according to their perspective) heritage and the policy of the Soviet Union and hence Russia, as its successor state. In particular, this tendency was the most striking from 1991-2017 in the Baltic countries, Ukraine, Moldova and, to a certain extent, Georgia, while this trend was much less evident in the Central Asian states, Armenia, and Azerbaijan. It is logical enough that the subjective perception of the Russian Federation as an actor is in some way responsible for the current domestic and foreign policy failures of the newly-formed countries, along with the objective difficulties in building a full-scale dialogue with Moscow regarding the whole range of very puzzling problems. All those things were bound to have a certain impact (an extremely adverse one) on Russia’s position and its degree of influence over the post-Soviet area.

It seems reasonable to assume that in order to create a more comprehensive image of the current drift of the pro-Russian actors towards the multilateral principle, it should be noted that this tendency is conditioned not only upon trade and economy, but is also based on historical and social factors, i.e the so-called determinants centering around the gradual divergence of cultures of Russia and other post-Soviet states following the dissolution of the USSR, as well as on a de-emphasis of the Russian language in the public and cultural life of the CIS states. As of today,

the Russian language is official in only three post-Soviet area states – Belarus, Kazakhstan, and Kyrgyzstan, while its significance in other CIS countries is declining progressively. Moreover, this scenario is dramatized by another three factors of significant importance: first, regarding most post-Soviet countries, by the current overall systematic reduction of use of the Russian language, in both secondary and higher education, science, culture, radio and TV, as well as in everyday life. Second, by the Russian federal authorities' almost complete lack of support of the Russian language in the post-Soviet states, and the poor performance of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (*Rossotrudnichestvo*). Finally, it is also affected by the transition of certain CIS states from the Cyrillic alphabet to the Latin alphabet: such a reform took place in Moldova even before the dissolution of the Soviet Union, in 1989; Uzbekistan and Turkmenistan made this transition in 1993; Azerbaijan completely rejected the Cyrillic alphabet in 1992-2001; finally, a similar reform took place in Kazakhstan by an Order dated October 26, 2017.¹⁸ Therefore, the decrease in the Russian-speaking population's numbers and thus in the potential pro-Russian "pressure group" in the CIS states is one of the major socio-cultural preconditions for Russia's loss of standing and degree of influence over the post-Soviet area.

Psychological and ideological dissensions between Russia and CIS countries

The psycho-political factors weakening Russia's policies in the post-soviet region are interpreted by the authors as a reasonably wide range of personal and subjective reasons which directly lead or may potentially lead to a wrong or corrupted evaluation of the current stance and specific character of bilateral relations between Russia and certain CIS countries. Proceeding from this definition of political and psycho-

political factors, this group may roughly be divided into several sub-categories, each being characterized separately.

First of all, this refers to a biased judgment of the initial intentions and political affiliations of any actors within the post-Soviet area which present themselves as being pro-Russia oriented. Quite often representatives of the national elites of the CIS countries use pro-Russian rhetoric either as populism aimed at either gaining the favor of part of the electorate, or gaining some direct profit from Russia. The most striking example of national elites in this category is when members of Belarus' political class seek financial profit for their country by representing themselves as Russia's closest (or only) reliable allies. Likewise, this sub-category may include national elites of Armenia for which the pro-Russian orientation is significant only through the lens of their pursuit of safety and an early resolution to the frozen Nagorno-Karabakh conflict for their own benefit. The situation that formed as a result of the "Rose Revolution" in Georgia in 2003 may be one more illustrative example of a corrupt evaluation by the Russian political elites of those political aspirations which were initially inherent to the so-called pro-Russian actors in the post-Soviet area. In particular, Mikhail Saakashvili was initially considered by the Russian political class to be a pro-Russian candidate and an advantageous alternative compared to Eduard Shevardnadze's multilateral political course. The subsequent developments clearly demonstrated that Russia's original reliance on Mikhail Saakashvili having a pro-Russian orientation was fatally flawed; hence, shortly afterward, it became one of the key causes of escalation in the South Ossetian conflict and the "five-day" Russo-Georgian war in August 2008.

Secondly, one more issue with Russian foreign policy in the post-Soviet area is the sort of absolute priority given to the term "pro-Russian orientation" i.e. identification of this term with a presumed willingness on the part of the political forces from the CIS countries to make concessions and compromises regarding a great variety of issues. This point of view leads to the false conclusion that pro-Russia oriented actors in power in a post-Soviet state gives Moscow carte-blanche when it comes to that country's foreign policy course. This naturally causes seriously harm to bilateral communication and, moreover,

¹⁸ Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 26 October 2017 No. 569 "On Translation of Kazakh Alphabet into Latin Alphabet" (with amendments of 19.02.2018) (In Russ.). Mode of access: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33613600#pos=5;-103

causes a fast moving drift by the formerly loyal and completely pro-Russian forces towards a multi-partner approach. In particular, this tendency used to be characteristic of Russian-Ukrainian relations during the presidency of L.D. Kuchma (1994-2005) and V.F. Yanukovych (2010-2014). The same tendency, we suppose, may be observed in Russia's cooperation with Belarus and many other Eurasian Economic Union states: Armenia, Kyrgyzstan, and partially Kazakhstan. Russian foreign policy decision makers tend to mistakenly assume that these countries have little or no alternative to the pro-Russian political course, which under such logic would mean their willingness to make various concessions in economic, political and humanitarian spheres for the sake of preserving exclusive relations with Russian Federation. Third and finally, another psycho-political aspect contributing to the decline in Russia's influence over the post-Soviet region centers on a critical overestimation by the Russian governing class of the so-called subjective, personal factor in relations with the CIS countries. In the authors' opinion, this issue most obviously manifests itself in the three following capacities:

A) First and foremost, we should mention the Russian political elite's incorrect identification of good personal relations between country leaders with the willingness to pursue a purely pro-Russia oriented foreign policy line; in other words, this refers to the failure to understand that a warm and friendly relationship with the leader of a certain country by no means guarantees a specific vector of its foreign policy development. It seems appropriate to state that this kind of mistake is most often made regarding post-Soviet countries, however there also are some examples of an extra-regional nature (in this context, the most vivid and remarkable is the example with the USA: good personal relations between the two presidents – V.V. Putin and D. Trump – scarcely affect the dynamics of the bilateral communications and in fact do not influence the ongoing confrontation).

B) According to the authors' point of view, Russia's stance in the post-Soviet region is being highly compromised by an obvious tendency of the Russian political class to make certain major foreign policy decisions based on a purely subjective approach, disregarding any

comprehensive expert and scientific analysis and the vast range of statistical data available. Such an irrational approach to decision-making in foreign policy has always been a result of an excessive accumulation of power in the hands of a single leader or a small group of individuals. However, we are referring to the following quite logical tendency: the more concentrated the accumulation of power in any given state, the more domestic and foreign policy decisions are made based on a subjective approach, which ultimately leads to major repercussions in the international field.

C) The above-mentioned overestimation of the personal factor and role of the pro-Russian leaders of the CIS states, in return, on the part of the Russian governing class causes a fundamental underestimation of the critical need for solid and systematic work with the civil society structures, the opposition, and NGOs of the post-Soviet states. In other words, idealization of the role of the pro-Russian politicians from the CIS states (or any persons being wrongfully identified as such) leads to pursuance of a quite risky foreign policy course oriented towards cooperation just with one of the significant influence groups in any relevant country. Empirically such an approach results in a situation where the change of power in any CIS country de facto leads almost to a full breakdown of the current relations with Russia and further escalation of conflict, which for example took place after the Orange Revolution in Ukraine in 2004, as well as after the protests in Kiev in late 2013 and early 2014.

Conclusion

This analysis of the above-mentioned factors causing the pro-Russian actors' drift towards a multilateral approach in foreign policy and thus the decline in Russia's influence over the post-Soviet area makes it possible to draw a wide range of conclusions. First, when considering the current relations between the Russian Federation and the CIS countries, it should be kept in mind that the dynamics of their bilateral and multilateral relations are to a considerable degree defined by a very wide complex of both objective and subjective factors. Thus, we should recognize that the above tendency associated with the gradual decline in pro-Russian influence over the post-Soviet region, unfortunately, is not

going to cease in the near future. This postulate, according to the authors' point of view, follows the thesis that this trend is based on a variety of economic, political, historical, socio-cultural and psycho-political factors, which acquire a significant synergistic effect by mutually strengthening and intensifying one another.

It seems appropriate to emphasize that if the subjective factors adversely affecting Russia's policies in the post-Soviet area may potentially be severely minimize in a relatively short term, then the objective factors, which primarily refers to the decline in Russia's influence over the global economy and the decrease of its sales turnover with the CIS countries, are much harder to deal with. Any improvement of the current dynamics may require much more time. However, the global political and economic trends will play a significant role in this process; therefore, for Russia it is critical to exercise extra caution and sensitivity in making key foreign policy decisions affecting its interests in the post-Soviet region. According to our point of view, in the age of globalization and escalation of a wide range of transnational challenges and threats, all foreign-policy actions by any world state should be free from emotion and based on a thorough and comprehensive scientific analysis with the use of available empirical and factual data, while the approach itself should result in the absolute rationality and predictability of the foreign policy course of any relevant actor.

Ultimately, the success of the Russia's foreign policies in the post-Soviet region will depend largely on Moscow's restrained reaction to any sovereign choice made by the post-Soviet states in the economic, political, socio-cultural and humanitarian spheres, as well as on the fastest possible minimization of the above-mentioned subjective factors. This includes a complete rejection of any irrational and unreasonable actions that may potentially damage Russia's relations with a significant portion of the global community, including its closest neighbors among the post-Soviet countries.

References:

- Arslanov, R.A.; Dzhangiryan, V.G.; Kurylev, K.P.; Petrovich-Belkin, O.K. West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century // *The International History Review*, 2017. Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07075332.2017.1350873?journalCode=rinh20>
- Bazileva, S.P.; Chernenko, E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchij faktor na evrazijskom prostranstve (Evolution of Relations Between Russia and Uzbekistan) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, Vol. 16, no. 3, pp. 505-520.
- Degterev, D.; Vasilyuk, I.; Baum, V. Parametry mnogovektornosti vneshej politiki stran SNG: prikladnoy analiz (Multiplexity Parameters of the CIS Foreign Policy: Applied Analysis) // *World Economy and International Relations*, 2018, No. 1, Vol. 62, pp. 63-75.
- Descalzi C.A.G. Russian Hegemony in the CIS Region: an Examination of Russian Influence and of Variation in Consent and Dissent by CIS States to Regional Hierarchy. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/277072514_Russian_hegemony_in_the_CIS_region_an_examination_of_Russian_influence_and_of_variation_in_consent_and_dissent_by_CIS_states_to_regional_hierarchy
- Dorozhkin, YU.N. Aktual'nye problemy modernizacii politicheskoy sistemy Rossii (Contemporary Problems of the Russian Political System Modernization) // *Vlast'*, 2012, No. 10, pp. 10-13.
- Fedorchenko, S.N. MVF i social'no-politicheskie processy na postsovetском prostranstve (IMF and Socio-Political Processes in the Post-Soviet Space) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, Vol. 17, No. 1, pp. 22-33.
- Galoyan, N.G. Armyano-gruzinskie otnosheniya v kontekste regional'noj bezopasnosti na YUhnom Kavkaze [Armenian-Georgian Relations in the Context of Regional Security in Transcaucasia] // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2015, Vol. 15, No. 4, pp. 120-131.
- Gomart, T. What is Russia's influence in Post-Soviet sphere? Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/290650293_What_is_Russia%27s_influence_in_Post-Soviet_sphere
- Kurylev, K.P.; Naryshkin, V.S.; Ozinkovskaya, E.; Rakhimov, K.Kh. Evrazijskii ekonomicheskii soyuz vo vneshepoliticheskoi strategii Rossii (EAEU in Russian Foreign Policy Strategy) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, Vol. 16, No. 1, pp. 75-86.
- Kurylev, K.P.; Ngoyan, A.L.; Palasios, K.E.; Skudna, O.V. Neuregulirovannye konflikty na postsovetском prostranstve v analize zapadnyh ehkspertno-analiticheskikh centrov (Unsettled Conflicts in the Post-Soviet Space in the Analysis of the Western Research Centers) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, Vol. 16, No. 3, pp. 482-493.
- Menon, R.; Rumer, E.B. Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. Massachusetts: The MIT Press, 2014. 248 p.
- Obolenskij, V. Otkrytost' nacional'nyh jekonomik: mir i Rossija (The Openness of National Economies: The World and Russia) // *World Economy and International Relations*, 2017, No. 10, Vol. 61, pp. 5-15.
- Petrovich-Belkin, O.; Bokeriya, S.; Yeryomin, A. The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting Toward Multilateralism? // *International Organisations Research Journal*, 2019, Vol. 14, No. 1, pp. 94-112.
- Zagorsky, A. Russia and East Central Europe after the Cold War. Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11384.pdf>

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10032

ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЧИНЫ ДАННОГО ФЕНОМЕНА

Олег Константинович Петрович-Белкин
Российский Университет Дружбы Народов,
Москва, Россия

Аркадий Алексеевич Еремин
Российский Университет Дружбы Народов,
Москва, Россия

Светлана Александровна Бокерия
Российский Университет Дружбы Народов,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 мая 2018 <i>Принята к печати:</i> 15 февраля 2018</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются основные политические, экономические и социальные факторы, оказывающие влияние на взаимоотношения между Россией и государствами СНГ и в той или иной степени обуславливающие снижение влияния РФ на постсоветском пространстве. С точки зрения авторов, данный феномен объясняется, с одной стороны, стремлением государств СНГ к диверсификации своего внешнеполитического курса, а с другой – целым рядом социо-культурных и психологических факторов. Авторы полагают, что восприятие отдельных государств постсоветского пространства в качестве заведомо пророссийских является ошибочным в своей основе и базирующимся на неверной оценке текущих международных реалий, в то время как на практике внешнеполитический курс постсоветских стран в первую очередь определяется конкретными экономическими интересами соответствующих государств СНГ. В этой связи использование таких терминов, как «пророссийская» или «прозападная» ориентация стран СНГ представляется авторам достаточно малопродуктивным и не способствующим выработке реалистичного внешнеполитического курса в отношении данных государств.</p> <p><i>Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100»</i></p>
<p>Об авторах: <i>О.К. Петрович-Белкин</i>, к.и.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений e-mail: petrovioleg@yandex.ru <i>А.А. Еремин</i>, к.и.н., ассистент, кафедра теории и истории международных отношений e-mail: eremin_aa@pfur.ru <i>С.А. Бокерия</i>, к.ю.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений e-mail: petrovsvet@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Российская Федерация; международные отношения; постсоветское пространство; национальные интересы; политический прагматизм</p>	

Для цитирования: Petrovich-Belkin, Oleg K.; Eremin, Arkadiy A.; Bokeriya, Svetlana A. The Decline of Russia's Influence in the Post-Soviet Region and the Reasons behind It // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 3. – С. 95-104.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10032

For citation: Petrovich-Belkin, Oleg K.; Eremin, Arkadiy A.; Bokeriya, Svetlana A. The Decline of Russia's Influence in the Post-Soviet Region and the Reasons behind It // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 95-104.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10032

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИИ «НОРМОРАЙТЕР» В РОССИИ

Владислав Валерьевич Гриб

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 февраля 2019 <i>Принята к печати:</i> 13 мая 2019</p>	<p>Аннотация: Большое количество авторов научных исследований, иных представителей юридических профессий, журналистов констатируют, что в нашем государстве в настоящее время наблюдается кризис законности, постоянная корректировка, а также пробельность и противоречивость законодательства. Главенствующей причиной сложившейся неблагоприятной ситуации, полагаем, является отсутствие специально обученных представителей юридической профессии, специально подготовленных к правотворчеству, готовых предложить взвешенный подход к разработке и принятию более устойчивых законов, которые могли бы регулировать динамично развивающиеся общественные отношения и в то же время не подвергаться постоянной модернизации. Столь непростая и часто критикуемая работа сферы правотворчества требует качественного пересмотра состава участников законодательных органов власти федерального и регионального уровней, представителей министерств и ведомств, деятельность которых связана с нормотворчеством. В то же время, знания основ юридической техники, анализ причин увеличения количества актов, признанных неконституционными, актов, несоответствующих актам большей юридической силы, исследование в ретроспективе качества правотворческой деятельности зарубежных стран и погружение в иные дисциплины при подготовке специально обученной прослойки представителей юридической профессии, может в итоге благоприятно отразиться на постоянстве и устойчивости системы законодательства России. Цель исследования – обосновать необходимость введения профессии норморайтера, разработки и внедрения профессионального и образовательного стандартов. Методологическая основа: дедукция, абстрагирование, диалектический анализ результатов правотворчества, исторический и сравнительный методы оценки качества действующего законодательства России и зарубежных стран, обобщение проблем и предложение путей выхода из кризиса в области законотворчества. Результаты: с целью реализации проекта подготовки специально обученных людей – норморайтеров, поддержана идея о необходимости разработки профессионального и образовательного стандартов, в то же время проводится критика целесообразности введения льгот, поощрений и иных преференций. Выводы: знание и соблюдение строго формализованного подхода к созданию проекта нормативного акта, а также профессиональное оформление проектов актов законотворчества норморайтерами способны вывести систему российского законодательства на новый уровень.</p>
<p>Об авторе: д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой правовых основ управления, МГИМО МИД России e-mail: v.v.grib@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: норморайтер; нормотворчество; правотворчество; юридическая техника; профессиональный стандарт норморайтера; образовательный стандарт норморайтера; льготы и преимущества норморайтера</p>	

Повышение качества закона и эффективности его применения всегда являлось одним из приоритетных направлений государственной политики как России, так и других стран, что неудивительно, поскольку стабильное и качественное законодатель-

ство всегда являлась гарантией устойчивого развития общества, соблюдения прав и свобод человека, исполнения и уважения законов, пресечения роста преступности.

Анализируя законодательство разных стран, мы можем обнаружить парадоксаль-

ную ситуацию: в то время как в одних странах, например, в Великобритании и Франции¹, действуют законы, принятые несколько сотен лет назад, в других странах, например, в России, наблюдается постоянная модернизация правового регулирования. Более того, в некоторых правовых системах мы можем одновременно наблюдать нагромождение правовых актов, касающихся одних правоотношений, и полное отсутствие правового регулирования другой сферы жизнедеятельности. Как справедливо указывает Г. Дж. Берман современное право скорее воспринимается как «каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими «приемами», «техникой», «технологией»². В этой связи вспоминаются слова французского писателя и философа Вольтера, который отмечал, что многочисленность законов в государстве есть то же, что большое число лекарей: признак болезни и бессилия.

Научные деятели России, развивая мысль Вольтера, применительно к современному российскому законодательству отмечают, что «необходимо сделать такой законодательный комплекс, который может обеспечить право кодексу стареть. В противном случае перманентные изменения нормативного материала не фундаментируют, а напротив, подрывают доверие людей и к законодательству, и к законодателю, еще в большей мере развивают правовой нигилизм, свидетельствуют о слабых профессиональных потенциях законодателя»³. Лазаре-

ва О.А., развивая эту мысль, добавляет, что «федеральный законотворческий процесс превращается в непрерывный процесс принятия множества поправок, дополнений и изменений. При этом разработка самостоятельных законопроектов концептуального характера стала редкостью»⁴.

Интересно отметить, что еще в 2012 году Совет Федерации Федерального Собрания РФ в своем докладе «О состоянии законодательства в Российской Федерации» выявил основные недостатки современного российского нормативного правового регулирования: «крайне нестабильное и несовершенное состояние российского правового поля, частые изменения нормативных правовых актов в ущерб стабильности регулируемой ими сферы общественных отношений; несогласованность между нормативными правовыми актами различного уровня и недостатки комплексного подхода к их разработке; недостаточная прогностическая оценка правовых и общественных последствий принимаемых нормативных правовых актов; запаздывание в корректировании законодательства с учетом изменений в социально-экономической, общественной правоприменительной и иных областях; нечеткость формулировок в текстах нормативных правовых актов и другие»⁵. Несмотря на то, что за прошедший

problemnyye voprosy zakonotvorcheskogo protsessa (The Burden of «Legislation» // Law and the Legislator: Problematic Issues of the Legislative Process): materialy Mezhdunar. Nauch.-prakt. konf. (Moskva, 24 noyabrya 2014 g.) / otv. Red. B.V. Yatselenko; RPA Minyusta Rossii. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2015. P. 98.]

¹ Великая хартия вольностей (1215); Habeas corpus акт (1679); Билль о правах (1689); Акт о престолонаследии (1701), Акт о Союзе (1706-1707) и др.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. 2-е изд. – М., 1998. – С. 52. [Berman, G.J. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya (Western Tradition of Law: the Era of Formation): Transl. from English, 2nd ed. Moscow, 1998. P. 52.]

³ Иванов Н.Г. Бремя «законодательства» // Закон и законодатель: проблемные вопросы законотворческого процесса: материалы Междунар. Науч.-практ. конф. (Москва, 24 ноября 2014 г.) / отв. Ред. Б.В. Яцеленко; РПА Минюста России. – М.: РПА Минюста России, 2015. – С. 98. [Ivanov, N.G. Bremya «zakonodatel'stvovaniya» // Zakon i zakonodatel':

⁴ Лазарева О.В. Правовая технология: монография; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. – С. 92. [Lazareva O.V. Pravovaya tekhnologiya: monografiya (Legal Technology: Monograph); FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». – Saratov : Izd-vo FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2017. P. 92.]

⁵ Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2012 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации». – М., 2013.

с того времени период со стороны государства предпринимались различные попытки усовершенствовать законотворческий процесс⁶, к сожалению, на сегодняшний день ситуация кардинально не поменялась: современное российское законодательство так и не отличается стабильностью и словно «лоскутное одеяло» пестрит многочисленными, неточными, бессистемными и зачастую противоречивыми правовыми положениями. О серьезных системных недостатках современного российского законодательства свидетельствуют не только все увеличивающиеся и порой противоречащие друг другу поправки в законодательство, но и участвовавшие случаи признания нормативных правовых актов недействующими и дача высшими судебными органами разъяснений относительно толкования и применения тех или иных норм.

По нашему мнению, существование приведенных выше недостатков законотворческого процесса обусловлено рядом причин, среди которых можно отметить отсутствие единых принципов, стандартов и методик правотворческой деятельности, отсутствие единой концепции правовой реформы, предопределяющей необходимость принятия тех или нормативных актов, недостаточность финансирования принятых правовых актов, низкий профессиональный уровень правоприменителей. В большей же степени, по мнению многих исследователей, сложившуюся ситуацию усугубляет низкий профессиональный уровень самих разработчиков законопроектов. В частности, Т.Н. Москалькова утверждает, что «именно по причине скудности юридино-технической подготовки разработчиков законодательство

порой готовится плохо»⁷. В свете изучения проблемы низкого профессионального уровня разработчиков законопроектов наиболее актуальной представляется выявленная профессором В.М. Барановым проблема отсутствия в России «особого слоя людей, которых специально подготовили для правотворческой работы и которые имеют соответствующего образца диплом»⁸.

В связи с вышеизложенным следует согласиться с мнением профессора В.М. Баранова о существовании реальной потребности в профессионально обученных специалистах в области законотворчества и об уже давно назревшей необходимости внедрения такой новой профессии как «норморайтер».

Отвечая на вопрос о целесообразности введения профессионального стандарта профессии «норморайтер», необходимо, в первую очередь, отметить, что на сегодняшний день введение профессиональных стандартов актуально для любой профессии, а в разработке и принятии соответствующих профессиональных стандартов заинтересованы как работодатели, так и сами работники. Так, профессиональные стандарты позволяют работодателю заявить о требованиях, которым должен удовлетворять работник, что, в свою очередь, обеспечивает отбор качественного персонала труда на рынке, гарантирует профессиональный рост персонала, повышение мотивации работников, повышения эффективности, обеспечения стабильности и качества труда, а следовательно, высоких экономических результатов. Работникам же профессиональный стандарт помогает адекватно оценить свой профессиональный уро-

⁶ Так, например, в 2014 г. по заказу Государственной Думы РФ Федеральным Государственным научно-исследовательским учреждением «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» было проведено научное исследование по теме: «Систематизация и модернизация законодательной базы Российской Федерации в 1994-2014 гг. Уроки и приоритетные направления дальнейшего развития». Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4983>

⁷ Москалькова Т.Н., Черников В.В. *Нормотворчество: научно-практическое пособие*. – 2-е изд., доп. И испр. – Москва: Проспект, 2014. – С. 442. [Moskal'kova, T.N.; Chernikov, V.V. *Normotvorchestvo: nauchno-prakticheskoye posobiye (Rulemaking: a Scientific and Practical Guide)*. 2-ye izd., dop. I ispr. Moscow: Prospekt, 2014. P. 442.]

⁸ Баранов В.М. «Норморайтер как профессия» // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2017. – № 6. – С. 42. [Baranova, V.M. «Normorayter kak professiya» (Normorater as a Profession) // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2017, No. 6, p. 42.]

вень и востребованность на рынке труда, при необходимости повысить квалификацию и, соответственно, обеспечить карьерный рост и увеличение доходов. О достаточно важной социальной роли профессиональных стандартов и о высокой заинтересованности работодателей и государства в продвижении института профессионального стандарта свидетельствует действующее законодательство⁹, различные социально-партнерские соглашения¹⁰ и концепции действий на рынке труда¹¹. В частности, в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития

⁹ См., Федеральный закон «О техническом регулировании»; Программу социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000 годов, утв. Постановлением Правительства РФ от 26.02.1997 N222; Программу Правительства РФ «Структурная перестройка и экономический рост в 1997-2000 годах», утв. Постановлением Правительства РФ от 31.03.1997 N 360; Программу социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 годы), утв. распоряжением Правительства РФ от 15.08.2003 N 1163-р // СЗ РФ. 2003. N 34. Ст. 3396; Концепцию модернизации российского образования на период до 2010 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 N 1756-р // СЗ РФ. 2002. N 1 (ч. II). Ст. 119.

¹⁰ См., Генеральное соглашение от 20.12.2001 между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2002-2004 годы; Генеральное соглашение от 29.12.2004 между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2005-2007 годы; Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2008-2010 годы; Генеральное соглашение от 29.12.2010 между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2011-2013 годы.

¹¹ См., например, Концепция действий на рынке труда на 2003-2005 годы, утв. распоряжением Правительства РФ от 06.05.2003 N 568-р; Концепция действий на рынке труда на 2008-2010 годы, утв. распоряжением Правительства РФ от 15.08.2008 N 1193-р // СЗ РФ. 2008. N 34. Ст. 3964.

Российской Федерации на период до 2030 года для решения стратегической задачи государственной социально-экономической политики Российской Федерации – формирование конкурентоспособной институциональной среды – в том числе указывается на необходимость создания современной национальной системы квалификаций, построенной на основе профессиональных стандартов, увязанных с образовательными стандартами.

Изложенное в полной мере подтверждает довод профессора В.М. Баранова о целесообразности и необходимости разработки профессионального стандарта и для профессии «нормрайтер». Анализируя же перспективы принятия такого профессионального стандарта, следует отметить, что на сегодняшний день, к сожалению, практически все юридические профессии, к которым целесообразно отнести и профессию нормрайтера, в принципе не получили должного правового закрепления и регламентации. Как справедливо отметил профессор В.М. Баранов, профессиональный стандарт в настоящее время принят для одной профессии в сфере юридической деятельности, профессии следователя-криминалиста¹². На этапе разработки находится профессиональный стандарт корпоративного юриста. Подготовкой данного проекта занимается в инициативном порядке юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Такие существенные пробелы в правовой регламентации юридических профессий, очевидно, обусловлены незаинтересованностью и безучастностью самих работодателей, не инициирующих принятие соответствующих профессиональных стандартов. Учитывая же то, что будущие нормрайтеры, вероятнее всего, будут являться государственными служащими, и что для большинства государственных юридических профессий (судьи, прокуроры, работники правоохранительных органов), никаких профессиональных стандартов так и не разработано, приходим к неутешительному выводу, что перспективы принятия профессионального стандарта

¹² Приказ Минтруда РФ от 23.03.2015 № 183н. – следователь-криминалист.

норморайтера еще более туманны. В данном случае вопрос принятия профессиональных стандартов для других юридических профессий стоит более остро, что обуславливает необходимость принятия со стороны государства более серьезных и системных мер.

В этой связи, тем не менее, примечательно отметить, что на сегодняшний день ведется активная работа по реформированию требований, касающихся внедрения профессиональных стандартов к деятельности государственных служащих. Так, особенности применения профессиональных стандартов установлены в Постановлении Правительства РФ от 27 июня 2016 г. N 584 «Об особенностях применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности»¹³. Указанным в наименовании постановления структурам необходимо в срок до 1 января 2020 г. реализовать обозначенные в нормативном акте плановые мероприятия. К таковым, в частности, относится утверждение с учетом мнения представительного органа работников планов по организации применения профстандартов, устанавливается потребность в профессиональном образовании (обучении) и (или) дополнительном профобразовании работников на основе анализа квалификационных требований, содержащихся в профстандартах. Кроме того, в плане приводится перечень локальных нормативных актов и других документов организации, в том числе по вопросам аттестации, сертификации и других форм оценки квалификации работников, подлежащих изменению с учетом требований профстандартов. Во исполнение данного постановления, все государствен-

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2016 г. N 27 (часть III) ст. 4484.

ные служащие до 2020 года перейдут на систему, учитывающую требования профессиональных стандартов.

Отвечая на вопрос о разработке особого образовательного стандарта профессии «норморайтер», следует обратить внимание на проблему несоответствия разработанных образовательных стандартов перечню видов профессиональной деятельности, по которым разрабатываются профессиональные стандарты. Как справедливо указывают Н.П. Новиков, Т.Р. Новикова и О.Ф. Селиверстова для разработки одной образовательной программы может потребоваться использование нескольких профессиональных стандартов, а прямой перенос формулировок из них во ФГОС невозможен¹⁴.

Анализ нормативных правовых актов¹⁵, регламентирующих профессиональное обучение юристов, свидетельствует о том, что действующий образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) в качестве вида профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата в т.ч. охватывает и правотворческую деятельность. В связи с этим приходим к выводу об отсутствии необходимости внедрения особого образовательного стандарта на уровне бакалавриата. На уровне же магистратуры, учитывая вышеизложенные выводы о целесообразности внедрения новой профессии «норморайтер» и принятия соответствующего профессионального стандарта, разработка особого образовательного стандарта норморайтера была

¹⁴ Новиков П.Н., Селиверстова О.Ф., Новикова Т.Р. Профессиональные стандарты: проблемы и перспективы развития // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. – 2014. – № 1. [Novikov, P.N.; Seliverstova, O.F.; Novikova, T.R. Professional'nyye standarty: problemy i perspektivy razvitiya (Professional Standards: Problems and Development Prospects) // *Vestnik FGOU VPO MGAU*, 2014, No. 1.]

¹⁵ См., Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 N 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)»

бы крайне полезной. В этой связи представляются достаточно интересными предложения профессора В.М. Баранова дополнить (с выделением нужного учебного времени) базовые юридические дисциплины темами, «работающими» на доктрину, практику, технику правотворчества. Представляется, что разработка и внедрение особого образовательного стандарта норморайтера позволит привести профессиональное обучение по данному образовательному направлению в соответствие с потребностями общества и государства, систематизировать требования к государственным служащим, занятым в области нормотворчества и разработать востребованные образовательные программы.

На сегодняшний день, в отсутствие соответствующих образовательных программ, весьма уместным представляется предложение профессора В.М. Баранова на приоритетных началах нескольким университетам организовать исследовательский научно-прикладной и учебный центр с условным наименованием «Правотворчество и юридическая техника нормообразования», который позднее может взять на себя функцию повышения квалификации норморайтеров. Также интересным представляется предложение создать базовые кафедры при представительных органах государственной власти с перспективой организации целевого набора и гарантией предоставления должности по полученной специальности.

Проведение предварительной экспертизы профессионального и образовательного стандартов норморайтера следует осуществлять в соответствии с Методические рекомендации по разработке основных профессиональных образовательных программ и дополнительных профессиональных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов от 22 января 2015 года N ДЛ-1/05вн, Правилами разработки и утверждения профессиональных стандартов, утвержденными постановлением Правительства РФ от 22 января 2013 года № 23 «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов», Методическими рекомендациями по разработке профессионального стандарта, утвержденными приказом Минтруда России от 29 апреля 2013 года № 170н и Методическими рекомен-

дациями по организации профессионально-общественного обсуждения и экспертизы проектов профессиональных стандартов, утвержденными приказом Минтруда России от 30.09.2014 N 671н.

Экспертиза проекта профессионального стандарта проводится, как правило, специалистами, имеющими опыт работы в конкретном виде профессиональной деятельности не менее 5 лет, а также специалистами в области управления персоналом, профессионального образования и сертификации квалификаций в близких областях профессиональной деятельности. К экспертизе также могут привлекаться эксперты и победители Всероссийского конкурса профессионального мастерства «Лучший по профессии» и международного конкурса Ворлдскиллс.

Что же касается учреждений, которым может быть поручено проведение предварительной экспертизы проекта профессионального стандарта норморайтера, то, полагаем, что это может быть одно или несколько из ниже представленных учреждений:

1. Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям, уполномоченный в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 2014 года № 249 экспертизу проектов законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам развития системы профессиональных квалификаций в Российской Федерации;

2. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, старейший многопрофильный центр правовой науки, выполняющий широкий круг теоретических и научно-прикладных работ, который в соответствии с Уставом участвует в подготовке планов законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации и в разработке проектов федеральных законов; проведении научной правовой экспертизы концепций и проектов федеральных законов, а также иных нормативных правовых актов, находящихся на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации;

3. Национальное агентство развития квалификаций (НАРК), одной из основных форм деятельности которой является

осуществление научно-методического сопровождения деятельности организаций по вопросам разработки и внедрения профессиональных стандартов, независимой оценки и сертификации квалификаций;

4. ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», который являлся одним из разработчиков профессионального стандарта следователя-криминалиста, а в настоящее время разрабатывает профессиональный стандарт корпоративного юриста;

5. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, один из крупнейших научных юридических центров России, который продолжает занимать ведущие позиции в разработке основных проблем права и государства.

Что касается предварительной экспертизы образовательного стандарта норморайтера, то к ней, как отмечается в Методических рекомендациях по разработке основных профессиональных образовательных программ и дополнительных профессиональных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов от 22 января 2015 года N ДЛ-1/05вн, целесообразно привлечь:

– представителей работодателей и объединений работодателей, в том числе членов рабочей группы, формировавших базовые подходы к разработке образовательной программы с учетом профессиональных стандартов и квалификационных требований к специалисту, сформулированных в них;

– представителей обучающихся (студентов, аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров старших курсов, слушателей, осваивающих дополнительные профессиональные программы и программы профессионального обучения) или выпускников, поскольку они отражают мнение непосредственных потребителей образовательных услуг;

– педагогов, принимающих участие в реализации образовательной программы, поскольку именно они могут оценить ее дидактическую целесообразность.

В связи с вышеизложенным наиболее целесообразным представляется привлечь

к экспертизе образовательного стандарта норморайтера Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям, представителей государственных органов федеральной и региональных властей, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, педагогов юридических факультетов крупнейших вузов России, выпускников, студентов и аспирантов Института законодательства при Саратовской государственной юридической академии, юридических факультетов МГУ, СПбГУ и др.

Определить оптимальное количество норморайтеров, которых целесообразно ежегодно готовить в рамках соответствующей образовательной программы, в отсутствие какой-либо методики крайне затруднительно. Вместе с тем, можно согласиться с предложенным профессором В.М. Барановым расчетом потребности в норморайтерах, основанном на учете количества лиц, занятых в правотворческой деятельности субъектов РФ. Однако, при данном расчете целесообразно также учитывать потребность федеральных органов власти.

Относительно предложенных профессором В.М. Барановым мер по установлению повышенной материальной и иной поддержки профессионального становления норморайтеров следует отметить, что реализация таких мероприятий не обусловлена какой-либо острой необходимостью. Придание им статуса государственных служащих должно позволить им иметь предоставляемые последним льготы, гарантии и компенсации. Залогом чего должно стать добросовестное исполнение норморайтерами своих служебных обязанностей¹⁶.

¹⁶ Скачкова Г.С. Профессия «норморайтер» и трудовое право / Норморайтер как профессия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3. – С. 355. [Skachkova, G.S. Professiya «normorayter» i trudovoye pravo / Normorayter kak professiya (Norm-writer Profession and Labor Law / Norm-writer as a Profession) // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, No. 3, p. 355.]

Полагаем, что предлагаемая В.М. Барановым именно для нормрайтеров серия дополнительных льгот и преимуществ может, действительно, снижать конкуренцию в процессе служебного роста, поэтому надо весьма осторожно подходить к вопросу о предоставлении таких преференций. В частности, это касается, например, трехлетнего запрета на увольнение по причине слабой профессиональной подготовки; льготного медицинского обслуживания; повышенного пенсионного обеспечения.

Литература:

Баранов В.М. «Нормрайтер как профессия» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. 2-е изд. – М., 1998.

Иванов Н.Г. Бремя «законодательства» // Закон и законодатель: проблемные вопросы законотворческого процесса: материалы Междунар. Науч.-практ. конф. (Москва, 24 ноября 2014 г.) / отв. Ред. Б.В. Яцеленко; РПА Минюста России. – М.: РПА Минюста России, 2015.

Лазарева О.В. Правовая технология: монография; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017.

Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. – 2-е изд., доп. И испр. – Москва: Проспект, 2014.

Новиков П.Н., Селиверстова О.Ф., Новикова Т.Р. Профессиональные стандарты: проблемы и перспективы развития // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. – 2014. – № 1.

Скачкова Г.С. Профессия «нормрайтер» и трудовое право / Нормрайтер как профессия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3.

References:

Baranov, V.M. «Normorayter kak professiya» (Normorater as a Profession) // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, 2017, No. 6.

Berman, G.J. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya (Western Tradition of Law: the Era of Formation): Transl. from English, 2nd ed. Moscow, 1998.

Ivanov, N.G. Bremya «zakonodatel'stvovaniya» // Zakon i zakonodatel': problemnyye voprosy zakonotvorcheskogo protsesssa (The Burden of “Legislation” // Law and the Legislator: Problematic Issues of the Legislative Process): materialy Mezhdunar. Nauch.-prakt. konf. (Moskva, 24 noyabrya 2014 g.) / отв. Red. B.V. Yatselenko; RPA Minyusta Rossii. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2015.

Lazareva O.V. Pravovaya tekhnologiya: monografiya (Legal Technology: Monograph); FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». – Saratov : Izd-vo FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2017.

Moskal'kova, T.N.; Chernikov, V.V. Normotvorchestvo: nauchno-prakticheskoye posobiye (Rulemaking: a Scientific and Practical Guide). 2-ye izd., dop. I ispr. Moscow: Prospekt, 2014.

Novikov, P.N.; Seliverstova, O.F.; Novikova, T.R. Professional'nyye standarty: problemy i perspektivy razvitiya (Professional Standards: Problems and Development Prospects) // Vestnik FGOU VPO MGAU, 2014, No. 1.

Skachkova, G.S. Professiya «normorayter» i trudovoye pravo / Normorayter kak professiya (Norm-writer Profession and Labor Law / Norm-writer as a Profession) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii, 2018, No. 3.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10033

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FORMATION OF THE PROFESSION “NORM-WRITER” IN RUSSIA

Vladislav V. Grib

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10.02.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 13.05.2019</p>	<p>Abstract: A large number of experts, professionals and journalists state that at present our country experiences a crisis of legality, constant adjustment, as well as gaps and inconsistency of legislation. The main reason for the current unfavorable situation, we believe, is the lack of specially trained representatives of the legal profession, specially prepared for lawmaking, ready to offer a balanced approach to the development and adoption of more stable laws that could regulate dynamic social relations and at the same time not be subjected to constant modernization. Such a difficult and often criticized work in the field of lawmaking requires a qualitative review of the composition of participants in legislative bodies at the federal and regional levels, representatives of ministries and departments whose activities are related to rule-making. At the same time, knowledge of fundamentals of legal engineering, analysis of the reasons for the increase in the number of acts deemed unconstitutional, acts inconsistent with acts of greater legal force, a study in retrospect of the quality of law-making activities of foreign countries and immersion in other disciplines in preparing a specially trained layer of representatives of the legal profession can in the end favorably affect the constancy and sustainability of the Russian legislation system. The purpose of the study is to substantiate the need for introducing a norm-writer profession, developing and implementing professional and educational standards. Methodological basis: deduction, abstraction, dialectical analysis of the results of law-making, historical and comparative methods for assessing the quality of the current legislation of Russia and foreign countries, generalizing problems and proposing ways out of the crisis in lawmaking. Results: in order to implement the project of training specially trained people – norm-writers, the idea of the need to develop professional and educational standards was supported, while at the same time there was criticism of the feasibility of introducing benefits, incentives and other preferences. Conclusions: the knowledge and observance of a strictly formalized approach to the creation of a draft regulatory act, as well as the professional registration of draft acts by norm-writers, can bring the system of Russian legislation to a new level.</p>
<p>About the author: Dr of Law, Professor, Head of the Department of Legal Foundations of Governance, MGIMO University</p> <p>e-mail: v.v.grib@mail.ru</p>	
<p>Key words: norm-writer; rulemaking; lawmaking; legal technique; professional standard of norm-writer; educational standard of norm-writer; benefits and advantages of norm-writer</p>	

Для цитирования: Гриб В.В. Проблемы и перспективы становления профессии «нормрайтер» в России // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 105-112.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10033

For citation: Grib, Vladislav V. Problemy i perspektivy stanovleniya professii «normorayter» v Rossii (Problems and Prospects of the Formation of the Profession “Norm-Writer” in Russia) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 105-112.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10033

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ»

ЧАСТЬ II: «ТОРМОЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ТОРГОВАЯ ВОЙНА С США, ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА ВОЗМОЖНОСТЕЙ КИТАЯ»

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 января 2019 <i>Принята к печати:</i> 13 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть II: «Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая», посвященного результатам анализа динамики и современного состояния процесса экономического и политического реформирования в Китае. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи МГИМО МИД России, ИДВ РАН, РУДН, ИВ РАН, НИУ ВШЭ, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, НИИ ВИ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, РИСИ, МГУ имени М.В. Ломоносова. Ведущие российские эксперты обсудили новые цели китайских реформ на обретение мирового лидерства в науке и технике, возможность достижения этих целей, их влияние на мировой статус Китая, а также последствия в условиях конфронтации с США. Также обсуждался вопрос, куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом – в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы»? Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических реформ? Эксперты также обсудили основания появления в ходе продвижения китайских реформ общезначимой «китайской модели», которая может быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам и вопрос возможности заимствования Россией на нынешнем этапе развития или странами постсоветского пространства каких-либо компонентов «китайской модели». Также анализировалась вероятность того, что вокруг Китая будет формироваться новый экономический «полюс» современного мира, а также выгоды и какие проблемы для тех, кто будет пытаться к нему присоединиться.</p>
<p>Ключевые слова: китайская экономика; торговая война; Китай; КНР; США; китайские реформы; мировое лидерство; наука; напряженность; Запад; открытость; либерализация; автаркия; политические реформы; китайская модель; китайский экономический «полюс»</p>	

Московский государственный институт международных отношений
 Министерства иностранных дел Российской Федерации
 Центр комплексного китаеведения и региональных проектов
 При поддержке журнала «Сравнительная политика»

*Ведущий круглого стола – директор ЦКК и РП МГИМО МИД России,
 д.полит.н., доктор философии (Манчестерский университет),
 профессор А.Д. Воскресенский*

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

БОРОХ Ольга Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович**,

главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор РУДН; **ВОРОНЦОВ Александр Валентинович**,

руководитель отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ВОСКРЕСЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич**, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ГАЛЕНОВИЧ Юрий Михайлович**, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; **ДИКАРЕВ Андрей Дмитриевич**, ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; **ЕФРЕМОВА Ксения Александровна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КАШИН Василий Борисович**, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН; **КИРЯЕВА Анна Андреевна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна**, ведущий эксперт Центра АСЕАН, заместитель декана Факультета международных отношений, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ЛОМАНОВ Александр Владимирович**, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; **ЛУКОНИН Сергей Александрович**, заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **НАЗЕМЦЕВА Елена Николаевна**, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ; **ОСТРОВСКИЙ Андрей Владимирович**, заместитель директора, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **РУМЯНЦЕВ Евгений Николаевич**, старший научный сотрудник РИСИ; **ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич**, заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный

сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **ЮДИНА Тамара Николаевна**, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

А.Д. Воскресенский. Продолжим обсуждение. Повторю основные вопросы. Прошу сконцентрироваться в основном на второй части нашего рабочего вопросника, однако если остается что-либо «недообсужденное» по первой части можно вернуться к этим до конца проясненным моментам. *Наш главный вопрос для обсуждения: Перспективы китайских реформ в изменившемся мире – сможет ли Китай продолжать успешные преобразования в условиях соперничества с США? Также мы обсуждаем следующие проблемы:*

1. В 2018 году китайско-американские отношения перешли от сотрудничества, которое длилось свыше четырех десятилетий, к соперничеству. Означает ли это, что внешний контекст проведения реформ изменился радикальным и необратимым образом?

2. Одна из претензий американской стороны сводится к тому, что Китай не оправдал ожиданий и не пошел по пути либерализации по мере углубления реформ. Как оценивать эту проблему? Ожидания Запада были необоснованными изначально? Либо в процессе реформ произошел существенный поворот, который привел к отклонению от ожидаемой цели?

3. В 2017 году Си Цзиньпин заявил, что Китай завершил этап «обогащения» и начинает этап «усиления». Можно ли на этом основании говорить о том, что реформаторская экономическая политика Дэн Сяопина уже стала частью истории?

4. Сходный вопрос можно задать в сфере внешней политики. В 1992 году Дэн Сяопин сформулировал «политику сокрытия возможностей», которая была пересмотрена при Си Цзиньпине в пользу «политики активных действий». В 2018 году в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете звучали упреки в адрес властей, якобы спровоцировавших этим шагом США

на ужесточение политики на китайском направлении. Насколько обоснованы эти суждения? Будет ли Китай пытаться вернуться к «сокращению возможностей»? Принесет ли это ослабление напряженности?

5. Торговая война замедляет темпы роста экономики КНР. Достаточно ли у Вашингтона торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях? Как повлияет гипотетическое принятие полного набора американских требований на перспективы экономических реформ в Китае?

6. Торможение экономики под давлением извне подталкивает китайские власти к поиску дополнительных рычагов стимулирования роста. Каких шагов следует ожидать? Следует ли опасаться их негативного влияния на экономическое развитие Китая в отдаленном будущем?

7. Китайские реформы нацелены на обретение мирового лидерства в науке и технике. Достижение этой цели повлияет на мировой статус Китая, и руководство страны понимает это. Чего ждать в условиях конфронтации с США? Эта цель не будет достигнута никогда, она будет осуществлена с опозданием, либо за счет напряжения ресурсов выполнена досрочно?

8. Куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом — в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы»? В какой мере и в каком виде эти два направления могут сочетаться друг с другом?

9. Тема политических реформ в Китае ушла на задний план. Как долго может продолжаться подобная «заморозка»? Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических реформ?

10. Китай заявляет об «уверенности в пути, теории и строе» социализма с китайской спецификой. Закончился ли период идейной открытости Китая внешнему миру? Какие идеи и концепции влияют на китайские реформы в наши дни — западные, марксистские, какие-то иные?

11. Есть ли основания говорить о появлении в ходе продвижения китайских реформ общезначимой «китайской модели», которая

может быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам? Может ли Россия на нынешнем этапе заимствовать какие-либо компоненты «китайской модели»? Как следует реагировать на попытки заимствования «китайской модели» странами постсоветского пространства?

12. Существует ли вероятность того, что вокруг Китая будет формироваться новый экономический «полюс» современного мира? Какие выгоды и какие проблемы ждут тех, кто будет пытаться к нему присоединиться?

О.Н. Борох. Китайское руководство стремится подчеркнуть преимущество в проведении реформ. Об этом свидетельствует выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-летию политики реформ и открытости 18 декабря 2018 г. В его трактовке продвижение реформ и открытости стало третьим по значимости событием в истории Китая со времени «Движения 4 мая 1919 г.» после создания КПК и образования КНР. Китайский лидер отметил, что именно Дэн Сяопин осуществил перенос центра тяжести в работе на экономическое строительство, принял решение о проведении реформ и открытой политики.

Си Цзиньпин перечислил достижения, обретенные благодаря проведению реформ: в течение минувших четырех десятилетий среднегодовые темпы роста китайской экономики составили 9,5%, Китай стал второй экономикой мира. Народное благосостояние заметно выросло, карточки на снабжение продовольственными и потребительскими товарами ушли в историю.

О возможности коррекции проводимой политики Си Цзиньпин сказал: «Критерием того, что нужно реформировать и как нужно реформировать, должно стать соответствие общей цели совершенствования и развития строя социализма с китайской спецификой, продвижения модернизации системы государственного управления и способности к управлению. Мы будем решительно реформировать то, что должно быть изменено, и решительно не реформировать того, что не должно быть изменено».

Можно предположить, что к сфере «неизменного» относятся не только базовые постулаты о следовании по пути социализ-

ма с китайской спецификой и продолжении политики реформ и открытости, но и тезис о необходимости укрепления партийного руководства экономическим развитием. Китайский лидер призвал соединить усиление руководства со стороны партии с инновационным духом народа, нацеленный на эксперимент «переход через реку по камням» с «проектированием сверху».

В речи по поводу юбилея реформ Си Цзиньпин вновь озвучил основополагающий лозунг наших дней: «Партии, административные органы, армия, гражданские организации и система образования; восток, запад, юг, север и центр – всем этим руководит КПК». Он подчеркнул, что именно благодаря руководству партии удалось осуществить исторический поворот к реформам и открытости, начать новый поход к великому возрождению китайской нации, преодолеть серьезные риски и вызовы, приспособиться к меняющейся ситуации, ослабить воздействие мирового экономического кризиса. Благодаря партии Китай избежал как движения по старому пути закрытости и окостенелости, так и «порочного пути смены знамени».

На нынешнем этапе китайских реформ все более заметным становится слияние официальной идеологии и экономической политики. В конце 2017 г. на совещании ЦК КПК по экономической работе впервые в обобщенном виде были представлены «экономические идеи Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи», которые на первое место ставят усиление централизованного единого руководства экономической работой со стороны партии.

Китайские власти провозглашают, что в центре новой концепции развития находится народ, указывают на необходимость приспособиться к состоянию «новой нормальности» китайской экономики, утратившей прежнюю динамику и потому требующую иных источников роста. Следует особо подчеркнуть, что усиление партийного руководства не тождественно отказу от рыночных преобразований. Обновленная нормативная идеология реформ содержит тезисы о решающей роли рынка в размещении ресурсов, о необходимости поиска нового баланса меж-

ду ролью рынка и ролью правительства. На 19 съезде КПК было заявлено об изменении основного противоречия развития Китая. Отныне это противоречие «между растущей потребностью народа в хорошей жизни и неравномерным неполным развитием», а не между растущими потребностями людей и отсталым производством, как это было на предыдущем этапе китайских реформ. Китайские экономисты отмечают, что теперь главной стороной противоречия стало предложение, структура которого не соответствует изменившейся структуре спроса.

После завершения работы сессии ВСНП в марте 2018 г. был обнародован «План углубления реформы партийных и правительственных органов», нацеленный на укрепление руководства со стороны КПК и усиление централизации власти. Четыре руководящие группы ЦК КПК (по всестороннему углублению реформ, по интернет-безопасности и информатизации, по экономике и финансам, по внешним делам) были преобразованы в комиссии ЦК КПК. В Китае поясняют, что статус этих органов стал более высоким, поскольку руководящая группа является выполняющей координационные функции «временной структурой», тогда как комиссия – это постоянный орган, созданный для выполнения установленных задач. Принцип партийного руководства всеми сферами реформ получил конкретное организационное воплощение.

Преобразований сопоставимого масштаба в организации системы китайской власти не было два десятилетия. Реформа правительства 1998 г. под эгидой премьера Чжу Жунцзи была расценена как шаг в направлении упрощения бюрократической структуры. На этот раз изменения очевидным образом нацелены на укрепление контроля над экономикой со стороны КПК. Распространенная в прежние годы трактовка китайских реформ как поступательного движения от централизации к либерализации более не способна служить основой для описания происходящих в Китае процессов и их прогнозирования. Внутри Китая создание обновленной системы централизованного партийного руководства не воспринимают как потенциальное препятствие на пути

реформ. Напротив, в осуществлении этих шагов ныне видят возможность продвижения к созданию современной экономической системы и обретению более высокого качества экономического роста.

Общий вектор перемен указывает на усиление роли партии и сокращение влияния государственных структур. Постепенное перемещение рычагов управления экономикой от правительства к КПК началось вскоре после прихода к власти Си Цзиньпина. Наиболее заметным стало принятое в конце 2013 г. решение создать руководящую группу ЦК по всестороннему углублению реформ во главе с генеральным секретарем. В период проведения в Китае политики преобразований влияние партийного руководителя на экономическую политику никогда еще не было столь значительным. Создаваемые институты нацелены на усиление власти КПК, они способны служить эффективным инструментом для решения текущих экономических задач. Вместе с тем они весьма заметно отличаются от соответствующих институтов развитых стран с рыночными экономиками, что в перспективе способно затруднить полномасштабную интеграцию Китая в глобальную экономику.

Укрепление партийного руководства сопровождалось выдвижением в марте 2018 г. на ответственные посты грамотных экономистов с солидными теоретическими познаниями, обучавшимися или стажировавшимся за рубежом. На Западе их нередко называют «технократами». Это вице-премьер Лю Хэ и глава Народного банка Китая И Ган, получивший докторскую степень в Университете Иллинойса. Новый комитет по регулированию банковской деятельности и страхования при Госсовете КНР, созданный в результате слияния двух отдельных комитетов, а также руководящую группу ЦК по реформе банковской деятельности и страхования возглавил Го Шуцин, он также является заместителем главы Народного банка. Следует отметить, что в Народном банке Китая произошло разделение руководящих должностей, глава организации И Ган, в отличие от предшественника, более не является партийным секретарем — этот пост занимает Го Шуцин.

Китайские эксперты обосновывают централизацию разработки экономической

политики необходимостью подготовки к предотвращению возникновения крупных рисков. Их предполагаемыми источниками являются протекционистские меры западных стран во главе с США, рост уязвимости китайского финансового сектора для рисков, возникающих за пределами страны, накопление внутреннего долга. Помимо этого, осуществление стратегии «пояса и пути» превращает Китай в крупного инвестора, интересы которого могут пострадать от нестабильности в мире и происходящих за рубежом геополитических перемен.

Концентрация полномочий по разработке экономической политики в руках правящей партии сопровождается активизацией усилий по созданию новой стратегии реформ, которая даст возможность продолжить развитие в условиях сохранения стабильности. Эта стратегия уже обрела относительно устойчивое содержание, она тесно связана с именем нынешнего китайского лидера. Возможное продление срока пребывания у власти Си Цзиньпина до конца 2020-х годов способно стать фактором устойчивости и предсказуемости курса экономических реформ.

А.Н. Федоровский. Оценка вероятности и содержания сценария возможной корректировки экономической политики в Китае остается сложной задачей. Вектор стратегии развития будет складываться под воздействием важнейших внутренних приоритетов и давления внешнего фактора (прежде всего, взаимоотношений с США). Внутри страны в ближайшей перспективе сильное влияние будут оказывать последствия стратегии на доминирование государства в рыночной экономике. Сложившийся курс отвечает интересам широкого слоя элиты в центре и в провинциях, вовлеченного в распределение бюджетных средств и связанного с деятельностью госкорпораций. В то же время внешние вызовы требуют от Китая структурной перестройки экономики в пользу инновационных отраслей, которые должны определять перспективу развития страны. Поставленная задача создает спрос на внутреннюю конкуренцию, которая предполагает правовое и экономическое равенство институтов, вовлеченных в рыночные процессы.

На данный момент оценки возможных действий китайской стороны в значительной степени определяются приоритетами, озвученными китайскими лидерами и подкрепленными соответствующими реальными действиями. В первую очередь, стоит обратить внимание на цикл выступлений руководителей КНР в ноябре 2018 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в связи с проведением внешнеторговой выставки импортных товаров в Шанхае говорит о главных приоритетах: приверженности идеям глобализации, обеспечения свободы торговли и необходимости импорта для развития КНР и укрепления связей с партнерами.

Практически одновременно заместитель председателя КНР Ван Цишань обращается к руководителям крупнейших ТНК на проходившем в Сингапуре «Новом экономическом форуме» со сходными тезисами и подчеркивает готовность Пекина к конструктивным переговорам с Вашингтоном.

В свою очередь премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, выступая в том же месяце на заседании Сингапурского делового совета, заявляет: «несмотря на оказываемое давление, мы сделаем корректировку по мере необходимости: оживить рынок, субъекты рынка. У нас есть возможности сделать это»¹.

На этом фоне складывается следующее представление о приоритетах действий Китая. Во-первых, продолжение курса на участие Китая в процессах экономической глобализации; во-вторых, внесение корректив во внешнеторговую политику, подразумевающую расширение импорта, а значит усиление фактора конкуренции во внутренней экономике. В-третьих, новый этап экономических реформ, с учетом расширения влияния рыночных механизмов. Объективно в этих условиях на повестке дня стоит вопрос, как минимум, о ликвидации тепличных условий функционирования государственных компаний.

Рост профицита в торговле КНР с США в 2018 г. на 17% до рекордных 323 млрд долл. отражает сложившуюся за последние сорок лет между двумя странами систему торго-

экономических обменов². На повестке дня стоит вопрос о преодолении преобладающих тенденций. Однако противодействовать инерционности масштабных внутренних и связанных с ними внешних процессов будет весьма сложной задачей для коммерческих и государственных институтов двух стран. Для Китая в особенности, поскольку требует учета и адаптации интересов основных влиятельных бюрократических и коммерческих групп к новым условиям развития, поставит в повестку дня задачу кардинального совершенствования банковско-кредитной системы, а также подъема уровня трудовых ресурсов, наконец, выявит готовность страны увязать потребность в реформах экономического и правового характера с доминирующими идеологическими установками.

Таким образом, главный вызов для Китая состоит в том, чтобы найти ответ на вопрос, как избежать дисбаланса внутренних и внешних аспектов развития?

В.Б. Кашин. Начавшаяся весной 2018 года американо-китайская торговая война – составная часть углубляющегося системного конфликта между КНР и США. Конфликт лишь в малой степени связан с личностью действующего президента США Д. Трампа. Нарастающие противоречия в отношениях отмечались в течение длительного времени до его прихода к власти. Предпосылки для относительно быстрого ухудшения американо-китайских отношений наблюдались в течение всего второго срока администрации президента США Барака Обамы.

Среди предпосылок для углубления противоречий можно отметить политику руководства США по «повороту в Азию» (*Pivot to Asia*), объявленную президентом Б. Обамой в выступлении в австралийском парламенте, в ноябре 2011 года, в которой отмечалось, что «после десятилетия двух войн, которые дорого нам обошлись, и в деньгах, и в человеческих жизнях, США обращают свое внимание на обширный потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона»³. Фак-

¹ Reforms, not Stimulus, Vital for Growth // *The Korea Times*, 15.11.2018. P. 7.

² Никольский А. Китай пугает мир // *Ведомости*, 15.01.2019. С. 4.

³ Remarks by President Obama to Australian Parliament. Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press->

тически, в этом выступлении объявлялось о завершении десятилетней «стратегической передышки», которую получил Китай после событий 11 сентября 2001 года, когда внимание США было поглощено войной с международным терроризмом и ближневосточной политикой. США приступили к реализации давно запланированных мер по укреплению региональных союзов и военного присутствия в Азии.

Меры администрации Обамы широко оцениваются в США как неудачные. Сосредоточения ресурсов в Азии не получилось в силу комплекса причин, в том числе и потому, что войны, которые Б. Обама в начале реализации стратегии «поворота» считал завершёнными, вспыхнули с новой силой и к ним добавилось затратное в военно-политическом отношении противостояние с Россией по итогам событий на Украине 2014 года.

Единственный крупный и важный успех политики США в тот период – подписание соглашения от Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), пал жертвой американской внутренней политики. В период избирательной кампании в США 2016 года соглашение о ТТП критиковал не только Д. Трамп, но и кандидат от демократов Х. Клинтон. Протекционистский поворот в американской политике, как это признается теперь, затронул обе ведущие политические партии и доминирует в американской политической дискуссии. Тем самым предопределялся инструментарий грядущего столкновения с Китаем. От прежней стратегии мягкого сдерживания КНР при помощи создания новых международных торговых альянсов, трансформации институтов, перенаправления товарных потоков США должны были теперь перейти к более примитивному и грубому инструментарию в виде введения новых тарифных барьеров и силового давления.

С другой стороны, происходила постепенная активизация и рост наступательности китайской политики. Между 2013 и 2016 годами КНР реализовала в Южно-Китайском море масштабные проекты по созданию искусственных островов вокруг контролируемых ею образований в спорных

office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament

водах архипелага Спратли. В последующем на этих искусственных островах были возведены объекты военной инфраструктуры, что серьезным образом изменило военную расстановку сил в стратегически важном районе мирового океана, через который проходит до трети от общего объема мировой торговли, осуществляемой по морю⁴.

Китайские действия в Южно-Китайском море продемонстрировали бессилие США и слабость АСЕАН. США не смогли помешать китайскому проекту, ограничившись демонстративными отправками кораблей для «патрулирования с целью обеспечения свободы судоходства». АСЕАН не смог выдвинуть единой позиции по этому вопросу ввиду серьезнейшего влияния КНР на некоторых членах организации, в частности Лаос и Камбоджу. Укрепление китайского влияния на Таиланд после военного переворота в этой стране в 2014 году и переход Филиппин к многовекторной политике после избрания президентом этой страны Р. Дутерте в 2016 году привели к дополнительной эрозии американского влияния в регионе.

Другим фактором, предопределившим возникновение и облик конфликта был ускорившийся после 2012-2013 года рост китайского военного и, в особенности, технологического потенциала. Отношение к китайским программам в сфере ряда прорывных технологий (например, искусственный интеллект и робототехника, квантовые технологии) стало меняться в последние годы, когда как наукометрические показатели (число публикаций в международных журналах), так и данные о реализуемых проектах стали говорить о возможном выходе Китая на передовые или даже лидирующие позиции⁵.

Американцы склонны видеть среди важнейших факторов, предопределяющих быстрое развитие технологий в Китае спо-

⁴ How Much Trade Transits the South China Sea? Mode of access: <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/>

⁵ См. например, Horowitz, Michael; Kania, Elsa B.; Allen, Gregory C.; Scharre, Paul. Strategic Competition in the Era of Artificial Intelligence / Center for New American Security, 2018. Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/reports/strategic-competition-in-an-era-of-artificial-intelligence>

способность китайцев совмещать преимущества собственной политической системы (стабильность, способность концентрировать огромные ресурсы на прорывных направлениях) и блага глобализации. Предполагается, что Китай выигрывает благодаря «нечестной конкуренции», используя для выхода на лидирующие позиции по перспективным направлениям такие методы, как кража интеллектуальной собственности, принуждение иностранных компаний в Китае к передаче технологий, субсидирование отдельных отраслей, скупку иностранных технологических активов китайскими компаниями на госденьги.

Перспективные планы ускоренного развития, реализация которых началась в КНР начиная с 2015 года (например, программы «Сделано в Китае-2025», План развития искусственного интеллекта 2017 г. и др.) способствовали усилению обеспокоенности США. Китай открыто заявлял о намерении добиться перераспределения долей мирового рынка и достижения прорывных результатов в относительно короткие сроки (например, по искусственному интеллекту – до 2030 г.)

На этом фоне у США возникала потребность в быстрых и энергичных действиях по исправлению изменившегося баланса сил. Понимание уровня китайской угрозы экономическим и политическим позициям США в мире разделяется американской элитой в целом, а точка зрения о необходимости предпринять более активные, чем ранее действия является общепринятой. Но многие тактические аспекты разворачивающегося противоборства связаны с особенностями администрации Д. Трампа, относительно слабо связанного и мало зависящего от наиболее тесно связанных с глобальным бизнесом и Китаем сегментов американской элиты. К таким глобализированным секторам можно, в частности, отнести информационно-коммуникационные технологии, медиа-бизнес, производство многих видов потребительской продукции.

Традиционная китайская модель работы с американской элитой – через работающие в КНР американские компании в таком случае теряет свою эффективность. Адми-

нистрация Трампа, как следствие, обладала уникальными возможностями для быстрой эскалации конфликта с КНР. Однако до начала эскалации пришлось ждать целый год в виду начавшегося в 2017 году крайне острого и опасного кризиса в отношениях между США и КНДР. Китай является ключевым игроком в разрешении северокорейской ядерной проблемы и единственной страной, обладающей реальными инструментами экономического давления на Северную Корею. Нуждаясь в китайском содействии, Вашингтон был готов ждать. Торговая война развернулась в условиях стабилизации отношений между КНДР с одной стороны и Южной Кореей и США с другой и обострилась после Сингапурского саммита в июне 2018 года, когда угроза военной эскалации была на снята на обозримую перспективу.

Второстепенность проблемы торгового дисбаланса на данный момент признается серьезными наблюдателями за китайско-американским конфликтом с обеих сторон⁶. Отрицательное сальдо внешней торговли естественно для США как для эмитента глобальной резервной валюты и лишь используется администрацией для политической мобилизации американского общества вокруг идеи экономической войны с Китаем. Целью войны является лишить КНР источников ресурсов для реализуемой Пекином программы форсированной технологической модернизации и одновременно резко ограничить доступ Китая к современным западным технологиям.

Проблемой для США является то, что ключевые союзники и промышленные партнеры Вашингтона в Европе и Азии, включая Японию и Южную Корею, не готовы идти на серьезное ограничение своего экономического взаимодействия с КНР ради поддержки политики сдерживания. Изоляция Китая остается отдаленной и труднодостижимой целью.

Тактика Пекина заключается в том, чтобы переждать наиболее опасный период на-

⁶ Например, The US-China Dispute Is not about the Trade Deficit, Barclays says. Mode of access: <https://www.cnbc.com/2018/10/09/us-china-trade-war-is-not-about-the-trade-deficit-barclays-says.html>

хождения у власти в США администрации Дональда Трампа ценой заключения «перемирия» в торговой войне, которое будет содержать в себе существенные уступки в сфере баланса двусторонней торговли товарами, но при этом минимум обязательств по китайским структурным реформам.

На фоне торговой войны отрицательное для США сальдо торговли с Китаем продолжало расти. Пекин, судя по всему, смог нанести более ощутимый удар по американскому экспорту в КНР, чем Вашингтон — по китайскому. В результате дисбаланс в торговле увеличился на 17% до 323 млрд долларов в пользу Китая⁷.

Китай мог бы относительно быстро и с минимальными издержками для себя сократить свою положительное сальдо в торговле с США за счет увеличения закупок американской сырьевой продукции, торгуемой на бирже (соя, пшеница, энергетическое сырье и т.п.), а также промышленных продуктов, аналоги которых не производятся в КНР (гражданские самолеты). Структурные уступки США в ходе торговых переговоров касались бы реформ, которые в любом случае назрели бы в китайской экономике в ближайшие годы. К таковым относится, в частности, укрепление защиты интеллектуальной собственности, так как китайские компании сами превращаются в ряде областей в крупных обладателей и создателей такой собственности.

Такой компромисс не отвечает целям США в торговой войне и едва ли может рассматриваться как «американская победа» (хотя, несомненно, будет объявлен таковой Белым Домом). Однако, вполне вероятно, что США придется пойти на него на фоне затяжного внутривнутриполитического кризиса и проявившихся в конце 2018 года признаков возможного начала циклического спада в экономике (новой рецессии и падения фондового рынка). Учитывая продолжающееся замедление китайской экономики, продолжение торговой войны прежними радикальными методами становится опасным для обеих сторон.

Вероятное заключение в 2019 году перемирия не будет означать стабилизации американо-китайских отношений. Противостояние продолжится с нарастающим ожесточением в военно-политической сфере, в области идеологии и пропаганды и в экономической сфере. Экономическое противостояние перейдет в плоскость блокирования различными методами китайских попыток приобретения стратегически важных активов за рубежом и давления на китайских технологических гигантов (*Huawei*, *ZTE* и др.) при помощи адресных санкций и судебных дел.

А.В. Воронцов. Имеются все основания согласиться с оценкой, что в 2018 г. китайско-американские отношения перешли от длившегося около 40 лет сотрудничества к соперничеству и противоборству. Набирающая обороты беспрецедентная по масштабам торговая война, начатая администрацией Д. Трампа против Пекина — одно из серьезных тому подтверждений. При этом представляется важным подчеркнуть следующее. На наш взгляд, указанное качественное изменение двусторонних отношений было подготовлено закономерностями предшествующего периода развития и стало логичным, даже неизбежным результатом изменения соотношения мощи и степени влияния двух сверхдержав в современном мире.

Как известно, в политическом истеблишменте и китаеведении США особенно в последние десятилетия постоянно противоборствовали два основных подхода в отношении кардинального вопроса, каким образом воспринимать «мирное возвышение Китая»: как возможность или как угрозу своим национальным интересам. Факторов, влияющих на оценки американских политологов в рамках отмеченной дилеммы, всегда было много. Среди главных из них можно выделить следующие: завышенные ожидания «романтиков», полагающих, что в результате политики вовлечения и широкого многостороннего сотрудничества Китай в конечном итоге пойдёт по пути западной модели либерализации, распространяя практику глубоких реформ с экономической сферы на политическую, что должно было бы привести к ослаблению позиций КПК, возникновению многопартийности и т.д. Сторон-

⁷ Mode of access: <https://www.cnb.com/2019/01/14/china-2018-full-year-december-trade-exports-imports-trade-balance.html>

ники данного подхода, возможно, искренне выдавая желаемое за действительное, старались формулировать интересные с научной точки зрения теории, обосновывающие курс на широкое сотрудничество с Китаем в надежде удержать его в лоне собственного влияния на стратегическую перспективу. Концепция «ответственного держателя акций (responsible stakeholder)» в глобальном мире рыночной экономики — одна из них. Акценты в рамках данной дискуссии менялись и в зависимости от того, какая партия побеждала на президентских выборах в США, и, соответственно, приоритеты каких бизнес кругов, поддерживающих победителей, становились ведущими на конкретном историческом отрезке времени. Как правило, группы экономической элиты, стоявшие за демократической партией, были глубже вовлечены в широкое хозяйственное, инвестиционное сотрудничество с Китаем и заинтересованы в его дальнейшем прогрессе.

При этом, по нашему убеждению, руководство КНР, используя различные тактические схемы и способы, на всех этапах своего развития исходило из решения национальной сверхзадачи — восстановления Китая в качестве могучей, самобытной державы и самостоятельного центра мира, не допускающих какой-либо зависимости от внешних сил. Поэтому столкновение глобальных интересов США и КНР как двух сверхдержав и перерастание сотрудничества в полномасштабную конкуренцию и соперничество было неизбежно, являясь лишь вопросом времени.

Открыто заявленный в 2017 г. переход КНР от этапа «обогащения» к этапу «усиления», «политика активных действий», оставив в прошлом сформулированную Дэн Сяопином «политику сокрытия возможностей», представляется как неизбежный, назревший выбор новой стратегической линии, соответствующей изменившимся реальному месту Китая в мире и международной обстановке.

Указанная трансформация стратегического курса не стала «волонтаристским» решением лидера КНР Си Цзиньпина, поторопившегося завершить длительный этап развития Китая в рамках сформулированной Дэн Сяопином стратегии «держаться в тени», сконцентрироваться на внутреннем

развитии и самоусилении, в чём его упрекали в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете в 2018 г. Тактическая схема «не высовываться из тени», выбранная Дэн Сяопином в течение длительного времени успешно работала в интересах Китая, но в конце концов исчерпала свой ресурс.

Переход Си Цзиньпина к «политике активных действий» представляется также до известной степени вынужденной мерой после прихода к руководству в США республиканской администрации Д. Трампа, отражающей интересы неоконсервативных сил, решительно настроенных на практически сдерживание Китая. Этот курс быстро нашёл отражение как в доктринальных документах республиканской администрации США, принятых на рубеже 2017-2018 гг., где КНР вместе с РФ была указана в списке главных угроз национальным интересам США в качестве ревизионистской державы, (но, к удивлению многих китайских деятелей Китай оказался на первом месте), так и в практических действиях в форме торговой войны и др.

Кризисные явления в американо-китайских отношениях, изменение в них соотношения компонентов сотрудничества и соперничества в пользу последних, последовательно нарастали в последние годы. И хотя представители администрации Д. Трампа в интересах внутривнутриполитической полемики упрекают предшествовавшего президента-демократа в близорукости и недооценке «китайской угрозы», это не вполне справедливо. В мире хорошо помнят, как Б. Обама многократно открыто заявлял, что главная цель создаваемого им в тот период «Транстихоокеанского партнёрства» заключалась в том, чтобы и будущем «правила мировой торговли писались в США, а не в Китае». В статье, опубликованной в газете «Вашингтон пост» 2 мая 2016: он с максимальной откровенностью указывал: «...Америка должна писать правила. Америка должна командовать. Другие страны должны играть по правилам, определенным Америкой и нашими партнерами, а не наоборот. ... Изменился мир. Правила меняются вместе с ней. США, а не страны вроде Китая, должны писать их»⁸.

⁸ President Obama: The TPP Would Let America, not China, Lead the way on Global Trade,

Тем не менее ведущие интеллектуальные центры правоконсервативных кругов в США, на которые опирается администрация Д. Трампа, представляют именно нынешнего президента в качестве единственного истинного борца за интересы США в рамках стратегического курса «Америка прежде всего». Китаисты «Американского предпринимательского института» заключают, что «предшествующие попытки утвердить влияние Америки против Китая, такие как отбракованное Транстихоокеанское партнёрство не смогли эффективно остановить китайскую экономическую агрессию»⁹, и требуют того, чтобы США всерьёз и надолго «возвели Китай в качестве главного приоритета международной экономической стратегии, работали последовательно вместе с союзниками против китайской преступной экономической деятельности в мире с целью умерить агрессивность Пекина»¹⁰.

Манифестом новой антикитайской стратегии можно считать выступление вице-президента США М. Пенса в одном из оплотов неоконсервативных сил, Гудзоновском Институте 4-го октября 2018 г., в котором он обвинил Пекин в массе грехов, в том числе, в неизмеримо больших по сравнению с Россией попытках вмешиваться во внутреннюю политику и президентские выборы в США. Второе должностное лицо Вашингтона договорилось до того, что по сути отнесло 430 000 китайцев, обучающихся в США, и 150 ассоциаций китайских студентов и учёных в разряд «скрытых акторов», мобилизованных Пекином с целью повлиять в нужном ему направлении на американское

May 2, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpa-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html

⁹ Scissors, Derek; Blumenthal, Daniel; Enough with the Endless Talks and Handshakes. We Need to Untie the American Economy from China, January 14, 2019. Mode of access: https://www.nytimes.com/2019/01/14/opinion/us-china-trade.html?mkt_tok=eyJpIjoiWTJRReU1XVmxNVF14TW1ZMyIsInQiOiJkTHVaU3dpSnIqU0gxcFBcL245OXBWWWM1OTdkTGtRYmpUalZWOE9xRCiBY09ERIF5RzRyV25HZlU5Sm90akdtQXhmdUJMd

¹⁰ Ibid.

восприятие китайской политики¹¹. Этот курс затем развивал и советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, презентуя в Фонде наследия новую стратегию Вашингтона в Африке 13 декабря 2018 г. Он утверждал, что Китай, который и на Африканском континенте является главным соперником США, «использует взятки, непрозрачные соглашения, стратегию использования задолженности для удержания африканских государств в плену требований Пекина...»¹², а также, что «подобные хищнические действия являются субкомпонентами более широких китайских стратегических инициатив, включая «Один пояс, один путь» – планов, нацеленных на продвижение глобального китайского доминирования»¹³.

Особое раздражение Дж. Болтона вызвал факт, что в 2017 г. Китай основал свою первую в Африке военную базу в Джибути «всего в нескольких милях от нашей базы США лагерь Лемоньер»¹⁴. Тот факт, что в начале президентства Б. Обамы США располагали в Африке всего 3 военными базами, а в момент его ухода с поста президента, уже более чем 30-ю подобными объектами, естественно остался за пределами внимания Дж. Болтона¹⁵. А ведь именно резкое наращивание военного присутствия США на данном континенте и стало ответом Вашингтона на экономическое проникновение сюда китайского бизнеса.

¹¹ Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China, October 4, 2018. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>

¹² Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the the Trump Administration's New Africa Strategy., December 13, 2018. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/>

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Turse, Nick. U.S. Military Says It Has a “Light Footprint” in Africa. These Documents Show a Vast Network of Bases, December 1, 2018. Mode of access: <https://theintercept.com/2018/12/01/us-military-says-it-has-a-light-footprint-in-africa-these-documents-show-a-vast-network-of-bases/>

Таким образом, вопрос, кто кому первым «бросил перчатку», является риторическим и не столь принципиальным. Очевидно, что в США к власти пришли силы, убедившиеся в том, что Китай выиграл больше, чем сама Америка, от инициированного ею же курса на глобализацию мировой экономики, политики предшествующих руководителей Белого дома по вовлечению Китая в контролируруемую Вашингтоном мировую рыночную систему и т.д. Сейчас эти силы решительно настроены на то, чтобы вновь кардинально переписать правила игры с целью сдержать дальнейшее усиление Пекина на мировой арене. Руководство КНР приняло этот вызов, в том числе, в форме упорного и полномасштабного сопротивления на фронте торговой войны, развязанной администрацией Д. Трампа, что, естественно, не исключает проявления гибкости и стремления к поиску компромиссов с китайской стороны.

Новая стратегия Китая «активных действий» нашла отражение и на других направлениях китайской политики. К ним, в том числе, относится курс Китая в отношении Корейского полуострова.

Как известно, в конце деятельности администрации Б. Обамы и в первые месяцы после прихода в Белый дом Д. Трампа Вашингтону наконец удалось сформировать монолитный фронт против Северной Кореи, возглавить эффективную кампанию оказания максимального давления на последнюю с целью заставить её отказаться от ракетно-ядерного оружия. Такое достижение американской дипломатии как в рамках обеспечения единства действий членов СБ ООН, так и в реализации собственных односторонних санкций, было бы невысказано без активного и добросовестного участия в ней Китая, единственного государства, обладающего возможностями оказать на Пхеньян серьёзное болезненное давление в экономической сфере, прежде всего, посредством закрытия своей 1300 км границы с КНДР.

Причин, почему КНР в 2016-2017 гг. решила «перекрыть кислород» своему северокорейскому союзнику, достаточно много. Тут проявилось и крайнее раздражение Пекина упорной и опасной политикой Пхеньяна по безоглядному наращиванию ракетно-

ядерного потенциала, представляющего угрозу и самому Китаю, существенно осложняющему его положение в регионе. Достаточно упомянуть в данном контексте, что под предлогом противодействия возрастающей угрозе со стороны Северной Кореи, США развернули в Южной Корее комплексы противоракетной обороны «ТНААД», де-факто направленные, прежде всего, против Китая и способные серьёзно ограничить его потенциал ответного ракетно-ядерного удара. В этой связи уместно вспомнить и личные сложные отношения между почти одновременно пришедшими к власти умудрённым опытом Си Цзиньпином и молодым Ким Чен Ыном, вылившиеся в беспрецедентно длительное (около 5 лет) и драматичное охлаждение традиционно дружественных китайско-северокорейских отношений.

Вместе с этим, безусловно, в феномене тесного сотрудничества Пекина с Вашингтоном на северокорейском направлении в рассматриваемые годы проявилось и стремление руководства КНР «пожертвовать пешкой ради ферзя», в духе традиционных китайских стратегем «бросить кирпич, чтобы получить нефрит» и т.д. Многие аналитики в тот период сошлись во мнении, что Пекин умело разыгрывал северокорейскую карту в стратегической игре с Вашингтоном и был готов её разменять в обмен на сохранение благоприятных условий торгово-экономического сотрудничества с США в условиях объективно нарастающих сложностей и противоречий в двусторонних отношениях. В течение определённого, не очень продолжительного, периода такая тактика срабатывала: и Б. Обама, и Д. Трамп в первые годы президентства неоднократно подчёркивали важную, незаменимую роль Пекина в формировании эффективного режима всестороннего давления на Пхеньян и не скупилась на похвалы в адрес Пекина. Но вместе с этим, корейский сегмент при всей злободневности ядерной проблемы Северной Кореи, оставался периферийным звеном в глобальном спектре интересов и гигантском поле взаимодействия двух сверхдержав. Успешное сотрудничество Пекина с Вашингтоном по северокорейскому ядерному досье оказалось способным лишь временно притормозить, но не предотвра-

тить неизбежное нарастание противоречий по кардинальным проблемам основной повестки отношений двух гигантов. И как только прозвучали первые залпы торговой войны Д. Трампа против КНР в виде подписанного американским президентом в марте 2018 г. меморандума «О борьбе с экономической агрессией Китая», корейская политика Пекина стала стремительно трансформироваться. Как по мановению волшебной палочки почти враждебные китайско-северокорейские отношения (я в начале марта 2018 г. побывал в Пхеньяне, где мне рассказывали, что сотрудники посольства КНР в КНДР в тот период уже предпочитали без прямой необходимости не покидать территорию своего дипломатического представительства) мгновенно преобразовались в новый медовый месяц.

Уже 25-28 марта 2018 г. Ким Чен Ын неожиданно совершил свой первый визит за рубеж, конечно, в Китай, а за прошедшие после этого 10 месяцев состоялось четыре (!) встречи в верхах между Си Цзиньпином и Ким Чен Ыном, включая очередной визит последнего в Пекин 7-10 января 2019 г. Феноменальный результат, подтверждающий чрезвычайно высокий уровень тесного взаимодействия и плотности графика консультаций по широкому спектру проблем, возможно, не имеющий аналогов в практике современных международных отношений. Визиты по своей интенсивности превзошли даже беспрецедентный темп межкорейского сближения в указанный период (три саммита).

Да, де-юре Пекин продолжает соблюдать международные санкции против КНДР, но китайско-северокорейская граница перестала быть непроницаемой, масштабная гуманитарная поддержка со стороны КНР быстро и ощутимо сделала для северокорейцев «жизнь веселее». И американские стратеги теперь с сокрушением констатируют, что времена эффективной кампании максимального давления на КНДР ушли в прошлое¹⁶. Результаты стремительного роста взаимопонимания на высшем уровне между КНДР и КНР налицо.

¹⁶ Griffiths, James and Yong Xiong. China Hosts Surprise Visit by Kim Jong Un amid US Tensions // CNN, January 9, 2019. Mode of access: <https://edition.cnn.com/2019/01/07/china/kim-jong-un-visit-china-intl/index.html>

Одним из примеров может служить традиционное программное новогоднее обращение Ким Чен Ына к нации 1 января 2019 г.¹⁷. В части инициатив, адресованных к США и РК, северокорейский лидер умерил свои требования, ограничившись лишь двумя: не проводить в 2019 г. совместные крупномасштабные военные манёвры и не завозить на территорию Южной Кореи дополнительные американские системы вооружений. Во втором пожелании, на наш взгляд, отчётливо слышна озабоченность Китая в связи с развёртыванием на юге Корейского полуострова систем ПРО США «ТНААД».

Одновременно с этим Пекин в позитивном ключе изменил политику и в отношении Южной Кореи, против которой он в последние годы де-факто ввёл болезненные национальные экономические санкции в ответ как раз на согласие предшествующей консервативной администрации Пак Кын Хе разместить в своей стране указанные системы ПРО. То есть, в течение, 2018 г. Пекин полностью нормализовал свои отношения с обоими корейскими государствами, во всём объёме восстановил своё масштабное присутствие на Корейском полуострове, подтвердил свой статус важнейшего, незаменимого игрока на корейском поле, преследующего, естественно, исключительно свои собственные национальные цели, во многом и всё более не совпадающие с интересами Вашингтона в районе Северо-Восточной Азии.

В итоге можно заключить, что события прошедшего 2018 г. подтвердили наличие серьёзных предпосылок формирования вокруг Китая нового экономического полюса, по меньшей мере, в регионе Восточной Азии и в условиях обостряющегося соперничества с США, в том числе, торговой войны с ними, воспринимаемой в Пекине в качестве длительной перспективы.

А.В. Ломанов. Зарубежные исследователи придают большое значение китайским внутривнутриполитическим изменениям, прежде всего отмене ограничения на занятие поста председателя КНР двумя сроками. В марте 2018 г. на сессии ВСНП был принят большой

¹⁷ Новогодняя речь Председателя Государственного Совета КНДР товарища Ким Чен Ына // Нодон Синмун, 01.01.2019.

набор конституционных поправок. Они дали Си Цзиньпину возможность остаться во главе государства после 2023 г. и повысили его политический авторитет благодаря включению в основной закон упоминания о руководящей роли «идей Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи».

Провозглашение на 19 съезде КПК в 2017 г. наступления «новой эпохи» китайского социализма подсказывает, что предыдущая эпоха завершилась. Означает ли это, что наступил «конец реформ» и политическая система Китая возвращается на полвека назад во времена Мао Цзэдуна? Ограничение в конституции 1982 г. давало хотя бы символическую гарантию того, что страна не вернется к пожизненному единоличному правлению.

В увидевших свет в 2018 г. публикациях западных политологов можно найти много мрачных пророчеств о грядущем превращении Китая в «диктатуру одного человека» и «полицейское государство», что приведет к утрате всех достижений периода реформ. Желая подчеркнуть контраст между прошлым и настоящим не в пользу нынешнего лидера, авторы подобных выступлений восхваляют Дэн Сяопина за его попытку создать в 1980-е годы механизмы противодействия возрождению порядков, существовавших при Мао Цзэдуна. Мало кто пытается вразумительным образом объяснить, почему в наши дни эти механизмы удалось так легко и без видимого противодействия демонтировать.

Наиболее распространенное объяснение сводится к тому, что китайская элита была парализована страхом перед антикоррупционной борьбой, которую развернул Си Цзиньпин. Принятие этой версии означает, что ни один политик не посмел возразить, поскольку в коррупции замешаны все. Однако в этом случае самые радикальные действия по реформированию насквозь прогнившей системы являются оправданными. Вторая, более правдоподобная версия предполагает, что внутри элиты был сформирован консенсус по поводу того, что Си Цзиньпин должен занять в системе власти более заметное место, чем его предшественник Ху Цзиньтао.

Внешний взгляд на развитие Китая при Ху Цзиньтао давал позитивную карти-

ну. Происходила децентрализация власти, Ху Цзиньтао не получил номинальный статус «ядра партийного руководства» и стал просто «первым среди равных». У власти находились примерно равные по силе группы – связанные с отошедшим от дел Цзян Цзэмином «шанхайцы» и близкие Ху Цзиньтао по работе в ЦК КСМК «комсомольцы». Они уравнивали друг друга, что исключало возможность появления единовластного вождя. Однако этот путь политической трансформации привел к существенному ослаблению эффективности в процессе принятия решений и их исполнения. Происходила фактическая «приватизация» властных полномочий различными группами интересов, что создало питательную почву для расширения масштабов коррупции.

Ослабление властного контроля было позитивным фактором в экономическом развитии Китая с начала 1990-х до второй половины 2000-х годов. После этого стало нарастать понимание того, что стране предстоит столкнуться с неизбежным замедлением темпов экономического роста. Сокращение размера ежегодного прироста экономического «пирога» вынуждало к проведению болезненных преобразований. Для их осуществления в условиях прежней модели власти требовалось заручиться согласием тех сил, интересы которых эти реформы должны были неизбежно задеть. Иными словами, старая версия системы стала заходить в тупик.

Известный в китайских интеллектуальных кругах идеолог неавторитаризма Сяо Гунцин называет Дэн Сяопина создателем «нового авторитаризма 1.0», основанного на незыблемости власти КПК и развитии рыночной экономики. По его мнению, проблемы возникли потому, что преемники оказались слабее «архитектора реформ». В 1989 г. Дэн Сяопин при передаче власти Цзян Цзэминю мог поделиться авторитетом и наделить его статусом «ядра руководства третьего поколения». В 2002 г. повторить этот опыт при переходе власти от Цзян Цзэмина к Ху Цзиньтао не удалось. Созданная Дэн Сяопином система не могла успешно функционировать в условиях ослабления партийной власти. По словам Сяо Гунцина, ныне Си Цзиньпин «ис-

пользует методы Мао Цзэдуна для того, чтобы делать дела Дэн Сяопина».

Таким образом, речь идет не о воссоздании диктатуры, а о восстановлении модели Дэн Сяопина в обновленной версии «нового авторитаризма 2.0». Эта трактовка принципиально отличается от суждений западных политологов, которые концентрируют внимание на укреплении личной власти Си Цзиньпина, но не на его усилиях по усилению партийной власти как института. Рецентрализация призвана скомпенсировать ослабление властной вертикали в прошлом десятилетии и укрепить «защитные оболочки» системы, дабы возможное расширение политического участия снизу не привело к ее краху по образцу событий второй половины 1980-х в Восточной Европе и СССР. Реидеологизация способствует восстановлению контроля над обществом, привыкшим жить в условиях рыночной экономики и открытости внешнему миру. Возвращение кампаний по идейному воспитанию чиновников и их участию в самокритике являются инструментами укрепления лояльности, но не по отношению к Си Цзиньпину, а к системе в целом.

Проверкой правильности версии строительства «нового авторитаризма 2.0» станут политические тенденции предстоящих четырех лет, которые отделяют нас от XX съезда КПК. Если Си Цзиньпин в 2022 г. представит сильного преемника, способного принять символический статус «ядра шестого поколения» руководства, это будет означать восстановление практики времен Дэн Сяопина.

Опасной стороной происходящих в Китае изменений стало сокращение пространства для дискуссий о направлении социального и экономического развития. Осенью 2018 г. огромный резонанс вызвал опубликованный в интернете текст финансового эксперта У Сяопина о том, что частные предприятия выполнили свою историческую миссию и настало время для их передачи в совместное государственно-частное управление. Аргументы в пользу ограничения частного предпринимательства выглядели убедительными и весьма похожими на официальную риторику о необходимости концентрации ресурсов перед лицом внешних вызовов. Государству пришлось оправды-

ваться и доказывать отсутствие намерений проводить национализацию. Поскольку подобные события вызывают панику, способную повредить экономической стабильности, у властей появляется дополнительная мотивация для информационных ограничений в СМИ и Интернете. А это, в свою очередь, ведет к еще большему сокращению пространства для дискуссий.

В заголовке опубликованной десять лет назад книги о КПК известного исследователя Дэвид Шамбо вошли слова «атрофия и адаптация» – правящая партия пребывает в процессе сжатия, но вместе с тем стремится сохранить себя у власти путем активного приспособления к изменяющимся обстоятельствам. Теперь оказалось, что политическая атрофия не является необратимой, КПК быстро накачивает мускулы. Когда нужно было дать простор рыночной инициативе, партия отступила, но когда децентрализация стала создавать хаос и снижать эффективность, партия вернулась. Американская исследовательница Сьюзан Ширк обоснованно отметила, что это может быть циклический, а не линейный эволюционный процесс. К этому следует добавить, что цикличность лучше всего соответствует китайскому представлению об истории. Можно предположить, что если рецентрализация станет очевидной причиной экономического торможения, партия вновь отступит и войдет в состояние временной «атрофии».

Осложнение китайско-американских отношений окажет существенное воздействие на политику Китая. Хотя борьба с коррупцией сохраняет свое значение как фактор укрепления авторитета Си Цзиньпина, на первое место выходит задача общественной консолидации перед лицом внешнего вызова. Изменение международных условий проведения китайских реформ уже придало «новой эпохе Си Цзиньпина» мобилизационный характер в сфере освоения новых технологий и обеспечения импортнезависимости по ключевым видам продукции. Внутри страны возрастает опасность последствий панических реакций в экономике, в том числе вызванных неуверенностью общества и деловых кругов в перспективах развития страны из-за спора с Вашингтоном.

Противостояние не ограничивается вопросами торговли, доступа на рынки и прав интеллектуальной собственности. Заявления американской стороны о том, что Китай является опасным соперником также в политике, военной сфере, идеологии, означают отказ от прежнего курса на сотрудничество. В октябре 2018 г. вице-президент Майк Пенс признал, что в прошлом США уповали на постепенный переход Китая от экономической либерализации к политической и ко все более широкому партнерству – но вместо этого Китай якобы выбрал «экономическую агрессию», которая придала решительности китайским военным.

Ожидания иностранных экспертов были связаны с тем, что по образцу Тайваня и Южной Кореи на излете траектории быстрого экономического роста Китай совершит переход к демократии, и тем самым смягчит разочарование людей в снижении темпов. Си Цзиньпин открыто признал вступление китайской экономики в период «новой нормальности» замедляющегося развития. Поводом для демократизации эта констатация не стала. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что Америка не заставит китайское руководство поменять курс в либеральном направлении. Более того, проведенная Си Цзиньпином рецентрализация власти обрела в условиях противостояния новый стратегический смысл. Не безликое «коллективное руководство», а сильный лидер будет отстаивать национальные интересы Китая от ударов со стороны администрации Д. Трампа.

В перспективе весьма вероятно формирование замкнутого круга во взаимном восприятии. Америка, разочарованная тем, что Китай движется в «ошибочном» направлении, будет наращивать давление. Подобная политика будет порождать внутри Китая встречный импульс мобилизации и концентрации. И это будет еще больше убеждать Запад в том, что Китай становится опасным вызовом для «либерального миропорядка».

На деле вызов представляет не сам Китай, а несоответствие тенденций нынешнего цикла в его развитии ортодоксальным канонам западной политологии, в соответствии с которыми углубление рыночных реформ должно с неизбежностью вести к расширению полити-

ческих свобод. Китай не ставит под сомнение легитимность существования негосударственного сектора экономики. Сохраняет актуальность и выдвинутый в период правления Си Цзиньпина призыв к «полному раскрытию роли рынка в распределении ресурсов».

Рассуждения западных политиков и экспертов о том, что Китай представляет опасность, поскольку страна возвращается к эпохе Мао Цзэдуна, с исторической точки зрения кажутся парадоксальными. Ведь именно на закате правления Мао Китай решился встать на сторону США ради создания антисоветского альянса. Однако на уровне политической пропаганды это позволяет Западу переложить на Си Цзиньпина любые обвинения в разжигании новой «холодной войны». Дескать, нынешний китайский лидер стал диктатором, встал выше партийной системы, он творит что хочет внутри страны и за ее пределами, в то время как «ослабленные» политикой прошлых администраций США дают на Китай исключительно в целях самозащиты. Внутренняя нестыковка тут очевидна. Получается, что Си Цзиньпин поставил под угрозу завоевания реформ Дэн Сяопина, что якобы грозит стране экономическим крахом, но при этом могущественный Китай безрассудно бросает вызов Америке по всем направлениям.

Тезис о том, что Китай необратимо скатывается к диктатуре, и потому к нему следует относиться как к сопернику, будет получать на Западе все более широкое распространение в качестве инструмента обоснования политики сдерживания. Последствием станут поляризация оценок и возникновение внутри зарубежного экспертного сообщества непреодолимого разрыва между быстро теряющими влияние прокитайскими «обнимателями панды» (Panda-Huggers) и набирающими силу антикитайскими «убийцами дракона» (Dragon-Slayers). Рост радикальной политизации западного китаеведения приведет к тому, что заимствование его разработок в других странах, в том числе в России, станет невозможным без критической независимой профессиональной оценки. Эклектичное соединение чужих противоречивых суждений будет не столько прояснять, сколько безнадежно за-

туманивать картину происходящего. В связи с этим аналитическая ценность российской традиции изучения идеологии, политики и экономики Китая существенно повысится – хотя восполнить упущенное за минувшие четверть века будет весьма непросто.

А.Д. Дикарев. Думаю, у Вашингтона недостаточно торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях, но при этом я не думаю, что «капитуляция» на американских условиях является главной целью США. В Америке, полагаю, осознают, что соревнование с таким серьезным «стратегическим партнером», как нынешняя КНР может быть только мирным. Кстати, развитие событий В Южно-Китайском море в 2018 г. вынуждает американских военных признать, что США практически не могут силовым путем противодействовать доминированию Китая в регионе. Поэтому выдвижение «полного набора» американских требований слишком уж гипотетическая вещь, чтобы о ней рассуждать

Мировое лидерство в сфере науки и техники если и будет достигнуто Китаем, то не скоро, о чем свидетельствует разворачивающаяся борьба с Америкой (и с Западом в целом) в сфере информационных технологий в процессе дальнейшего выхода китайской инновационной продукции на внешние рынки. К тому же здесь следует иметь в виду демографический фактор – по соответствующим душевым показателям (в данном случае имеется в виду охват передовыми технологиями и информационными продуктами всего населения страны) – пока что Китай сильно отстает.

Рост напряженности с Западом однозначно будет толкать Китай к усилению своего влияния в традиционной зоне «китайского мира» – в Юго-Восточной Азии. Но Запад далеко не един, и Китай будет продолжать этим пользоваться в своей экономической политике. Несмотря на огромную емкость китайского внутреннего рынка возврат к концепции «опоры на собственные силы» в экономике представляется маловероятным. Вот в Шанхае открылась выставка импортной продукции, предлагаемой западными производителями.

Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических

реформ? Не видно пока таких факторов. Тенденция обратна – концентрация власти возврат к методам управления, более привычным для китайского традиционного менталитета – император и сановники при императорском дворе. Только теперь уже не евнухи.

Примкну к тем, кто считает, что своим успехом китайские экономические реформы обязаны западным концепциям, причем немарксистским. При этом экономическая политика в Китае со времен Дэн Сяопина все-таки уже не так идеологизирована, как ранее, господствует, как известно, прагматизм (безразличие к цвету кошки, охотящейся на мышей). Марксизм и коммунистическая фразеология теперь – не более чем вывеска, дань уважения предкам, в числе которых и Мао Цзедун. Неуклонно возраставшее значение в экономике Китая частной собственности на средства производства и продукцию обусловило феноменальные темпы роста ВВП за прошедшие 40 лет и определяет современную экономическую структуру Китая и ее динамику.

Конечно, может формироваться новый экономический «полнос» современного мира, и он уже формируется в Юго-Восточной Азии. Проблем может возникнуть множество. В частности: давление китайской рабочей силы, или другими словами – возможное несоответствие местной рабочей силы при запуске сложных проектов, инициируемых и финансируемых Китаем в рамках проекта «Один пояс, один путь». Также вероятной проблемой является «кредитная ловушка» для стран-реципиентов, наличие которой с негодованием отвергают в Китае, но которая тем не менее вызывает стойкое опасение у правительств малых стран, полагающих, что бесплатный сыр бывает известно, где...

Е.Н. Наземцева. Одним из важнейших рычагов стимулирования роста Китая является диаспоральная политика китайского руководства. Она имеет важное значение в стремлении Китая к обретению мирового господства в науке и технике, что, безусловно, повлияет на его мировой статус. Особенно это касается политики китайского руководства в отношении привлечения в страну молодых и перспективных специалистов из других стран, в частности, из России.

В последние годы число российских молодых специалистов, уезжающих за границу, существенно выросло. Исследователи, изучающие миграционные потоки, отмечают новую волну эмиграции, связанную с кризисными явлениями в экономике и политической жизни России. Эта современная эмиграционная волна получила название «эмиграция разочарования».

Китай пристально наблюдает за внутриполитическими процессами в России и создает у себя выгодные условия для работы молодых и перспективных российских специалистов, в особенности, естественнонаучного профиля. Но и гуманитарии также вызывают интерес. В последнее время выросло число совместных проектов России и Китая, многие русские студенты едут изучать язык и культуру Китая.

Миграция образованных и перспективных молодых специалистов является частью мировых миграционных процессов. В ее основе одна причина – осложнение внутриполитической и экономической обстановки в стране. Однако если массовая миграция населения происходит из-за *кардинального ухудшения* положения в стране, вызванного войнами, природными катастрофами и т.д., то интеллектуальная миграция, которая представлена, как правило, молодыми, хорошо образованными и смелыми людьми, способными пойти на риск и изменить свою жизнь, направившись в страну с иной культурой и историей и готовыми к адаптации в новых условиях, вызвана деструктивными процессами в стране-доноре, имеющими *постепенный* характер.

Как отмечалось выше, российская диаспора имеет важное значение для экономического развития Китая на современном этапе. Ее формирование в Китае наиболее интенсивно происходило на рубеже XIX –XX вв., затем в 1917-1920-е гг., в 1928-1931 гг. и в постсоветский период – после 1991 г.

На протяжении всего XX века политика китайских властей в отношении представителей русской (российской, советской) диаспоры была тесно связана с динамикой отношений двух государств и их особенностями внутриполитического развития. В борьбе за достижение своих внешнеполитических целей и руководство Советской Рос-

сии, затем – СССР, и руководство Китайской Республики на протяжении 1920-х –1940-х гг. активно использовало данный вопрос.

По разным данным число выходцев из бывшей Российской Империи в Китае в 1920-1940-е гг. составляло от 200 до 500 тыс. чел. и более. Японо-китайские войны 1930-х гг. и Вторая мировая война оттеснили вопросы регулирования положения диаспор, в том числе и русской. Но после окончания Второй мировой войны и с образованием КНР китайское руководство вновь обратило пристальное внимание на положение и деятельность находящихся на территории страны представителей различных диаспор. Особое внимание уделялось русской. Этому способствовало и существенное потепление отношений СССР и Китая во второй половине 1940-х гг. Многие русские приняли советское гражданство и уехали в СССР.

Изменения в советско-китайских отношениях, произошедшие в 1950-е гг. и последующее обострение внутривнутриполитической ситуации в стране, связанное с «культурной революцией», прямым образом отразились на положении оставшейся здесь небольшой части русской диаспоры и на изменении политики нового китайского руководства в ее отношении: последовало ограничение прав, практиковались отказы в натурализации и т.д., затем – массовое вытеснение русских из Китая.

Ситуация изменилась только с началом реформ в Китае и последующим потеплением, а затем и в целом налаживанием отношений между СССР, а позже – Российской Федерацией и Китаем.

Количество русских, постоянно проживающих в Китае по данным 2014 г.: около 15 тыс. чел. Количество российских граждан, посетивших Китай: 1923,5 тыс. чел.

Однако внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы Российской Федерации способствуют увеличению миграционного потока, в том числе – в Китай. Политика же Китая в отношении молодых и перспективных выходцев из России постепенно стала частью стратегии «китайской мягкой силы» и в дальнейшем может способствовать интенсивному развитию Китая.

*Материал подготовлен к публикации
А.Д. Воскресенским*

ROUNDTABLE
 “PROSPECTS OF CHINESE REFORMS
 IN A CHANGED WORLD”

PART II: “SLOWDOWN OF CHINESE ECONOMY,
 THE TRADE WAR WITH THE UNITED STATES,
 AN ASSESSMENT OF POSSIBILITIES
 TO STIMULATE THE GROWTH IN CHINA”

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">15.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">13.04.2019</p> <hr/> <p>Key words: Chinese economy; trade war; China; PRC; USA; Chinese reforms; world leadership; science; tension; West; openness; liberalization; autarky; political reforms; Chinese model; Chinese economic “pole”</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of <i>Comparative Politics Russia</i> publishes a proceedings of the Roundtable “Prospects for Chinese Reforms in a Changed World.” Part II: “Slowdown of Chinese Economy, the Trade War with the United States, an Assessment of possibilities to Stimulate the Growth of China’s Opportunities”, dedicated to the results of an analysis of the dynamics and current state of the process of economic and political reform in China.</p> <p>Researchers from Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, the Peoples’ Friendship University of Russia, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, General Staff Academy of the Russian Federation’s Armed Forces, Russian Institute for Strategic Studies, Lomonosov Moscow State University.</p> <p>Leading Russian experts discussed the new goals of Chinese reforms to gain world leadership in science and technology, the possibility of achieving these goals, their impact on China’s world standing, and the consequences of confrontation with the United States. The question also discussed are; whether would China increase tension with the West – in the direction of expanding openness and liberalizing the economy, or towards increasing autarky in the spirit of “self-reliance”? What factors might prompt the Chinese leadership to undertake political reform? The experts also discussed the environment for the emergence of “Chinese model”, which can be offered as an alternative to the Western model to other countries and the possibility of Russia borrowing any components of the “Chinese model” at the current stage of development, as well as of the other post-Soviet countries. It also analyzed the likelihood that a new economic “pole” of the modern world will form around China, as well as possible benefits and threats for those who will try to join it</p>
--	--

Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski

Для цитирования: Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть II: «Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая» // *Сравнительная политика*. – 2019. №3 – С.114-132.
 DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10034

For citation: «Perspektivy kitayskikh reform v izmenivshemsya ». Chast’ II: «Tormozheniye kitayskoy ekonomiki, trgovaya voyna s SSHA, otsenka vozmozhnostey stimulirovaniya rosta vozmozhnostey Kitaya» (Roundtable “Prospects of Chinese Reforms in a Changed World.” Part II: “Slowdown of Chinese Economy, the Trade War with the United States, an Assessment of Possibilities to Stimulate the Growth in China”) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 114-133.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10034

ДОКТРИНА СУВЕРЕННОГО ИММУНИТЕТА И СУВЕРЕННЫЕ ФОНДЫ: ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ

Евгений Васильевич Попов

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 2 апреля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 23 мая 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена анализу сложностей применения доктрины суверенного иммунитета к суверенным фондам в условиях современной международной практики. На основе анализа деятельности суверенных фондов таких крупных стран, как, например, Китайская Народная Республика, доступных для анализа решений по инвестиционным спорам в статье изучена проблематика трудностей применения концепции суверенного иммунитета к суверенным фондам – как с точки зрения многомерного статуса такого образования, как суверенный фонд, так и с точки зрения применения концепций абсолютного и функционального иммунитета в процессе исполнения судебных и арбитражных решений против суверенных фондов. На основе изучения практики применения доктрины суверенитета в рамках деятельности суверенных фондов в статье делается вывод о наличии серьезного пробела в толковании и применении данного понятия в международном праве в отношении суверенных фондов и даются рекомендации о том, какие направления регулирования могут помочь в его преодолении.</p>
<p>Об авторе: к.ю.н., магистр права (LL.M.), доцент, кафедра правовых основ управления</p> <p>e-mail: evgueny.popov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: доктрина суверенитета; абсолютный и функциональный иммунитет; международные инвестиционные споры; пробел в международном праве</p>	

Введение

В статье рассмотрены основания, пределы и особенности применения доктрины суверенного иммунитета к суверенным фондам в свете увеличения их числа и роста их влияния на мировую политику, трансграничную и глобальную торговлю. Традиционная доктрина суверенитета, основанная на понимании суверенности как конституционного свойства независимых государств – равноправных участников международного общения – во внутреннем (законодательном, судебном и исполнительном аспектах в пределах конкретной территории и в отношении определенного круга людей) и внешнем проявлении (представление интересов людей территории во внешних сношениях) – продолжает размываться на фоне усиления тенденций отказа от нормативного регулирования в международных отношениях,

усилении национализма, протекционизма, роста информации, увеличения взаимодействия людей посредством социальных сетей. На фоне указанных тенденций нельзя не отметить взрывной рост экономической и политической мощи новых участников международного общения – суверенных фондов, или фондов национального благосостояния (ФНБ), как они будут далее называться ниже в предлагаемой статье, которые играют все более активную роль в международной коммерческой и политической деятельности.

С учетом того, что рост мощи ФНБ во многом является следствием грамотной и взвешенной экономической политики конкретного государства, нельзя не отметить, что ФНБ зачастую вовлечены не только в реализацию целей и задач экономической политики своего государства, но и могут

являться своего рода инструментами политически непрозрачных или противоречивых внутригосударственных процессов в конкретном государстве, стремлением целого ряда государств решить свои стратегические внешнеполитические задачи путем привлечения ФНБ в качестве новых инвестиционных инструментов.

С учетом таких обстоятельств представляется, что традиционная доктрина суверенитета государств, ключевые внешние и внутренние контуры которой изложены выше в статье, применительно к деятельности ФНБ не может дать вразумительные ответы на вопрос о пределах и допустимости ее полного или даже частичного применения к ФНБ, что, в конечном счете, ведет к необходимости пересмотра и изменения концепции иммунитета государства, так как искажение существующих норм и принципов международного права в виде размывания правосубъектности государства как основного участника международных отношений, отхода от принципа международно-правовой ответственности государства за международное противоправное деяние в случаях, когда инструментом ведения международной деятельности государства выступает не само государство, а ФНБ, является ярким примером того, как казавшиеся еще недавно незыблемыми доктрины (в том числе – доктрина суверенитета) не выдерживают проверку временем.

Участие ФНБ в коммерческой деятельности и выполнение несвойственных им государственных функций (*acta de jure imperii*) указывают на существенный пробел в системе международного права. Возникают вопросы и в отношении пределов допустимости применения концепции как абсолютного, так и ограниченного иммунитета к деятельности ФНБ.

На примере экономик крупных развивающихся государств следует обратиться к проблематике решения вопроса о возможном нарушении баланса в международном праве в отношении нетрадиционных функций ФНБ – как в разрезе обсуждения и критики концепции иммунитета и доктрины суверенитета, так и под углом анализа баланса

сил в условиях параллельно протекающих процессах глобализации и деглобализации.

Классическое понимание суверенитета и вызовы нового времени

Доктрина суверенитета – один из краеугольных камней теории международного права, а принципы ее действия постоянно изучаются по мере изменения основ и природы суверенитета.

Справедливо отмечается, что появление нового измерения в международном праве – международного права прав человека – стало своего рода вызовом классической природе суверенитета, в рамках которой государство обладает абсолютной юридической властью над гражданами своей страны¹. Ускорение процессов глобализации также бросает вызов системе международного права, которое регулирует отношения между суверенными государствами и частными корпорациями. Рост популярности международных арбитражных разбирательств между государствами, принимающими инвестиции, и инвесторами, в рамках которых создаются частные трибуналы, выносящие решения по коммерческим спорам, также разрушает сложившуюся динамику отношений между суверенными государствами и частными корпорациями и лицами.

По окончании недавнего глобального финансового кризиса, начавшегося в 2008 г., возобновились бурные дискуссии в отношении природы суверенитета, так как государства как с развитыми, так и развивающимися экономиками стали активно вмешиваться в регулирование торгово-экономических процессов. Возврат к государственному капитализму привел к доминированию государственных предприятий (ГП) и росту государственных капиталовложений. Вмешательство государств в частные экономические отношения происходило также путем национализации частных предприятий и даже отраслей, что привело к созданию государственных инвестиционных и торговых компаний. В 2010 году Великобритания,

¹ Posner, E.A. The Perils of Global Legalism, 2009. Chapter 8.

которая издавна считалась страной с либеральными экономическими принципами, во избежание банкротства двух крупнейших финансовых компаний – *Lloyds Banking Group* и *Royal Bank of Scotland*, фактически национализировала их, выкупив большую часть их акций.

В связи с вышесказанным, появление и рост числа ФНБ – новых уникальных инструментов транснационального инвестирования, отличных от всех иных методов государственного инвестирования – заслуживают особого внимания и анализа именно с точки зрения международного права.

В отечественной правовой мысли пока не так много предметных исследований по данному вопросу, в то время как в зарубежной литературе указанная проблематика представлена достаточно широко – соответствующие исследования велись в Китае, США, ЕС и Великобритании².

Международный валютный фонд (МВФ) разделяет ФНБ по принципу поставленных перед ними задач и типу деятельности и дает им определение «особых инвестиционных фондов или государственных структур»³. Всемирный банк предлагает иное определение ФНБ как «долгосрочных инвестиционных фондов, созданных для получения прибыли и перераспределения доходов между разными поколениями»⁴.

И хотя ГП, как и ФНБ, также занимают международными инвестициями, цель государственных предприятий заключается в получении контрольного пакета акций в объектах инвестиций, а цели ФНБ более разнообразны. Некоторые эксперты считают, что денежные средства ФНБ должны находиться в управлении государственным суверенным органом с тем, чтобы у фонда была возможность реагировать на изменение валютных курсов, отсутствовали непогашенные обязательства, имелась высокая устойчивость к различным рискам и ориентированность на долгосрочные инвестиции⁵.

В результате экономической глобализации в государства, недавно вставшие на путь индустриального развития, устремились иностранные инвесторы, а сами государства получили дополнительные средства для создания инвестиционных фондов для размещения собственных инвестиций в развитые и развивающиеся страны. Например, ФНБ Сингапура создавался на основе иностранных капиталовложений, а ФНБ России, ОАЭ, Кувейта, Катар – на основе собственных нефтяных/газовых доходов. Наиболее же крупные инвестиционные резервы были созданы в КНР.

В настоящее время роль ФНБ и масштаб вовлеченности в трансграничную инвестиционную деятельность приобретают все большую значимость. Суверенные государства используют ФНБ для участия в глобальных финансовых рынках и получают все больше возможностей для мобилизации экономических ресурсов и координации различных мероприятий в целях разрешения своих экономических и суверенных задач. По оценкам МВФ, стоимость активов всех ФНБ в начале 2000-х гг. составила 0,5 млрд долл., а в настоящее время, т.е. за период 10-15+ лет их стоимость увеличилась до 7 триллионов долл.⁶

² См., Anghie, A. *Rethinking Sovereignty in International Law / 5 Annual Review of Law and Social Science*, 2009; Gaukrodger, D. *Foreign State Immunity and Foreign Government Controlled Investors / OECD Working Papers on International Investment*, 2010. Mode of access: http://www.oecd.org/corporate/mnc/WP-2010_2.pdf; Shu Shang, Wei Shen. *When the State Sovereign Immunity Rule Meets Sovereign Wealth Funds in the Post Financial Crisis Era: Is There Still a Black Hole in International Law? / Leiden Journal of International Law*, 2018, No. 31, pp. 915-938.

³ International Working Group of Sovereign Wealth Funds. *Sovereign Wealth Funds Generally Accepted Principles and Practices 'Santiago Principles'*, 2008.

⁴ Mitchell, O.S.; Piggott J.; Kumru, C. *Managing Public Investment Funds: Best Practices and New Challenges // Pension Research Council Working Paper PRC WP2008-07*, 2008. Mode of access: <http://pensionresearchcouncil>.

wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2015/09/MitchellPiggottKumru-WP-version-7.31.08.pdf

⁵ Jen, S. *Sovereign Wealth Funds: What They Are and What's Happening // World Economics*, 2007, No. 8:1, pp. 1-2.

⁶ См. ежегодные рейтинги суверенных фондов и показатели их деятельности, подготовленные Институтом суверенных фондов; материал доступен в сети Интернет по адресу: [<http://>

Рост геополитического значения ФНБ и значительные объемы их инвестиций делают эти фонды предметом орбиты международного права и мировой политики, что, в свою очередь, усложняет нормы международного права и толкование международно-правовых принципов, понятий и категорий государственными судами. Ведь если *суверенные* инвесторы считаются подконтрольными государству, вызывает озабоченность тот факт, что государства начинают применять свои полномочия на территориях других стран.

В соответствии с общепризнанными принципами международного права инвесторам, находящимся под контролем государства, намеренно отказывают в возможности использовать правовые инструменты, которые находятся в свободном распоряжении частных лиц для защиты и отстаивания своих прав. Например, в 2015 году Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) отклонил требование словенского банка о погашении задолженности, предъявленное к правительству Хорватии – при том, что словенский банк был национализирован и контролировался государственным фондом Словении. Трибунал постановил, что, в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, сторона имеет право обращаться в суд при условии, если она является неправительственной организацией, т.е. обладающей институциональной и функциональной независимостью от государства⁷.

Следует учесть, что доктрина суверенного иммунитета была окончательно сформулирована лишь в начале XIX века и является нормой международного обычного права, которое предоставляет государству, его представителям и органам защиту от судебного преследования в судах иностранных государств. Таким образом, именно государственные суды играли ведущую роль в становлении доктрины суверенного иммунитета еще до того, как она была признана

рядом стран, включая Соединенные Штаты, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Австралию и Канаду. Следует отметить, что до 1950-х годов государства с развитыми экономиками придерживались принципа абсолютного иммунитета, однако отток американского капитала в развивающиеся государства после окончания Второй мировой войны вскоре заставил обратиться к теории ограниченного иммунитета, которая существует и применяется по сей день.

Поскольку ФНБ полностью подконтрольны государству, они с большей долей вероятности будут заниматься стратегическими инвестициями скорее политического (суверенного), нежели экономического (коммерческого) характера. Таким образом, двойная роль государства как суверена, так и корпорации подразумевает неоднозначность правового статуса ФНБ. Например, благодаря промышленной экономике, контролируемой государством и ориентированной на экспорт, китайские ФНБ успешно разрешают проблемы торгового дефицита путем прямого участия в иностранных предприятиях и крупных глобальных инвестиционных проектах в рамках принятых КНР стратегий (в 2000-х гг. – «Идти в мир» (走向全球) и в 2010-х г. «Один пояс – один путь» (一带一路)) объединённых проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века».

Примечательно, что долгое время КНР настроенно относилась к международным инвестиционным нормам и правилам, которые изначально были разработаны развитыми странами для защиты прав своих инвесторов, работающих за рубежом. В настоящее время, напротив, на фоне деглобализации, роста протекционизма и экономического национализма, Китай фактически оказался флагманом заинтересованности в совершенствовании механизмов защиты, основанных на доктрине суверенитета.

Поскольку толкование и применение правил суверенного иммунитета государства к ФНБ – не до конца изученный вопрос в области международного права, целесообразно более подробно остановиться

www.swfinstitute.org/fund-rankings] [Дата обращения: 14.03.2019]

⁷ Ljubljanska Banka D.D. V. Croatia, Application no. 29003/07, Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154983>

на анализе отдельных аспектов данной проблематики.

Суверенные фонды Китая: масштабы дракона

В рамках проекта «Идти в мир» (走向全球) правительство КНР использует различные механизмы инвестирования для приумножения собственных доходов, поддержания высокого уровня деловой репутации и обеспечения доступа к природным ресурсам за рубежом. 70% всех иностранных инвестиций Китая относятся к проектам в сфере энергетики и металлургии. В 2007 году КНР создала первый официальный ФНБ – китайскую инвестиционную корпорацию (*China Investment Corporation (CIC)*), целью которого стало управление крупными валютными резервами страны.

Вместе с Национальным фондом социального страхования, инвестиционной компанией SAFE (SIC) и Китайско-африканским инвестиционным фондом, эти четыре государственные организации КНР представляют собой важнейшие ФНБ КНР, играющие ключевую роль в координации имеющихся ресурсов и конкурирующие на рынках глобальных инвестиций.

В 2014 году в Китае был создан *Silk Road Fund Co. Ltd.*, т.н. Фонд Шелкового пути (ФШП); общий объем средств фонда составил 40 миллиардов долларов США. Впервые о намерении создать Фонд Шелкового пути председатель КНР Си Цзиньпин объявил 8 ноября 2014 года, выступая в Пекине на диалоге партнерства по повышению инфраструктурной связанности в рамках саммита АТЭС. Уже 29 декабря 2014 г. фонд был зарегистрирован как юридическое лицо *Silk Road Fund Co., Ltd.*

Создание ФШП стало частью масштабной программы «Один пояс – один путь» (一帶一路), о запуске которой Си Цзиньпин объявил в сентябре 2013 года во время визита в Казахстан, а основным направлением деятельности стали инфраструктурные инвестиции в Евразии. И все-таки основным инвестиционным инструментом КНР остаются государственные предприятия, хотя разница между ними и

ФНБ невелика. Китайские государственные предприятия являются суверенными в том смысле, что их собственность, прямо или косвенно, принадлежит государству. Они не пользуются оговорками о суверенном иммунитете и в случае судебного разбирательства не будут считаться *государственными*, если занимаются негосударственной деятельностью.

Международные инвестиции ФНБ КНР в период с 2007 по 2009 гг. размещались, в основном, в резервные банки и другие неизвестные финансовые учреждения Европы и США, как, например, *Morgan Stanley, Fannie Mae u Freddie Mac*. Для возмещения ущерба, связанного с последствиями финансового кризиса 2008 г. и крахом финансового сектора Европы и США, ФНБ КНР пересмотрели свою инвестиционную стратегию с целью улучшения корпоративного имиджа и повышения уровня прозрачности. В последующие годы ФНБ КНР начали активно вкладываться в различные сектора экономики развитых стран путем приобретения акций предприятий в сфере образования, медицины, добывающей промышленности, сельского хозяйства, недвижимости. Такая бурная инвестиционная деятельность вызвала подозрения и опасения со стороны принимающих инвестиции государств в том, что активность ФНБ КНР преследует не только коммерческие, но, что крайне важно, протекционистские политические цели КНР.

Начиная с 2012 года китайские ФНБ выбрали диверсифицированный подход к международным инвестициям и предпочли вложения в высокотехнологичную сферу и общественный сектор. В 2014 году корпорация *China Investment Corporation* инвестировала 1,6 млрд долл. в строительство инфраструктуры аэропорта Хитроу в Лондоне, став одним из ключевых инвесторов проекта совместно с *Qatar Holdings*. В дальнейшем произошел постепенный переход к непрямому (косвенным) инвестициям – вложения инвестиционного капитала стали, в основном, осуществляться через партнерские и дочерние компании ФНБ, оказывающие финансовые услуги китайским компаниям за рубежом.

Усилия, предпринимаемые ФНБ КНР по расширению суверенных инвестиций за счет координации действий различных участников рынка своими экономическими стимулами и политическими инициативами, являются серьезным шагом на пути к интеграции инвестиций, государственной политики, частных рынков и отчасти глобально-го экономического управления.

Все вышесказанное говорит о том, что у государства имеется возможность проводить политически мотивированные интервенции на внешних рынках, которые одновременно являются и финансово мотивированными.

Разбирательство Democratic Republic of the Congo v. FG Hemisphere Associates LLC (дело Конго)

Формальное принятие закона о государственном иммунитете КНР только в 2005 г. – крайне любопытный факт. Принятие такого закона, состоящего из четырех положений и относящегося к деятельности иностранных центральных банков, было вызвано требованием Гонконга сохранить абсолютный иммунитет для активов иностранных центральных банков, что, в свою очередь, объяснялось стремлением Гонконга получить статус международного финансового центра. Принятый закон, однако, не разъяснял, как принцип иммунитета применяется к другим формам государственных инвестиционных инструментов, и не был нормативно истолкован судебной властью КНР.

Для того, чтобы иметь более полное представление об отношении правительства Китая к правовому статусу ГП и других государственных инвестиционных компаний, находящихся в процессе судебных разбирательств в китайских государственных судах, рассмотрим разбирательство, связанное с прецедентным правом Гонконга. В июне 2011 года Высший апелляционный суд Гонконга (*de facto* – Верховный суд Гонконга) вынес окончательное решение по делу Конго⁸.

В соответствии с принципом абсо-

лютного иммунитета Гонконга, который может запретить исполнение арбитражного решения, в деле *Democratic Republic of the Congo v. FG Hemisphere Associates LLC* Высший апелляционный суд Гонконга отказал в признании арбитражного решения, вынесенного против Демократической Республики Конго (ДРК) на основании принципа абсолютного иммунитета. С одной стороны, правовая система Гонконга независима от материкового Китая. Тем не менее, ст. 19 Основного закона Гонконга устанавливает ограничение такой независимости. Решения по вопросу государственного иммунитета какого-либо государства в Гонконге считаются «международными делами», по которым у судов Гонконга отсутствует юрисдикция. Согласно разъяснениям Национального Народного Собрания КНР, выпущенным специально для этого судебного разбирательства, принцип абсолютного иммунитета защищает имущество Демократической Республики Конго от взыскания. Поскольку китайские суды редко выносят решения по вопросам, относящимся к международному публичному праву, это решение является уникальным и имеет большое значение для понимания позиции КНР в отношении применения принципа суверенного иммунитета.

Характер и сфера применения государственного иммунитета – ключевой вопрос в этом разбирательстве. Имелось ли у Конго право на абсолютный иммунитет в отношении исков в Гонконге? Учитывая, что понятие общего права об ограниченном суверенном иммунитете применимо в Гонконге, который является традиционной юрисдикцией общего права, Демократическая Республика Конго могла быть привлечена к ответственности за причиненный в рамках коммерческого контракта ущерб.

Согласно традиционной теории международного обычного права, суверенное государство не может принимать решения в отношении действий иностранного государства. Суверенное государство, таким образом, обладает правом абсолютного иммунитета и освобождено от исковых или других процессуальных действий в судах

⁸ *Democratic Republic of the Congo et al. v. FG Hemisphere Associates LLC*, FAVC 5, 6 & 7 (2010), 8 June 2011.

иностранным государством при условии, что иммунитет сохранен. Несмотря на то, что в 2005 г. КНР подписала Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности⁹, она никогда не признавала оговорку о коммерческой деятельности как основания для неприменения концепции суверенного иммунитета. Как известно, Россия также подписала Конвенцию в 2006 году, но пока она так и не вступила в силу, что делает ее необязательной для исполнения. В судебных разбирательствах КНР нередко заявляет о своем абсолютном иммунитете и предоставляет то же право другим государствам.

Эта позиция серьезно отличается от правил иммунитета Великобритании, согласно которым суверенные государства пользуются только функциональным иммунитетом, который не распространяется на сделки коммерческого или частного характера.

Непризнание оговорки о коммерческой деятельности применительно к концепции абсолютного иммунитета было кодифицировано в 1978 г. в Законе о государственном иммунитете Великобритании. То же самое узаконил Гонконг Постановлением о государственном иммунитете (заморские территории) в 1979 г. Следует, однако, отметить, что после 1997 г. ситуация в Гонконге изменилась. Во-первых, Закон о государственном иммунитете Великобритании больше не распространялся на Гонконг. Во-вторых, применение Гонконгом доктрины функционального иммунитета могло привести к конфликту с доктриной КНР об абсолютном государственном иммунитете, что, в свою очередь, сказало бы на противоречивых толкованиях понятия «иммунитет» в рамках одного и того же суверенного государства. Аргумент, выдвинутый *FG Hemisphere Associates, LLC* заключался в том, что ДПК не должна пользоваться полным суверенным иммунитетом в отношении своих коммерческих операций в Гонконге, что следует из норм общего пра-

ва, и поэтому должна применять принципы функционального суверенного иммунитета, «унаследованные» от Великобритании до 1997 года, вплоть до передачи суверенитета над Гонконгом КНР.

Сначала Апелляционный суд Гонконга большинством голосов отклонил доводы ДПК о том, что у судов Гонконга якобы нет надлежащих полномочий рассматривать международные дела. Суд подтвердил, что концепция функционального иммунитета по-прежнему применима в Гонконге. Позднее Высший апелляционный суд отменил это решение и постановил, что в Гонконге, как это было ранее, применяются принципы общего права с некоторыми исключениями, связанными со статусом Гонконга как особой административной единицей КНР, во избежание противоречий с Основным законом, то есть конституцией Гонконга.

В соответствии со статьями 13 и 19 Основного закона КНР несет ответственность за международную деятельность Гонконга, что лишает суды Гонконга полномочий рассматривать дела и выносить решения, связанные с суверенным иммунитетом. Высший апелляционный суд выразил особое мнение о том, что принцип общего права в отношении государственного иммунитета должен быть скорректирован в соответствии с требованиями Основного закона и на основании того, что Основной закон – выше законов общего права.

Высший апелляционный суд также постановил, что суды не имеют надлежащих полномочий в отношении вопросов иммунитета государства и что только суверенное государство имеет право определять принципы государственного иммунитета применительно к отношениям с другими суверенными государствами.

Позиция Китая по приверженности концепции абсолютного иммунитета нашла свое отражение в межгосударственной договорной практике. КНР подписала ряд договоров, предусматривающих отказ от иммунитета, а также вступила в международные конвенции, некоторые из которых содержат «ограничительные» элементы в отношении государственного иммунитета. Серьезная настороженность правительства

⁹ Текст Конвенции о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятой резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 2004 года. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml

КНР при допущении исключений к нормам и правилам абсолютного иммунитета объясняется наличием в КНР разнообразных произвольных подходов при проведении различий между суверенными и несуверенными практиками.

Достаточно долго Китай находился под давлением западных стран и, находясь в режиме экстерриториальности, был вынужден подписать ряд невыгодных для себя международных соглашений. Настороженность КНР в отношении ограничений к суверенному иммунитету объясняется также наличием огромного числа государственных компаний, некоторые из которых принадлежат к списку *Global Fortune 500* и активно размещают инвестиции за рубежом, что, естественно, предполагает заключение большого числа трансграничных коммерческих соглашений. Правительство Китая твердо подтвердило свою давнюю позицию по вопросу непризнания оговорок о коммерческой деятельности применительно к концепции абсолютного иммунитета. Правительство КНР, включая суды Гонконга, следует принципу абсолютного иммунитета при взаимодействии с другими суверенными государствами. Учитывая тот факт, что в период становления доктрины и принципов государственного иммунитета государственная практика азиатских государств, включая Китай, отсутствовала, судебное разбирательство *Democratic Republic of the Congo v. FG Hemisphere Associates LLC* имеет особое значение для понимания принципа государственного иммунитета КНР и практики его применения.

Во-первых, действие арбитражной оговорки или соглашения являются обязательными для выполнения иностранными государствами. В то же время при обращении в китайский суд (равно как и в суд Гонконга) с целью предоставления временной судебной помощи или в поддержку арбитража на стадии исполнения судебного решения, следует учесть, что иностранное государство может обладать иммунитетом (от принудительных мер). Если активы иностранного государства находятся в Гонконге или Китае, либо если вне зависимости от причины исполнительное производство возбуждено в Гонконге

или Китае, в отсутствие прямого отказа от иммунитета проблема Конго неразрешима. Во-вторых, в отсутствие прямого отказа концепция абсолютного государственного иммунитета в случае Китая (включая Гонконг и Макао) применяется беспрекословно.

Последствия исполнения судебного решения

Проиграв дело против Конго в Высшем апелляционном суде, компания FG предприняла попытки привести в исполнение два других арбитражных решения против компании *Gécamines* (зависимая территория Британской Короны) по делу *La Generale (Jersey)*¹⁰ в 2012 году. Окончательное решение по этому делу было принято Тайным советом после двух апелляций.

FG Hemisphere Associates, LLC апеллировала к тому, что, являясь по сути принадлежащей ДРК компанией, *Gécamines* считается государственным органом в целях приведения в исполнение арбитражного решения. И хотя вопрос суверенного иммунитета является нерешенным, основной темой разбирательства стал вопрос о том, при каких обстоятельствах компания может считаться государственной, а при каких – нет. По международным нормам деятельность компании, ассоциированной с государством (государственного органа), может считаться как деяние государства вне зависимости от того, осуществляет такой орган законодательные, исполнительные или иные функции. *Gécamines* была создана как государственная компания, полностью принадлежащая ДРК (активы компании были переданы в форме горнодобывающих концессий), а все ключевые руководящие должности *Gécamines* были подконтрольны Президенту ДРК. Кроме этого, у правительства Конго имелось право вето по всем решениям относительно распоряжения имуществом и активами, а также заключения договоров займа и других ключевых соглашений в сфере закупок товаров и услуг.

По Закону Великобритании о госу-

¹⁰ *La Generale des Carrieres et des Mines v. F.G. Hemisphere Associates LLC (Jersey)* [2012] UKPC 27, 16.

дарственном иммунитете 1978 г. компания считается независимой (самостоятельной), если она не является исполнительным государственным органом и имеет возможность подавать судебные иски и, соответственно, быть привлеченной к судебной ответственности. Однако наличие у компании независимого правового статуса не всегда делает ее независимой от государства, и она по-прежнему может нести ответственность за международные займы этого государства в случае, если такая компания осуществляет традиционную функцию суверена в сфере поддержания закона и порядка, международной или оборонной деятельности. В период окончания мирового финансового кризиса государства, которые занимаются крупномасштабными международными инвестициями через свои ФНБ, должны внимательно просчитывать риски, потому что государство в результате их деятельности может быть привлечено к ответственности.

Королевский суд, так же, как и Апелляционный суд Великобритании, постановил, что компания *Gécamines* считается ГП в целях приведения в исполнение арбитражного решения, однако Тайный совет вынес противоположное решение. В свое обоснование Тайный совет привел серьезные аргументы. Во-первых, изучив устав *Gécamines*, Тайный совет обратил внимание на то, что иностранные граждане были включены в группу управления, а в устав добавлены статьи, предусматривающие возможность передачи компании частным собственникам. Государственное участие предполагалось для принятия определенных решений, однако для ряда коммерческих решений требовалось получение только формального согласия с его стороны. По мнению Тайного совета, проанализировавшего коммерческую деятельность компании, *Gécamines* продемонстрировала возможность действовать самостоятельно, сохранив свои собственные права. Тайный совет постановил, что если современное демократическое государство предоставляет возможность компании заниматься проектами, связанными с добычей угля, нефти и другого сырья, т.е. важнейшими отраслями промышленности, то это не делает такую компанию государственной.

В определенный момент отток прямых иностранных инвестиций из Китая как одной из крупнейших развивающихся мировых экономик сравнялся с их притоком. Отток ПИИ напрямую связан с ростом государственных инвестиций, что не вызывает уверенности, а лишь сеет сомнения и опасения среди принимающих китайские инвестиции зарубежных стран. С одной стороны, КНР (особенно после «дела Конго») подтвердила свою приверженность принципу абсолютного суверенного иммунитета при определении правового статуса иностранной государственной инвестиционной организации, которая является стороной судебного разбирательства в Китае. Если Китай выступает в качестве ответчика в международном коммерческом споре в иностранном суде, то китайские государственные предприятия настаивают на применении доктрины абсолютного суверенного иммунитета на том основании, что Китай должен обладать иммунитетом от привлечения к судебной ответственности, даже если иск относится к коммерческой деятельности. Таким образом, обращение в арбитражный суд с исками к Китаю и его ГП крайне неэффективно, а тактика КНР соответствует практике заключения им межгосударственных инвестиционных договоров.

Правительство КНР настаивает на том, что инвестиционная программа его ГП находится под надлежащей защитой более приемлемых механизмов разрешения инвестиционных споров, обозначенных в инвестиционных соглашениях. Недавно заключенные ДИС и соглашения о свободной торговле, например, относят ГП к категориям «общественная организация» или «государственный инвестор», что предлагает им большую защиту от возможных судебных разбирательств. Заметим, что схожие положения прописаны в типовом двустороннем соглашении об инвестициях США 2012 г.¹¹ Однако вышесказанное противоречит международным тенденциям и вызывает критику со стороны частных инвесторов, которым

¹¹ *Jackson v. People's Republic of China*, 794 F. 2nd 1490 (1986), p. 916.

не предоставлена такая же защита¹². Более того, это не соответствует целям Конвенции МЦУИС и, соответственно, не способствует увеличению притока частных инвестиций.

Структура собственности ГП является основным показателем, влияющим на возможность применения государственного иммунитета, о чем свидетельствует пример разбирательства по делу *La Generale*. Однако, по мере реструктуризации и реорганизации ГП и ФНБ Китая, большинство из них лишаются прямого контроля со стороны государства.

Динамика развития ФНБ

Резкое увеличение количества ФНБ и рост их активов, равно как и других инвестиционных инструментов КНР, как, например, ГП, имеют важное политическое и экономическое значение. ФНБ уходят от консервативной инвестиционной стратегии, ориентированной на государственные облигации и казначейские ценные бумаги США, и обращаются к более рискованным и высокодоходным методам инвестирования (акции, крупные финансовые сделки).

ФНБ и другие суверенные инвестиционные структуры оказывают влияние на международное экономическое право и регулирование, так как правительства выступают не только как регуляторные органы, но и как непосредственные участники рынка, что, в свою очередь, искажает систему международного инвестирования и торговли.

Глобальное присутствие ФНБ из КНР дает возможность развивающимся государствам принять участие в реформе мировой финансовой системы и международного экономического порядка, в котором по-прежнему доминирует Бреттон-Вудская система организации денежно-финансовых отношений, подконтрольная США. Что касается КНР, то, наряду с ростом значения юаня

как валюты для международных расчетов и созданием новых финансовых учреждений, таких, как Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС, одной из основных валют которых является китайский юань, возникают предпосылки формирования многополярной системы глобального финансового управления с участием развивающихся государств в управлении международными финансовыми организациями. Указанная возможность является крайней важной для Российской Федерации, многие секторы национальной экономики которой с 2014 г. находятся под санкционными ограничениями, утвержденными рядом государств (США, ЕС, Австралия и т.д.).

Инвестиционная деятельность ФНБ на внутренних рынках капитала негативно сказывается на принципах добросовестной конкуренции в рыночной экономике из-за конкурентных преимуществ ФНБ в отношении упрощенного доступа к различным ресурсам и наличия необходимых политических связей. Что касается глобальных рынков, то деятельность ФНБ также представляет опасность суверенитету принимающих инвестиции государств, потому что ФНБ принимают политически мотивированные, а не экономически обоснованные решения, следуя «государственным стратегическим и геополитическим интересам». Важно отметить, что, используя благоприятные условия для размещения инвестиций, целью ФНБ является осуществление «суверенной власти» государства, в то время как целью ГП является получение коммерческой прибыли, что подразумевает применение правил ограничительного иммунитета. Прочные связи между государством и его ФНБ позволяют размещающему инвестиции государству оказывать влияние на деятельность ФСБ и, тем самым, представляют угрозу для принимающего инвестиции государства.

Государственные инвестиционные стратегии размещения инвестиций в частных секторах экономики четко продуманы и достаточно агрессивны, а участие ФНБ в трансграничных сделках размывает границы между рынками и регулятивными системами. Существует естественная напряженность между интересами государств,

¹² См.: I. Willemys, I. Disciplines on State-owned Enterprises in TPP: Have Expectations Been Met? / Leuven Centre for Global Governance studies, 2016. Mode of access: www.glum.kuleuven.be/ggs/publications/working_papers/new_series/wp161-170/wp-168-willemys-website.pdf

принимающих и размещающих инвестиции, что ведет к усилению защитных регулирующих мер для предотвращения потенциальных угроз своим национальным интересам. Подобные защитные меры заключаются в повышении требований к раскрытию информации, ограничении доступа к рынкам, поднятию корпоративной вуали и пр. Например, одним из принципов Совета по обзору иностранных инвестиций Австралии применительно к инвестиционной деятельности ФНБ предполагает независимость их деятельности (на территории Австралии) от своих правительств¹³.

Иммунитет как норма международного права

В международном праве имеется серьезный пробел, связанный с применением доктрины суверенитета и концепции иммунитета. Как показало разбирательство по делу Конго, «фонды-стервятники» отказывают в суверенных правах государствам, принимающим инвестиции, при этом они стараются максимально использовать суверенные прерогативы своих государств путем экстерриториального действия законов. С целью защиты и продвижения собственных интересов развитые страны манипулируют понятием «суверенитет», а при умелом использовании принципа иммунитета суверенитет может содействовать удовлетворению инвестиционных потребностей, иногда не связанных непосредственно с интересами самого государства. При участии ФНБ из развивающихся стран в международной инвестиционной деятельности принцип суверенитета может быть скорректирован с тем, чтобы уменьшить роль и значимость суверенной природы этих ФНБ. Вместе с тем, это дает право на иммунитет таким ФНБ.

Понятия суверенитета и иммунитета тесно и неразрывно связаны друг с другом. Государства часто ссылаются на суверенитет для защиты своих интересов в международных судах и трибуналах. По принципу суверенитета государственным судам на

территории их действия предоставлены широкие полномочия, однако осуществляемая территориальная юрисдикция может быть ограничена рамками национального законодательства. Например, Аргентина, будучи участником двух инвестиционных разбирательств в МЦУИС, выдвинула ряд аргументов в обоснование суверенной прерогативы государств в чрезвычайных обстоятельствах разрабатывать основополагающие политики для преодоления таких обстоятельств. В соответствии с договорным правом аргентинские ДИС содержат ряд положений, лишающих защиты определенные действия государства в ответ на чрезвычайные обстоятельства. По нормам обычного международного права, доктрина необходимости оправдывает произвольность, а иногда и противоправность некоторых деяний государства, предпринятых в результате чрезвычайного положения. Оба аргумента затрагивают особую часть суверенитета, а именно – публичный или коммерческий характер деятельности, осуществляемой частной компанией или лицом, с последующим наделением иммунитетом такой деятельности. Однако в любом случае иммунитет распространяется только на суверенную, а не коммерческую деятельность.

Фонды национального благосостояния, в свою очередь, вносят свои коррективы в понятия «публично-правовые» и «частные» функции государства. Условное различие характера полномочий на частные и публично-правовые само по себе не может служить единственным формальным основанием для определения наличия или отсутствия иммунитета у ФНБ. Наличие у ФНБ правового статуса ФНБ также не может служить основанием как для отказа, так и для применения иммунитета. Если государство обращается к резервам или активам для обеспечения своей финансовой безопасности, такое деяние можно охарактеризовать как расширение государственных полномочий. А если деятельность частных компаний осуществляется в других странах, то имеет место некоторое влияние на систему государственного порядка принимающей инвестиции страны и даже угроза. Как следствие, ФНБ могут представлять опасность жизнеспособности

¹³ См. Sender, H.; Smith, P. IMF Urges Action on Sovereign Wealth // *Financial Times*, 24 January 2008. P. 4.

государственной системы и суверенитету.

Основная проблема в применении доктрины суверенитета и концепции иммунитета к деятельности состоит в том, что она настолько разнообразна, что привести ее к общему знаменателю достаточно трудно. Среди задач ФНБ могут одновременно находиться стабилизационные мероприятия, связанные с увеличением экспортных поступлений, управление пенсионными активами, валютные транши, участие в реструктуризации и т.д. Сопоставление деятельности ФНБ и их целями и задачами подчеркивает их суверенную природу. А тесная взаимосвязь между суверенными целями государства и его инвестиционной деятельностью ставят под сомнение традиционное понимание последствий применения суверенного иммунитета ФНБ при осуществлении инвестиционной деятельности в принимающих их инвестициях государствах.

Если предположить, что фонды национального благосостояния представляют собой производные суверенитета, то появляется возможность применить исключение к позиции непризнания оговорки о коммерческой деятельности. Такая возможность позволит обратиться к суверенному иммунитету в случае осуществления коммерческой деятельности между несколькими государствами. Иными словами, оговорка о коммерческой деятельности не применима к сделкам, инвестиционным спорам, разбирательствам и договорам международного характера. Указанная оговорка ограничивает рамки действия оговорки о коммерческой деятельности за счет расширения сферы действия международного права, что имеет смысл при участии двух государств в одной коммерческой сделке. Мотивы участия обеих сторон (государств) в совместной коммерческой деятельности, а также способы разрешения потенциальных споров отличаются от мотивов сотрудничества частных сторон (лиц). Например, причины, по которым суверенные государства предоставляют денежные займы другим государствам, отличаются от выдачи займов и кредитов коммерческими банками. В качестве других примеров сделок и договоренностей между правительствами

разных стран можно назвать программы продовольственной помощи и др. Такие договоренности представляют собой «гибридные» сделки, сочетающие элементы коммерческого характера и преследующие как внутригосударственные, так и внешнеполитические цели государства.

Процессы глобализации, затрагивающие экономические и культурные хозяйства стран мира, одновременно ведут к увеличению роли негосударственных субъектов. Государства остаются ключевыми участниками международной системы отношений, однако при этом осуществляемый ими контроль над своей территорией становится более ограниченным. Для его сохранения государства вынуждены обращаться к экстерриториальному принципу осуществления власти. Если государственные полномочия осуществляются за пределами государства, это еще больше подрывает значение и роль (юрисдикции) территориального государства.

Международное право находится в процессе преобразования в глобальное право или мировое внутреннее право, под действие которого попадают государства, неправительственные организации, частные компании и лица. Как следствие, преобразование действия принципа суверенитета влечет за собой расширение круга субъектов, осуществляющих суверенитет, и охватывает также несuverенные субъекты. Таким образом, для прояснения многогранной природы суверенитета в его обновленной концепции необходимо подчеркнуть наличие главенства суверенных полномочий не по территориальному, а по функциональному принципу. Новое толкование принципов суверенитета и иммунитета приведет к умалению суверенитета при осуществлении инвестиций суверенными фондами.

Предварительные выводы

На примере разбирательства по делу Конго в статье проанализирована взаимосвязь между ФНБ КНР и действием принципа иммунитета, когда Правительство Китая подтвердило свою позицию в отношении непризнания оговорки о коммерческой

деятельности применительно к концепции абсолютного иммунитета и позицию в отношении Гонконга при осуществлении им международной деятельности. Китай не намерен отступать от своих позиций и открыто признавать правовой статус в отношении оговорки о коммерческой деятельности в своих государственных судебных учреждениях, потому что такое признание означало бы одновременное признание концепции функционального иммунитета. КНР, традиционно придерживающаяся концепции абсолютного иммунитета, подтверждает готовность предоставлять своим суверенным партнерам абсолютный иммунитет при судебных и/или арбитражных разбирательствах на условиях взаимности.

Одновременно Китай продолжает наращивать количество фондов, сформированных за счет государственного капитала, и поощряет их инвестиционную деятельность в странах с упрощенными по сравнению с Китаем законодательными системами. С целью совершенствования своих инвестиционных механизмов правительство КНР создало более прозрачную и эффективную организационную и управленческую структуру ФНБ, наняв высококлассных специалистов из области финансов, экономики и юриспруденции. ФНБ Китая осуществляют инвестиционные проекты в строгом соответствии с общепринятыми международными принципами, при этом частично прибыль от их деятельности распределяется на программы повышения благосостояния граждан. Следует особо отметить тот факт, что правительство КНР умалчивает о том, насколько суверенны ФНБ и где проходит та самая грань между ФНБ и ГП. Как следствие, китайские ФНБ, размещающие инвестиции за рубежом, будут реже задействовать иммунитет в силу готовности признать за собой особый статус, отдельный от государственного. Можно предположить, что наиболее оптимальным вектором развития практики в будущем в отношении ФНБ должно стать правоприменение, которое аналогично тому, как оно существует в отношении традиционных частных международных инвесторов – участников глобальной

экономической деятельности, которые не нуждаются в особых преференциях. Когда будут устранены возможности применения абсолютного иммунитета к деятельности ФНБ, государственные инвестиционные механизмы будут лишены каких-либо преференций, а государства будут применять к их деятельности законы и практики, которые они применяют к обычным международным частным инвесторам.

Принципы государственного иммунитета и экстерриториальности применяются развитыми странами с целью достижения максимальной отдачи от инвестиционной деятельности, в то время как к принципу абсолютного иммунитета чаще обращаются развивающиеся страны, у которых экстерриториальное действие норм внутреннего законодательства ограничено. Государства с развивающимися экономическими системами применяют принцип абсолютного иммунитета для минимизации последствий экстерриториального действия законов, навязываемых другими странами, особенно США. Отделение «территории» от «суверенитета» тесно связано с волной глобализации, а также с масштабными преобразованиями системы политических стимулов и возможностей. Неукоснительное соблюдение принципа территориальности (принципа иммунитета) приветствуется правительствами в силу ряда сопутствующих преимуществ для государств, однако обращение к принципу относительной территориальности имеет большую значимость наряду с ростом благосостояния государства и его интересами на международных рынках.

Финансовый кризис 2008 г. привел к усилению вмешательства государства в деятельность частного бизнеса и введению более строгого государственного регулирования ГП. Популярность ФНБ возросла, что связано с резким ростом экономик ряда стран, таких, как, например, Китай. Эти события привели к возникновению проблем в международно-правовой базе, в частности, в применении принципа государственного иммунитета к ФНБ. А новые законы и нормы прецедентного права указывают на общую мировую тенденцию, которая заключается в обеспечении надлежащей защиты государ-

ственных активов и предоставлении ФНБ большей независимости от государства.

Основные параметры, используемые для определения актуальности применения принципа государственного иммунитета, включают наличие у ФНБ формальной связи с государством, принадлежность активов фонда государству, цели ФНБ, а также контроль государства за деятельностью ФНБ, особенно в случаях принятия серьезных инвестиционных решений. Фонду национального благосостояния может быть присвоен юридический статус и полномочия, необходимые для осуществления своих функций в зависимости от степени контроля со стороны государства основания фонда на руководство и деятельность такого фонда, однако основным критерием правового статуса ФНБ является статус мажоритарного акционера активов фонда. В то время как КНР стремится подтвердить свой лидерский статус в системе мирового экономического порядка, правительство КНР всячески отстраняется от своих дочерних предприятий, что ведет к ограничению защиты ФНБ в рамках предоставленного им иммунитета. Все это требует дополнительных разъяснений и толкований со стороны как государственных судебных учреждений, так и международных инвестиционных арбитражных трибуналов.

Суверенитет занимает важное место в структуре международного права, которая связана с базовой структурой глобальной правовой системы. Принцип территориальности уступил свою ранее доминирующую роль суверенитету, и именно экстерриториальность является отражением интересов и полномочий (государственной власти) в системе международных отношений.

Существует точка зрения, что суверенитет означает независимость в соответствии с конституцией и способность государства применять военную силу. В то же время наблюдается уход от суверенитета ввиду его неразрывной связи как с государством, так и с этатизмом международной системы. Некоторые государства, хотя их меньшинство, в судебной практике по-прежнему обращаются к принципу абсолютного иммунитета¹⁴.

¹⁴ Brownlie, I. *Principles of Public International Law*. Cambridge University Press, 2003. P. 241-249.

Эту тенденцию нельзя игнорировать, потому что объем крупных ФНБ в таких странах (к ним, кстати, принадлежат не только Китай, но и Россия) постоянно растет. Сложность юридических вопросов, связанных с деятельностью ФНБ, во многом зависит от протекционистских настроений в государствах, принимающих иностранные инвестиции, многие из которых настороженно относятся к агрессивным иностранным инвестиционным решениям, преследующим свои политические интересы, что, в свою очередь, влияет на стратегические вопросы национальной безопасности.

Другая точка зрения предполагает делимость суверенитета, т.е. суверенная власть в равной степени может осуществляться государством или составляющими ее субъектами (теория разделенного суверенитета). Однако такой подход противоречив, так как ограничивает действие суверенитета и не дает ответы на вопросы концептуального или практического характера. Современная тенденция подхода к данному вопросу состоит в том, чтобы придавать большую значимость деятельности ФНБ, связанной с государством, как, например, принадлежность активов фондов государству или конечные цели ФНБ.

Литература:

- Anghie, A.* Rethinking Sovereignty in International Law / 5 Annual Review of Law and Social Science, 2009.
- Brownlie, I.* Principles of Public International Law. Cambridge University Press, 2003.
- Gaukrodger, D.* Foreign State Immunity and Foreign Government Controlled Investors / OECD Working Papers on International Investment, 2010. Mode of access: http://www.oecd.org/corporate/mne/WP-2010_2.pdf
- International Working Group of Sovereign Wealth Funds. Sovereign Wealth Funds Generally Accepted Principles and Practices 'Santiago Principles', 2008.
- Jen, S.* Sovereign Wealth Funds: What They Are and What's Happening // World Economics, 2007, No. 8:1.
- Mitchell, O.S.; Piggott J.; Kumru, C.* Managing Public Investment Funds: Best Practices and New Challenges // Pension Research Council Working Paper PRC WP2008-07, 2008. Mode of access: <http://pensionresearchcouncil.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2015/09/MitchellPiggottKumru-WP-version-7.31.08.pdf>
- Posner, E.A.* The Perils of Global Legalism, 2009.
- Sender, H.; Smith, P.* IMF Urges Action on Sovereign Wealth // *Financial Times*, 24 January 2008.
- Shu Shang, Wei Shen.* When the State Sovereign Immunity Rule Meets Sovereign Wealth Funds in the Post Financial Crisis Era: Is There Still a Black Hole in

International Law? / *Leiden Journal of International Law*, 2018, No. 31, pp. 915-938.

Willemyns, I. Disciplines on State-owned Enterprises in TPP: Have Expectations Been Met? / Leuven Centre for Global Governance studies, 2016. Mode of access: www.ghum.kuleuven.be/ggs/publications/working_papers/new_series/wp161-170/wp-168-willemyns-website.pdf

References:

Anghie, A. Rethinking Sovereignty in International Law / *5 Annual Review of Law and Social Science*, 2009.

Brownlie, I. Principles of Public International Law. Cambridge University Press, 2003.

Gaukrodger, D. Foreign State Immunity and Foreign Government Controlled Investors / OECD Working Papers on International Investment, 2010. Mode of access: http://www.oecd.org/corporate/mne/WP-2010_2.pdf

International Working Group of Sovereign Wealth Funds. Sovereign Wealth Funds Generally Accepted Principles and Practices ‘Santiago Principles’, 2008.

Jen, S. Sovereign Wealth Funds: What They Are and What’s Happening // *World Economics*, 2007, No. 8:1.

Mitchell, O.S.; Piggott J.; Kumru, C. Managing Public Investment Funds: Best Practices and New Challenges // Pension Research Council Working Paper PRC WP2008-07, 2008. Mode of access: <http://pensionresearchcouncil.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2015/09/MitchellPiggottKumru-WP-version-7.31.08.pdf>

Posner, E.A. The Perils of Global Legalism, 2009.

Sender, H.; Smith, P. IMF Urges Action on Sovereign Wealth // *Financial Times*, 24 January 2008.

Shu Shang, Wei Shen. When the State Sovereign Immunity Rule Meets Sovereign Wealth Funds in the Post Financial Crisis Era: Is There Still a Black Hole in International Law? / *Leiden Journal of International Law*, 2018, No. 31, pp. 915-938.

Willemyns, I. Disciplines on State-owned Enterprises in TPP: Have Expectations Been Met? / Leuven Centre for Global Governance studies, 2016. Mode of access: www.ghum.kuleuven.be/ggs/publications/working_papers/new_series/wp161-170/wp-168-willemyns-website.pdf

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10035

SOVEREIGN IMMUNITY DOCTRINE AND SOVEREIGN FUNDS: CHALLENGES AT GLOBAL SCALE

Evgeny V. Popov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 02.04.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 23.05.2019</p> <p>About the author: Candidate of Law, LL.M., Associate Professor, Department of Legal Foundations of Administration e-mail: evgueny.popov@gmail.com</p> <p>Key words: doctrine of sovereignty; absolute and functional immunity; international investment disputes; gap in international law</p>	<p>Abstract: The article deals with the analysis of difficulties that arise in the current international environment in the context of application of the doctrine of sovereignty to sovereign funds. Based on the review of activities of sovereign funds of such large countries as, e.g., the People’s Republic of China, available investment arbitration rulings, the article focuses on the obstacles preventing the application of traditional doctrine of sovereignty to multi-faceted legal status of sovereign funds and specific features of use of the concepts of absolute and functional immunity when enforcing the court judgments and arbitral awards against the sovereign funds. Following the analysis, the conclusion is drawn that there is currently a serious gap in international law re: sovereign funds’ treatment and there is a need to outline the key prospective directions on how this gap can be overcome.</p>
--	---

Для цитирования: Попов Е.В. Доктрина суверенного иммунитета и суверенные фонды: вызовы международной практики // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 133-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10035

For citation: Popov, Evgeny V. Doktrina suverenogo immuniteta i suverennyye fondy: vyzovy mezhdunarodnoy praktiki (Sovereign Immunity Doctrine and Sovereign Funds: Challenges at Global Scale) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 133-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10035

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10036

ПОЛЕВЫЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАВЛА ИБИСА И ДЖОЗЕФА СТИРА НА ФОРМОЗЕ В 1873-1875 гг. (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР)

Валентин Цуньлиевич Головачев

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 марта 2019 <i>Принята к печати:</i> 24 мая 2019</p>	<p>Аннотация: В январе-феврале 1875 г. молодой прапорщик корпуса флотских штурманов Павел Иванович Ибис (Paul Ibis, 1852-1877) совершил в одиночку полное опасностей и приключений «этнографическое путешествие» на Формозу (Тайвань). Пройдя за 1,5 месяца из порта Такао на самый юг, а затем на север острова, Ибис собрал, систематизировал и опубликовал в двух статьях на русском (Морской сборник, 1876) и немецком (Globus, 1877) языках уникальные этнологические материалы о коренных и пришлых формозцах. Однако российский морской офицер не был первым исследователем, осуществившим столь сложную и смелую научную экспедицию. Американский ученый-натуралист Джозеф Бил Стир (1842-1940) посетил Формозу незадолго до Ибиса, в октябре 1873 – марте 1874 гг., и провел там 6 месяцев, в течение которых собирал коллекции местных видов флоры и фауны, а также этнографические и лингвистические материалы для Мичиганского университета. Статья содержит сравнительный обзор полевых материалов, методик, хода и результатов этнологической работы двух исследователей, посетивших остров и изучавших его почти синхронно и независимо друг от друга. Сравнение их публикаций показывает, что статьи П.И. Ибиса, казалось бы, совершенно далекого от профессиональных этнологических исследований, нисколько не уступают общему научному уровню статей Д.Б. Стира, а в некоторых случаях и превосходят его. Предположительно, это стало возможным потому, что Ибис имел в своем распоряжении некое солидное научно-методическое пособие, позволившее ему овладеть специальными полевыми методиками, а затем успешно применить их на практике. Таким пособием мог быть «Свод инструкций для Камчатской экспедиции, принимаемой Русским Географическим обществом», изданным в 1852 г.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., старший научный сотрудник, Отдел Китая, руководитель Центра тайваньских исследований, ИВ РАН e-mail: valliu@complat.ru</p>	
<p>Ключевые слова: аборигены; Ибис; Стир; Тайвань; Формоза; этнография; этнология; этнографическое путешествие; Русское географическое общество</p>	

В январе-феврале 1876 г. в журнале «Морской сборник» вышла в двух частях статья «Экскурсия на Формозу», автор которой, прапорщик корпуса флотских штурманов Павел Ибис (1852-1877), описал свое «этнографическое путешествие» на остров в январе-феврале 1875 г.¹ Летом 1877 г., всего

через 2-3 месяца после безвременной смерти Ибиса от болезни в г. Пиза, его статья вышла в расширенном виде на немецком языке, с картой и иллюстрациями, в германском журнале «Globus»².

Поставив перед собой цель «познакомиться с некоторыми туземными племенами, раньше не посещаемыми европейцами», Ибис совершил в одиночку пешую экспеди-

¹ Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-I (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 111-149. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // Morskoy sbornik. 152-I (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 111-149.]; Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-II (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 111-141. [Ibis, P.

Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // Morskoy sbornik. 152-II (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 111-141.]

² Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis // Globus 31 (1877), No. 10-15. P. I-VI. Pp. 149-152, 167-171, 181-187, 196-200, 214-217, 230-235.

цию из порта Такао на юг, а затем на север острова. Несмотря на дефицит времени и разного рода помехи в передвижениях по острову, молодой российский офицер действительно сумел проникнуть в некоторые районы, куда до него едва ли заходили другие европейцы. В итоге он собрал, систематизировал и опубликовал уникальные этнологические материалы о коренных и пришлых жителях острова. Однако был ли Павел Ибис на самом деле пионером «этнографического путешествия» по всему острову?

В 1876 г., через несколько месяцев после выхода статьи Ибиса в «Морском сборнике», молодое «Американское географическое общество Нью-Йорка» выпустило VI том с материалами и отчетом о работе общества за 1874 г. В этот том вошел доклад «Формоза»³, присланный в 1874 г. Джозефом Билом Стиром – ученым-натуралистом, который провел на острове 6 месяцев (03.10.1873 – 31.03.1874), в течение которых собирал коллекции местных видов флоры и фауны, этнографические и лингвистические материалы для Мичиганского университета⁴.

Поскольку Ибис прибыл на Тайвань через 9 с лишним месяцев после Стира и провел на острове всего 1,5 месяца (в 4 раза меньший срок!), логично предположить, что собранный им этнологический материал должен быть заведомо скромнее по объему, при этом во многом дублировать наблюдения и выводы американского ученого. Данная статья посвящена сравнению полевых материалов, методик, хода и результатов этнологической работы двух исследователей,

предпринявших трудное пешее путешествие по острову в научных целях, сделав это почти синхронно и независимо друг от друга.

Маршруты экспедиций по острову: совпадения и расхождения

Сравнение маршрутов передвижения двух исследователей в пределах и вокруг Формозы обнаруживает как совпадения, так и немалые различия. Если Ибис прибыл 9 января 1875 г. из Гонконга в южный порт Такао, то Стир приплыл 3 октября 1873 г. на пароходе «Хай-лун» из Амоя в северный порт Тамсуй, откуда перешел за пару дней по морю в Такао. За 6 месяцев экспедиции Стир совершил три пеших перехода (на север острова, к востоку от столичного города Тайваньфу и на восток от Такао), два морских перехода из Тамсуя в Такао и почти двухнедельную поездку на архипелаг Пэнху. 1 апреля 1874 г. он отплыл из Такао в Амой. В свою очередь, в самом конце поездки Ибис прошел на военном судне из Килунга в Тамсуй, затем отплыл на пароходе «Хай-лун»⁵ на юг и зашел на несколько часов в Такао, откуда 22 февраля 1875 г. выехал в Гонконг. Все прочее время он передвигался по острову только пешком.

Во время путешествий по Формозе каждый из исследователей посетил и описал несколько пунктов и районов острова, куда, по разным причинам, удалось добраться лишь одному из них. В частности, если Ибис дошел почти до самого юга острова и даже вышел в одном месте на восточное побережье, то Стир не выходил к Тихому океану и обошел стороной весь юг Формозы, посетив лишь два туземных поселения, лежащих у подножия Центрального горного хребта на восток-юго-восток от Такао.

Если Ибис, вернувшись с юга, выступил пешком на север прямо из Такао, то Стир вышел из Такао на судне, проплыл 50 км до г. Тайваньфу и лишь оттуда начал пеший переход на север по суше. Правда, позднее Стир дважды преодолел путь от Такао до Тайваньфу пешком, пройдя туда и обратно в январе 1874 г.

⁵ Путешествия на этом же пароходе красочно описаны в полевых заметках Стира.

³ Steere, Joseph. Formosa // Journal of the American Geographical Society of New York, 1876, Vol. VI, pp. 302-334.

⁴ Джозеф Б. Стир (Joseph Beal Steere, 1842-1940). Ученый-натуралист: зоолог, орнитолог, археолог, антрополог. Окончил Мичиганский ун-т (1870) и уехал на 1,5 года в Амазонию для сбора зоологических, ботанических и археологических коллекций, а также материалов по языкам аборигенов. В 1873–1874 гг. провел 6 месяцев на Формозе. Затем посетил Филиппины, Индонезию, Малайзию и вернулся в США, где получил степень почетного д-ра Мичиганского ун-та (1875) и место профессора зоологии и палеонтологии (1879).

Достигнув центральной части острова, Смир провел целых 5 дней (18-23 октября 1873 г.) на берегах горного озера Солнца и Луны, а затем еще 20 дней (до 12 ноября) путешествовал по окрестным деревням, в пределах современного уезда Наньютоу, где собрал много сведений о туземцах и хорошо пополнил свои предметные коллекции. Через 16 месяцев, минуя географический центр острова, Павел Ибис тоже пытался посетить озеро Солнца и Луны, но так и не смог попасть туда из-за отсутствия времени и проводников: *«План мой посетить племя Тсуй-уан⁶, к сожалению, рухнул по трусости китайцев. Хотя это племя и вовсе не опасное, но ни в Каги, ни по дороге в Чанг-уа не нашёлся проводник: все боялись возможной встречи с Кале, мимо территории которых пришлось бы идти. <...> Из Тоа-сия было бы легко попасть к Тсуй-уан, где также миссионерская станция, но дорога туда и назад заняла бы с лишком пять дней. Столько же времени у меня уже не было свободного, и я должен был торопиться, чтобы не опоздать на пароход, отходящий от Тамсуя на материк дней через шесть или семь»⁷.*

Смир, который имел большой запас времени, не раз делал долгие остановки (около месяца на севере и более 1,5 месяцев на юге острова), чтобы должным образом обработать (первичная инвентаризация и пр.), упаковать и отправить за океан собранные им предметные коллекции. Судя по общей схеме и датам передвижений по острову⁸, за вычетом остановок в городах и двухнедельного вояжа на Пэнху, в общей сложности Смир путешествовал по острову для сбора полевых

материалов меньше трех месяцев, из которых объективно мог уделить этнологии не больше половины времени, что вполне сопоставимо с полуторамесячным путешествием Ибиса, проведенным в почти безостановочных переходах и этнологических изысканиях.

Цели и содержание экспедиционной работы исследователей

Хотя в письмах и статьях Джозефа Стира нет прямых заявлений о цели его экспедиции на Формозу, в целом она преследовала чисто научные цели и задачи, а именно: сбор полевых материалов для изучения местной живой природы и коренных формозцев. Посещая разные районы острова он делал чучела эндемических птиц и животных, спиртовал пресмыкающихся, собирал растения, насекомых, морских и пресноводных рыб, раковины и кораллы, из которых затем формировал коллекции и отправлял на родину в США. Эта работа забирала основную часть времени, сил и средств ученого, тогда как этнология была если и не побочным, то, очевидно, лишь вторым из двух главных занятий Стира.

Цели поездки Павла Ибиса, как военного человека, безусловно, предусматривали общую разведку обстановки на острове. Но главной миссией, по его словам, был все же сбор этнографических сведений: *«Экспедиция японцев на Формозу и следующие за нею несогласия между Китаем и Японией обратили всеобщее внимание на этот остров. Зная, что внутренность его ещё мало исследована, особенно в этнографическом отношении, мне пришла мысль предпринять туда путешествие, чтобы познакомиться с жизнью и нравами его обитателей. Возможность дать об них какие-либо новые сведения ещё больше подкрепила моё намерение»⁹.*

⁶ Тсуй-уан – неточная транскрипция слова «водные дикари» (шуй-фань 水番), так называли в то время народность Шао 邵.

⁷ Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-II (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 132-134. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-II (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 132-134.]

⁸ Steere, Joseph. Formosa and Its Inhabitants / Paul Jen-kuei Li, ed. Taipei: Academia Sinica, 2002. P. 208.

⁹ Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-I (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 111-112. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-I (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 111-112.]; Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Waderungen von Paul Ibis // *Globus* 31 (1877), No. 10-15. P. I-VI. P. 234.

Исходя из названной общей цели (сбор и изучение этнографических сведений), Ибис наметил план экспедиции, куда включил четко сформулированные конкретные задачи: «Соображаясь с данным мне временем, я составил себе следующий план: пройти весь остров с юга на север, посетить возможно большее число туземных племён, собирать слова их языков и заниматься телометриями. Так я надеялся прийти к более определённом выводу относительно происхождения туземцев Формозы, которые будучи раздроблены на множество мелких и самостоятельных племён, живущих под особыми местными условиями, отличаются друг от друга в образе жизни, в языке и даже в наружности. <...> А во-вторых, ответить на вопрос о том, существует ли во внутренней Формозе темная раса, папуасское племя, как это утверждал Фр. Мюллер в его этнографии (Novara-Reise), или нет... Вооружившись кронциркулем, линейкой и блокнотами, и взяв с собой минимально возможный багаж, я прошёл через остров с юга на север. Каждый раз, когда ситуация и время позволяли это, я делал вылазки в отдалённые районы, чтобы исследовать местных жителей на их территориях, и они обычно принимали меня очень доброжелательно. Таким образом я вступил в контакты с тринадцатью племенами, измерял их, зарисовывал их, наблюдал их манеры и обычаи, и собирал слова из их языков. Короче, я удовлетворён тем, что достиг своих целей»¹⁰.

Если Стир затратил на этнологию не больше половины из трех месяцев полевой работы в пределах острова, то Ибис специально посвятил ей почти все экспедиционное время, поэтому реальный объем собранных им этнографических сведений едва ли мог уступать результатам американского

коллеги. Это утверждение можно проверить путем формального сравнения публикаций Стира и Ибиса о Формозе, а также содержательного сравнения нескольких описаний формозцев, выполненных обоими учеными в одних и тех же местах острова.

Сочинения Стира о Формозе включают его письма, опубликованные в мичиганской газете «*The Ann Arbor Courier*», а также две статьи, изданные в Гонконге и Нью-Йорке.

Девять писем, написанных специально для «*The Ann Arbor Courier*» с 10.10.1873 по 10.04.1874 и опубликованных в этой газете в апреле-июне 1874 г., представляют собой серию путевых заметок и содержат лишь краткие разрозненные описания жителей острова (китайцев-хакка, равнинных и горных аборигенов), их внешности, одежды, жилищ, экономической деятельности, верований, обычаев и нравов¹¹. Как этнологический источник эти письма имеют скромную научную ценность.

В 1874 г., уже после визита на Формозу, Стир обработал собранные материалы и написал на их основе две статьи, первая из которых вышла в старейшем гонконгском журнале «*The China Review*». Эта очень короткая статья (всего 3,5 стр., включая таблицу туземных слов на 1,5 стр.) почти дословно воспроизведена в начале второй «нью-йоркской» статьи и, подобно письмам, содержит общее упоминание о горных и равнинных аборигенах, за которым идет краткое описание равнинных аборигенов «пинпу». Новым в первой статье было известие о покупке на острове более 20 ценных манускриптов XVII–XVIII вв., записанных латиницей на языке Синьган, и список из примерно 120 простых слов из языка «пинпу» с переводом на английский язык¹².

Вторая, уже упомянутая выше статья в «*The Journal of the American Geographical Society of New York*», вышла в сборнике общества в 1876 г., хотя фактически была прислана в Нью-Йорк в 1874 г. В своем 36-

¹⁰ Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-I (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 111-112. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-I (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 111-112.]; Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis // *Globus* 31 (1877), No. 10-15. P. I-VI. Pp. 149, 234.

¹¹ Steere, Joseph. Letters from Formosa // *Ann Arbor Courier*. Published in April 10 – June 3, 1874. LXXII–LXXIX. Mode of access: <https://www.reed.edu/formosa/texts/Steere1873-74.htm>

¹² Steere, Joseph. The Aborigines of Formosa // *China Review*. 1874, Vol. 3, No. 3, pp. 181-184.

страничном докладе, также основанном на путевых записях, Стир представил сведения о ходе экспедиции и подробные словесные описания формозцев (аборигенов и китайцев). Кроме того, в статью включены 3 рисунка с изображением татуировок на лицах и руках, 6 таблиц на 10 страницах со сравнением слов из 5 австронезийских языков (более ста слов и по несколько предложений для каждого языка, кроме Сирайя, на котором записаны лишь 3 коротких сентенции) с языками филиппинцев и малайцев, а также нотная запись песен одной из аборигенных народностей центрального Тайваня.

На 19 страницах текста в статье подробно описаны внешность и образ жизни 5 этнических групп: 1) «равнинных аборигенов» *пинпу* (*Perowhan, Siraya*) в центре и на юге острова (деревни Конгана, Банкимсан и др.) 2) «окультуренных варваров» *шу-фань* (*Sekwhan; Lek-whan* или *Paijek, Pazih*) в центре острова; 3) «водных варваров» *шуй-фань* (*Tsui-whan* или *Thao*) на озере Солнца и Луны; 4) «неокультуренных варваров» *шэн-фань* (*Che-whan* или *Seediq*) в районе современного уезда Наньтоу и 5) «варваров Кале» *кале-фань* (*Kale-whan* или *Paiwan*) в горах к востоку от Такао. Кроме того, Стир также дал короткое общее описание китайской народности *хакка*.

В свою очередь, Ибис опубликовал в 1876-1877 гг. две вышеупомянутые большие статьи о своем этнографическом путешествии на Формозу, первая из которых (69 страниц на русском языке) как минимум вдвое превосходит по объему главную статью Стира и как минимум втрое – её текстовую часть. Если первая статья Ибиса была чисто текстовой, то в немецкоязычной статье 1877 г. прежний текст переработан и расширен за счет новых справочных сведений об острове, а также дополнен картой с маршрутом передвижений автора, 11-ю прекрасными рисунками и сравнительной таблицей из 51 слов, включающей слова говоров 6 формозских «племен», филиппинского языка «тагала» (тагалог) и исходный перечень слов на немецком.

Подобно Стиру, Ибис приводит довольно беглые описания китайского населения,

в т.ч. народности *хакка*, фокусируя внимание на аборигенах. При этом, если Стир дал описания 5 этнических групп аборигенов, то Ибис составил подробные описания 7 «племен»¹³ из как минимум 6 разных этнических групп на юге и в центре острова¹⁴.

Таким образом в целом Павел Ибис собрал за 1,5 месяца и опубликовал заметно больший, в сравнении со Стиром, объем полевых этнографических сведений. Что касается качества описаний (содержание, методы, систематичность и пр.), то его можно оценить путем конкретного сравнения записей Ибиса и Стира, прежде всего тех, которые относятся к одним и тем же местам и объектам исследований.

В *Приложении 1* дано параллельное сравнение описаний жилищ и внешности двух коренных народностей: 1) народности *пайвань* (Катсаусан, *Kalewhan*) из деревни «Тау-сия» (*Toasia*) на юге острова и 2) Сек-уан (*Sekwhan, Lekwhan, Pazih*) из района к северо-востоку от г. Чжанхуа в центре острова.

Как видно из приведенного сравнения, опубликованные Ибисом и Стиром материалы действительно вполне сопоставимы по объему, форме и содержанию, при этом они существен-

¹³ Пилам, Сапрэк, Сабари, Катсаусан, Бантауранг, Пепо (пинпу), Секуан (шуйфань).

¹⁴ Ибис пишет, что посетил 13 «племен», что маловероятно. В одних случаях он, видимо, путал названия «племен» с топонимами, что легко объяснимо плохим переводом. В других случаях Ибис принял за названия «племен» общепринятые китайязычные псевдоэтнонимы. Например, «Тсуй-уан» – искаженная запись от кит. шуй-фань или «водные варвары», «Сек-уан» – от кит. шу-фань или «окультуренные варвары» (т.е. уже частично китайизированные), «Пепо-уан» – от кит. пинпу или «равнинные аборигены». Две последние группы включали самые разные племена и народности. Вероятно, Ибис описал представителей 5 «горных» народностей: пайвань, амэй, рукай, бинань (пуюма), бунун, а также неких представителей равнинных «пинпу». Головачев В.Ц. Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования. // Вестник антропологии. – 2017. – № 2 (38). – С. 108. [Golovachev, V.C. Puteshestvie P.I. Ibis na Tajvan' v 1875 g.: tematika, metodika i instrumentarij jetnologicheskogo issledovanija (P.I. Ibis' Journey to Taiwan in 1875: Themes, Methodic and Tools of the Ethnographic Studies) // *Vestnik antropologii*, 2017, No. 2(38), p. 108.]

но дополняют и объективно верифицируют друг друга. Некоторые элементы двух независимо выполненных описаний обнаруживают большое сходство и даже словесный параллелизм (см. описания жилищ и внешности Катсаусан-Кале, а также христианизации и обучения детей у Сек-уан), что объяснимо как высокой точностью визуальных наблюдений обоих исследователей, так и, видимо, получением расспросных сведений от одних и тех же ключевых информантов (китайских мандаринов, деревенских старшин, западных миссионеров, бизнесменов, таможенников и пр.) в одних и тех же местах, которые Ибис и Стир посетили с относительно небольшим временным разрывом. Например, на юге и в центре острова оба исследователя встречались и общались с одними и теми же миссионерами (Ричи и Хименес), а в порту Цзилунг (Килунг) на севере – с начальником поста китайской морской таможни, россиянином Н.Н. Титушкиным.

Что касается различий, то Ибис более подробно фиксирует общий вид и телосложение аборигенов, в частности, особенности головы (овал лица, лоб, глаза, нос, скулы, рот, уши, борода, волосы, брови, выражение лица и т.д.), плеч, грудной клетки, таза, кожного покрова и прочих частей тела. Вероятно, собирать эти данные помогали проводимые им повсюду антропометрические измерения и зарисовки облика аборигенов. У Стира, который не занимался антропометрией и не рисовал серии портретов (3 рисунка в его главной статье¹⁵ сильно уступают дюжине иллюстраций из статьи Ибиса в «Глобусе»), подобные сведения очень скудны или отсутствуют вообще. С другой стороны, имея много больше времени для наблюдений и сбора расспросных данных на местах, Стир в ряде случаев дал более подробные описания жизненной среды аборигенов (горных и равнинных), записал ноты и китайские слова трех коротких песенных мотива Сек-уан, а также собрал в вдвое больше, по сравнению с Ибисом, простых слов из пяти языков для сравнительных лингвистических исследований. При этом, публикуя лексические та-

¹⁵ Еще два рисунка Стира (жилой дом и амбар на сваях «диких варваров» [Chewhan, Seediq]) опубликованы в собрании его публикаций о Формозе в 2002 г. [Steere 2002: 50].

блицы, Стир на тот момент воздержался от каких-либо производных научных выводов, тогда как Ибис смело сравнивал и интерпретировал свой первичный материал, пытался сопоставить его с современными теориями и гипотезами европейских авторов, и даже рискнул высказать собственную гипотезу о времени и путях появления и распространения на острове формозских языков¹⁶.

Не ограничиваясь описаниями отдельных групп аборигенов, Ибис выявляет их локальные расовые и этнокультурные сходства и различия. Сопоставляя особенности внешности, языка, поведения, материальной и духовной культуры, уровня развития и прочие аспекты, он высказывает собственные предположения о путях внутриостровных миграций, родственных и культурных связях, смешении и ассимиляции коренных формозцев. Описывая процессы происходящие на острове сложные процессы ассимиляции и аккультурации, Ибис фиксирует разную степень китаизации аборигенов, сравнивает и оценивает их приверженность к народным религиям и христианству¹⁷.

В методическом плане, во время экспедиции Ибис, как и Стир, использовал личные

¹⁶ Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-II (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 140-141. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-II (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 140-141.]; Головачев В.Ц. Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования. // *Вестник антропологии*. – 2017. – № 2 (38). – С. 103. [Golovachev, V.C. Puteshestvie P.I. Ibis na Tajvan' v 1875 g.: tematika, metodika i instrumentarij jetnologicheskogo issledovanija (P.I. Ibis' Journey to Taiwan in 1875: Themes, Methodic and Tools of the Ethnographic Studies) // *Vestnik antropologii*, 2017, No. 2 (38), p. 103.]

¹⁷ Головачев В.Ц. Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования. // *Вестник антропологии*. – 2017. – № 2 (38). – С. 106-107. [Golovachev, V.C. Puteshestvie P.I. Ibis na Tajvan' v 1875 g.: tematika, metodika i instrumentarij jetnologicheskogo issledovanija (P.I. Ibis' Journey to Taiwan in 1875: Themes, Methodic and Tools of the Ethnographic Studies) // *Vestnik antropologii*, 2017, No. 2(38), pp. 106-107.]

наблюдения и расспросные сведения. При подготовке к экспедиции и написании статей он активно привлекал справочную литературу: прессу, таможенную статистику, книги по истории и языкам Формозы. В своих статьях Ибис упоминает японскую газету «*Rising Sun*» (Асахи), данные из «*Customs gazette*» и статьи бывшего американского консула в Амое генерала Лежандра. Краткая справка о правлении голландцев на острове в XVII в. (1624-1662 гг.) составлена им по голландской книге «Потеря Формозы» (*Verwaerloos de Formosa of Warachtig Verhaer t'Amsterdam 1675*), а основой для постановки и изучения языковых проблем стала упоминаемая Ибисом книга профессора восточной лингвистики Венского университета Фридриха Мюллера, исследовавшего малайско-полинезийские языки¹⁸.

В статьях Стира, по неизвестным причинам, вообще не даны ссылки на справочную литературу, хотя автор явно пользовался таковой при изложении общих сведений об острове и его истории¹⁹. Лишь в одном месте, жалуясь на трудности ориентации на местности

и измерения пройденных за день расстояний лишь «мерой усталости», Стир сообщает, что пользовался весьма неточной картой генерала Лежандра. В свою очередь, Ибис имел английскую карту – либо напечатанную в Лондоне штурманскую карту со своего корвета, либо какую-то иную, купленную им в Гонконге²⁰.

Пожалуй, одной из главных удач экспедиции Стира стала находка им и покупка у потомков народности Сирайя в деревне Конгана уже упомянутых выше 29 старинных манускриптов с текстами частных договоров по земельным сделкам, записанных латиницей на языке Синьган²¹. Это случилось за 60 лет до того, как японский ученый Мураками издал знаменитый сборник синганских рукописей «*Sinkan Manuscripts*» в 1933 г.²² Правда, в статьях Стира указана лишь датировка манускриптов, без описания места и обстоятельств их приобретения, хотя эти сведения есть в рукописи его монографии, изданной в Тайбэе в 2002 г.²³ Стир также не установил точное количество, характер и содержание документов, так как это стало воз-

¹⁸ Muller, Friedrich. Dr. Reise der osterreichischen Fregatte Novara, linguistischer Theil. Wien, 1867; Головачев В.Ц. Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования. // Вестник антропологии. – 2017. – № 2 (38). – С. 102-103. [Golovachev, V.C. Puteshestvie P.I. Ibis na Tajvan' v 1875 g.: tematika, metodika i instrumentarij jetnologicheskogo issledovanija (P.I. Ibis' Journey to Taiwan in 1875: Themes, Methodic and Tools of the Ethnographic Studies) // *Vestnik antropologii*, 2017, No. 2(38), pp. 102-103.]; Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-I (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 115, 145. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-I (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 115, 145.]; Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-II (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 123. [Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-II (1876): neoficial'nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. P. 123.]

¹⁹ Steere, Joseph. Formosa // *Journal of the American Geographical Society of New York*, 1876, Vol. VI, pp. 318-319, 315-318.

²⁰ Steere, Joseph. Formosa // *Journal of the American Geographical Society of New York*, 1876, Vol. VI, pp. 318-319; Головачев В.Ц. Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования. // Вестник антропологии. – 2017. – № 2 (38). – С. 102. [Golovachev, V.C. Puteshestvie P.I. Ibis na Tajvan' v 1875 g.: tematika, metodika i instrumentarij jetnologicheskogo issledovanija (P.I. Ibis' Journey to Taiwan in 1875: Themes, Methodic and Tools of the Ethnographic Studies) // *Vestnik antropologii*, 2017, No. 2 (38), p. 102.]

²¹ Язык Синьган – латинская транскрипция местных языков, внедренная европейскими миссионерами в годы голландского правления на Тайване (1624-1661) для проповеди христианства среди аборигенов. Последние пользовались этой письменностью как минимум до 2-й половины XVIII в. В настоящее время известны около 140 сохранившихся документов на языке Синьган. Некоторые из них содержат параллельные дублирующие тексты на китайском языке.

²² Murakami Naojirō. *Sinkan Manuscripts / Memoirs of the Faculty of Literature and Politics, Taihoku Imperial University*, Vol. II, No. 1. Formosa: Taihoku Imperial University, 1933.

²³ Steere, Joseph. *Formosa and Its Inhabitants / Paul Jen-kuei Li, ed. Taipei: Academia Sinica*, 2002. Pp. x, xiv-xv, 192.

можным лишь в XX в., после расшифровки учеными «языка Синьган».

В целом сравнительное изучение наследия обоих ученых приводит к обоснованному выводу о том, что, в плане последовательности и систематичности применения специальных методик, спектра привлеченных источников и литературы, полноты, информативности, наглядности и достоверности добытых этнологических материалов, а также степени их первичной интерпретации, статьи Ибиса несколько не уступают научному уровню статей Стира, а в некоторых случаях и превосходят его.

Указанный вывод порождает вопрос о том, каким образом молодой и совсем далекий от этнологии морской офицер мог овладеть специальными полевыми мето-

диками, а затем применить их на практике не хуже более старшего (Стир был старше Ибиса на 10 лет) профессионального американского ученого с большим опытом полевых этнологических исследований в США и Амазонии?

Предположительно, это стало возможным благодаря тому, что уже до экспедиции Павел Ибис имел под рукой хорошее научно-методическое пособие. Таким пособием могли быть этнографические инструкции, разработанные под началом председателя Отделения этнографии РГО Н.И. Надеждина и изданные в 1852 г. в виде «Свода инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом». Разумеется, указанное предположение требует особой проверки и изучения.

Приложение 1

Сравнение описаний горных и ранинных аборигенов Формозы у П. Ибиса и Д. Стира

<p>П.И. Ибис Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152 II (1876): неофициальный отдел. СПб., 1876. С. 118-121, 132-134.</p>	<p>Д.Б. Стир Steere, J.B. Formosa. // Journal of the American Geographical Society of New York. Vol. 6 (1876). С. 305-307, 311-314</p>
<p>1. Горные Кале-фань (Пайвань)</p>	
<p>[Локация поселений: район к востоку от Такао и Банкимтсынг] Милях в трёх к востоку от Банкимтсынга, горы возвышаются круто из равнины и поднимаются прямо на несколько тысяч фут. Здесь живёт племя Катсаусан [Кале-уан], по-видимому, крепкое и многочисленное. ... Катсаусан живут в нескольких деревнях. Первая из них, посещённая мною, лежит милях в десяти от Банкимтсынга и называется китайцами Тау-сия, вторая Лай-сия. Деревня Тау-сия выстроена на крутом и обнажённом склоне горы на значительной высоте.</p>	<p>[Локация поселений] Кале-уан являются одним из племен Шэн-фань, обитающим в горах к востоку от Такао. Занимаемая ими территория не так обширна, не достигая разделительной линии гор, но полностью лежит к западной стороне. Они живут в двух деревнях, именуемых китайцами Тоа-сия и Тао-сия – большое и маленькое поселения. Первое и более значе включает, возможно, пару сотен жителей, тогда как Тао-сия – это фактически группа деревень с приблизительно тысячей жителей. Эти деревни находятся на крутых склонах холмов</p>
<p>[Жилые дома и подсобные строения] Все дома сделаны исключительно из аспида, – стены, крыша, задвижные двери и ставни – всё из этого камня. Дома упираются заднею стороною в гору. Стена переднего фасада всего фута четыре вышиною, но крыша идёт высоко, так что внутри просторно. Внутренность разделена перегородкой на маленькую переднюю и на собственно жилую комнату, где стоит и очаг. Крутом стены низкие лавки, покрытые туземными циновками; на них спят, сидят и едят; другой мебели в доме нет. В посуде встречаются и китайские произведения. Перед каждым домом есть небольшой двор, в середине которого стоит кладовая – высокий соломенный шалаш, поддерживаемый сваями на высоте 4-5 фут от земли; сваи эти закрыты сверху круглыми плитами аспида от крыс. Около домов огороды с бананами и арекою. Остальные деревни, говорят, совершенно такие же; каждая имеет своего тауранга, над которыми властвует один главный, живущий в Лай-сия.</p>	<p>[Жилые дома и подсобные строения] Все дома построены прочно, но грубо, из плит сланцевого камня. Места для них вырыты в склонах холмов, а стены выстроены и покрыты аспидом, крыши скошены в одном направлении, и это направление вдоль холма, так что дома почти не видно с малого расстояния. Крыши поддерживаются внутри тяжелыми перегородками и деревянными балками, некоторые из которых украшены грубой резьбой. Двери, которые служат также и окнами, так низки, что нам пришлось проползть внутрь на руках и коленях. Их прикрывают поставленные вертикально плиты аспида. Внутри дома были чисты и вымощены плитами, с низкими каменными лавками, размещенными по сторонам как лежанки и сиденья. Они покрыты матами, и те члены семьи, кто не был в полях, восседали на них, женщины занимались плетением матов и открытых сеток, которые много используются ими помещения тяжестей для переноса на спине. Многие рои медоносных пчел проникали сквозь щели в стенах в соты, устроенные для них под теми скамьями, и дикари превратили мед и воск в один из неплохих предметов торговли. Тут же, рядом, они держат несколько свиней и кур. Их деревни почти спрятаны в деревьях, среди апельсиновых, бананов и пальм с бетельными орехами, из которых последние особо нравятся дикарям. ... Подобно шэн-фаням на севере, они строят сараи, приподнятые на шестах, увенчанных плоскими дисками из сланцевого камня, чтобы помещать бурндукам и крысам взбираться на них. В нишах их домов было несколько черепов, и мне показали хижину из травы с 7-ю или 8-ю черепами, сложенными кучей в углу.</p>

<p>П.И. Ибис Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152 II (1876): неофициальный отдел. СПб., 1876. С. 118-121, 132-134.</p>	<p>Д.Б. Стир Steere, J.B. Formosa. // Journal of the American Geographical Society of New York. Vol. 6 (1876). С. 305-307, 311-314</p>
<p>[Внешность: физический тип] Здесь заметен гораздо чище малайский, определённое тагальский элемент. Мужчины несколько ниже среднего роста, больше стройны, чем коренасты, и с довольно сильными мускулами. Скулы у них не сильно выдаются; нос и рот не особенно широки; глаза большие, тёмно-коричневые и брови густые. Женщины также не дурны и с большими выразительными глазами. Они среднего роста, но уже слишком полны. Цвет кожи светло-бронзовый, у стариков грязноватый, волоса скорее тёмно-русые, чем чёрные.</p>	<p>[Внешность: физический тип] <i>Кале-фань</i> очень малы ростом, в среднем около 5 футов. Черты молодых довольно правильны и приятны, но среди стариков желания и пороки привели к тому, что выглядят они почти как скоты.</p>
<p>[Внешность: одежда, украшения, татуировки] Уши у Катсаусан украшены обыкновенными китайскими серьгами. Стекланные бусы различной формы и величины, кольца на пальцах, браслеты и цепочки в большом употреблении у обоих полов, также и татуировка, но исключительно на руках и пальцах. Костюм мужчин следующий: вместо штанов – синий платок, обвязанный кругом талии в виде короткой юбки; куртка синего или жёлтого цвета; красный, синий или белый пояс и таких же цветов повязка на голове; кусок лёгкой чёрной материи перекинут через одно плечо. Платье обшивается обыкновенно шнурками яркого цвета. Пестрота костюма и оригинальность оружия, никогда не выпускаемого из рук, делает их фигуры весьма живописными. Женский костюм следующий: длинная юбка, сверх которой надевается узкая блуза с высокими разрезами по бокам и узкими, длинными рукавами; икры обвязываются куском синей материи, сшитым в виде узких панталон; на голову накинута большой платок светлого цвета, падающий широкими складками на шею; сверх него лежит венчик из зелёных листьев. Любимые цвета – синий и голубой. Мужчины и женщины ходят босиком.</p>	<p>[Внешность: одежда, украшения, причёски, татуировки] Они облачаются в китайские одежды – мужчины в короткие покрывала или охотничьи рубашки, которые оставляют открытыми ноги и руки. Вождь был одет в шкуру тигровой кошки, которая выглядела как признак его должности. Женщины одеваются во многом как китайки и пинпу внизу на равнине, но порой проводят много времени за вышиванием их рукавов и штанов. Женщины, пока мы были среди них, всегда находились за работой либо в полях, либо в деревнях, увенчанные венками из лозы и листьев. Часто это были всего лишь стебли сладкого картофеля, но в иных случаях – красивые дикие растения и цветы. Многие мужчины были тоже украшены тем же образом, и это может выглядеть почти как отличительный признак этого племени. Волосы мужчин отпущены до большой длины сзади головы, но ровно обрезаны прямо поперек лба, над глазами. Женщины не татуируют лицо, но татуируют три полосы поперек тыльной стороны кистей рук, с крестами над костяшками и двумя линиями вниз по тыльной стороне от нижнего сустава пальцев. Мужчины татуируют внутреннюю сторону рук полосами, которые сбегают к плечам и пересекают грудную клетку. Татуировки среди мужчин не выглядят общепринятыми и, возможно, ограничиваются вождями и главными мужчинами.</p>
<p>[Нравы, культура] По словам Пепо, знающих их хорошо, они не злы, но корыстолюбивы и в пьяном виде буйны и опасны. Первый раз я слышал здесь туземное пение, оригинальная мелодия которого напомнила мне Сандвичевы острова. Музыкальных инструментов у них нет.</p>	<p>[Нравы, культура] Они очень музыкальные люди, и по ночам собираются большим числом в доме вождя, и женщины поют монотонные, но музыкальные напевы, видимо, так долго, насколько им хватает дыхания, и затем мужчины отвечают им с тем же напрягом, каждый раз заводясь с громким вдохновением.</p>
<p>2. Равнинные Сек-уан (Pazih)</p>	
<p>[Локация поселений: район к северо-востоку от Чжанхуа] Теперь я торопился к племени Сек-уан, которое так много отличается от прочих, что даже сомневаются в его малайском происхождении. Сек-уан занимают холмистую местность к NO от Чанг-уа и цивилизованнее прочих туземцев Формозы.</p>	<p>[Локация поселений] Лек-уан – это большое подразделение Пепо-уан, живущих возле центра острова, по-видимому, изначально пришедших из окрестностей Чжанхуа. В нескольких милях к северу от этого города приблизительно две тысячи все еще живут в поселках Лай-сиа и Тоа-сиа... В долине, в двух днях пути к востоку от Чжанхуа, имеется их большое поселение именуемое По-сиа или Поли-сиа, к которому они, судя по их собственным расчетам, начали мигрировать 40 или 50 лет назад.</p>
<p>[Язык, китаизация] Сек-уан только недавно приняли добровольно китайское подданство и поэтому сохранили ещё много своеобразного, но тауранги их считаются уже китайскими мандаринами. Хотя все и знают теперь по-китайски, но общеупотребительный язык родной, отличающийся несколько от остальных формозских наречий, из чего видно, что они и прежде жили и развивались отдельно от прочих племён.</p>	<p>[Язык, китаизация] Лек-уаны называют себя Пайджек (<i>Paijek</i>) на своем языке, на котором они все говорят в своих семьях, хотя все, кроме очень старых, говорят также и по-китайски, а некоторые из молодых могут писать на нем... Их язык обнаруживает их тесные связи дикими племенами острова и с Пепо-уанами с юга.</p>
<p>[Внешность: физический тип] Сек-уан выше среднего роста и крепкого сложения. Лицо овальное с крупными чертами, лоб высокий, глаза очень большие, нос большой, рот широкий и зубы очень крупные. Борода сильнее, чем у прочих племён, и на груди, руках и ногах есть волоса. Цвет волос тёмно-русый; кожа светлая и у некоторых лицо даже румяное. Эти отступления от своего типа резче, впрочем, в зрелом возрасте и у мужчин, в женщинах и детях виден яснее малайский тип.</p>	<p>[Внешность: физический тип] Они крупные и сильно сложенные в сравнении с китайцами, но их лица грубы, а у женщин зубы торчат наружу; но их лица выказывают во многом хорошую натуру и добрые чувства.</p>

<p>П.И. Ибис Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152 II (1876): неофициальный отдел. СПб., 1876. С. 118-121, 132-134.</p>	<p>Д.Б. Стир Steere, J.B. Formosa. // Journal of the American Geographical Society of New York. Vol. 6 (1876). С. 305-307, 311-314</p>
<p>[Внешность: причёски, одежда] Костюм их отчасти подходит к китайский. Мужчины носят косу и сверху чалму, китайские штаны и блузу из небелёного холста, которая застёгивается на середине груди и плотно обтягивает тело. Иногда вся её спинная часть разукрашена поперечными полосами красных и синих узоров и рукава шиты из другой какой-нибудь, преимущественно тёмно-синей материи. Женщины одеваются как здешние китаянки, исключая головного убора; они спускают часть волос на лоб, обрезая их по линии бровей, а остальную часть завязывают на макушке в пучок; на голову накинута небольшая чёрный платок, два задние кончика которого слегка завязаны на затылке.</p>	<p>[Внешность: одежда] Их одежда во много одинакова с бедными классами китайцев, хотя на свадьбы и большие церемонии они используют национальную одежду, состоящую из двух или трех длинных безрукавных мантий, открытых спереди, и нижняя достигает пяток, тогда как верхние более коротки. Эти одежды орнаментированы большим количеством красной вышивки по низу.</p>
<p>[Экономика] Благодаря местным условиям, быть может и голландцам, они уже давно занимались полевыми работами, возделывая индиго, табак и особый род конопли; крепкие материи, главное их произведение – в большом употреблении по всему северу острова.</p>	<p>[Экономика] Они выращивают некие виды крапивы, из которой делают грубую, но прочную ткань. Они орошают и возделывают почву тем же способом, что и китайцы. ... Они большие любители охоты и рыбалки, и очень искусны в изготовлении шелков для оленей и прочего рода забавач.</p>
<p>[Жилые дома] Жилища и земледельческие орудия у них китайские.</p>	<p>[Жилые дома] Живут они как китайцы, собираясь вместе в деревнях с хижинами, сделанными из самана и покрытыми травяными крышами.</p>
<p>[Духовная культура, умственные способности и нравы] Почти все жители Тоа-сиа христиане. При капелле есть школа, и все дети должны посещать её; их учат читать и писать по-китайски латинскими буквами, арифметике, географии, закону Божию и Священной истории. Миссионеры говорят, что Сек-уан вообще способны к умственным занятиям, учатся и читают охотно. К сожалению, у них ещё мало книг, напечатанных латинскими буквами.</p>	<p>[Духовная культура, умственные способности и нравы] Лек-уан впервые узнали кое-что о христианстве чуть больше двух лет назад ... теперь среди них имеется четыре или пять сотен членов церкви, и еще больше тех, кто отбросили своих китайских идолов и свое собственное идолопоклонство, и стали регулярными прихожанами на христианских службах. Среди них установлено 5 или 6 часовен и столько же школ, где им преподают латиницу, и я видел много девочек и мальчиков, научившихся читать и писать на ней. Эта латиница являет собой фуцзяньский диалект китайского, прописанный латинскими буквами, с особыми отметками для обозначения китайских тонов. Тут не хватает учебников, являющих собой не что иное как Новый Завет и Сборник гимнов, переведенных все же на этот диалект. Но если будут доставлены прочие книги, то нет никаких причин, почему эти яркие, умные дети могут не получить хорошее образование. ... Древние поклонения Лек-уан, подобно таковым у Пепо-уан на юге, видимо, состояли из некоего идолопоклонства, танцев и песен, и поклонения черепамам кабана или оленя. Они отличаются существенно от китайцев природной любовью и вкусом к музыке. Они приспособили несколько своих диких идолопоклоннических мотивов к христианским гимнам, которые поют с великим настроением. Они охотно изучают европейскую музыку, но, видимо, предпочитают свои собственные. По природе они честны и гостеприимны, и у нас были очень большие проблемы с тем, чтобы заставить их взять плату за те виды продуктов, которые мы покупали у них. ... Они имеют любопытный обычай называть своих детей в честь разных видов деревьев в лесах. [Управление, право] У них все еще есть отдельные остатки древнего племенного правления, но родовые вожди и старшины, видимо, купили мелкие чиновничьи должности и тем самым объединили китайскую власть с наследственной. Суд в основном вершится как среди китайцев старейшинами и старшинами.</p>

Литература:

Головачев В.Ц. Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования // Вестник антропологии. – 2017. – № 2 (38). – С. 98-112.

Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-I (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 111-149.

Ибис П. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-II (1876): неофициальный отдел. – СПб: Типография Морского министерства, 1876. – С. 111-141.

Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis // Globus 31 (1877), No. 10-15. P. I-VI. Pp. 149-152, 167-171, 181-187, 196-200, 214-217, 230-235.

Muller, Friedrich. Dr. Reise der osterreichischen Fregatte Novara, linguistischer Theil. Wien, 1867.

Murakami Naojirō. Sinkan Manuscripts / Memoirs of the Faculty of Literature and Politics, Taihoku Imperial University, Vol. II, No. 1. Formosa: Taihoku Imperial University, 1933.

Steere, Joseph. Formosa // *Journal of the American Geographical Society of New York*, 1876, Vol. VI, pp. 302-334.

Steere, Joseph. Formosa and Its Inhabitants / Paul Jenkuei Li, ed. Taipei: Academia Sinica, 2002.

Steere, Joseph. Letters from Formosa // *Ann Arbor Courier*. Published in April 10 – June 3, 1874. LXXII–LXXIX. Mode of access: <https://www.reed.edu/formosa/texts/Steere1873-74.htm>

Steere, Joseph. The Aborigines of Formosa // *China Review*. 1874, Vol. 3, No. 3, pp. 181-184.

References:

Golovachev, V.C. *Puteshestvie P.I. Ibisana Tajvan`v 1875 g.: tematika, metodika i instrumentarij jetnologicheskogo issledovanija (P.I. Ibis` Journey to Taiwan in 1875: Themes, Methodic and Tools of the Ethnographic Studies)* // *Vestnik antropologii*, 2017, No. 2(38), pp. 98-112.

Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-I (1876): neoficial`nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 111-149.

Ibis, P. Jekskursija na Formozu (Excursion to Formosa) // *Morskoj sbornik*. 152-II (1876): neoficial`nyj otdel. SPb: Tipografija Morskogo ministerstva, 1876. Pp. 111-141.

Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis // *Globus* 31 (1877), No. 10-15. P. I-VI. Pp. 149-152, 167-171, 181-187, 196-200, 214-217, 230-235.

Muller, Friedrich. Dr. Reise der osterreichischen Fregatte Novara, linguistischer Theil. Wien, 1867.

Murakami Naojirō. Sinkan Manuscripts / Memoirs of the Faculty of Literature and Politics, Taihoku Imperial University, Vol. II, No. 1. Formosa: Taihoku Imperial University, 1933.

Steere, Joseph. Formosa // *Journal of the American Geographical Society of New York*, 1876, Vol. VI, pp. 302-334.

Steere, Joseph. Formosa and Its Inhabitants / Paul Jenkuei Li, ed. Taipei: Academia Sinica, 2002.

Steere, Joseph. Letters from Formosa // *Ann Arbor Courier*. Published in April 10 – June 3, 1874. LXXII–LXXIX. Mode of access: <https://www.reed.edu/formosa/texts/Steere1873-74.htm>

Steere, Joseph. The Aborigines of Formosa // *China Review*. 1874, Vol. 3, No. 3, pp. 181-184.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10036

ETHNOLOGICAL FIELD STUDIES IN FORMOSA BY PAUL IBIS AND JOSEPH STEERE IN 1873-1875 (COMPARATIVE REVIEW)

Valentin Ts. Golovachev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.03.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 24.05.2019</p>	<p>Abstract: Paul Ibis (1852-1877), the Russian Navy Navigation Corp's ensign, undertook a lone "ethnographic trip" to Formosa (Taiwan) in January-February 1875. During the limited 1.5 month time, as Ibis proceeded from Takao to most Southern and, thereafter, to Northern end of the island, he collected, arranged and published many unique ethnological materials on aborigines and Chinese immigrants of Formosa. However, Paul Ibis was not the first researcher to carry out such a complex and daring scientific trip. The prominent American natural-science scholar Joseph Bill Steere (1842-1940) visited the island prior to Paul Ibis in October 1873 – March 1874. During the 6 months' expedition he collected numerous species of local flora and fauna, as well as many ethnographic and linguistic materials for the University of Michigan. This article contains a comparative general review of field materials, research methods, process and results of the ethnological work conducted by two explorers, who visited Formosa and studied it almost synchronously and independently of each other. As a comparison of their papers reveals, Paul Ibis' articles (2 pieces published in 1876-1877) are in no way inferior to the general academic level of J.B. Steere's articles, and even surpass it in some aspects.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate of History, Senior Research Fellow, Head of the Taiwan Studies Center, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: valliu@complat.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>aborigines; Ibis Paul; Steere Joseph; Taiwan; Formosa; ethnography; ethnographic trip; ethnology; Russian Geographic Society</p>	

Для цитирования: Головачев В.Ц. Полевые этнологические исследования Павла Ибиса и Джозефа Стира на Формозе в 1873-1875 гг. (сравнительный обзор) // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 148-158.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10036

For citation: Golovachev, Valentin Ts. Polevyje etnologicheskiye issledovanija Pavla Ibis i Dzhozefa Stira na Formoze v 1873-1875 gg. (sravnitel`nyj obzor) (Ethnological Field Studies in Formosa by Paul Ibis and Joseph Steere in 1873-1875 (Comparative Review)) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 148-158.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10036

НА ПУТИ К «КИТАЙСКОМУ МИРУ». ПАМЯТИ Е.Н. САМБУРОВОЙ

Николай Александрович Слукa

*д. геогр. н., профессор,
кафедра географии мирового хозяйства,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

На кафедре географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова вышла книга “На пути к Pax Sinica” (М.: Изд-во Московского университета, 2018 – 356 с.), посвященная памяти известного китаиста Елены Николаевны Самбуровой (1957-2017 гг.). Обзорный материал этой книги можно было бы назвать «Китай вызывает потрясения в западном мире» – цитатой из работы К. Маркса «Революция в Китае и в Европе»¹, написанной в мае 1853 г. В ней, рассматривая гегелевское «единство противоположностей», автор не находит ничего странного «в том влиянии, которое китайская революция² по всей видимости оказывает на цивилизованный мир. И, однако, это отнюдь не парадокс, как в этом могут все убедиться, внимательно рассмотрев обстоятельства дела»³. Отсутствие парадокса

в лидерстве Китая в мировом сообществе и современной оценке «обстоятельств дела» дается в рассматриваемой коллективной монографии, подготовленной при участии солидного пула авторов, ядро которого составляют сотрудники, учащиеся и ученые-выпускники кафедры географии мирового хозяйства, а также профессора и ведущие специалисты других учреждений: МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО Университета, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Института экономики РАН, Института географии РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института Африки РАН, РУДН, Военного университета МО РФ, Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Университета им. Масарика, Шанхайского университета политических наук и права и др.

Исследование выполнено не в духе сложившейся «классики» синологии, а на стыке страноведческого и мирохозяйственного подходов; опирается на глубокие знания китайской действительности и идею цикличности глобализационных процессов. Принятая методология акцентирует значимость географического изучения теснейшей взаимосвязи эндо- и экзогенных факторов социально-экономического развития, оптимизация которой – путь как к смягчению внутренних территориально-хозяйственных диспропорций страны, так и к ее возвышению в глобальной экономике и мировой системе в целом. Эти две траектории получили детальное раскрытие в ходе исследования Китая на новейшем материале, представленном в фундаментальных трудах отечественных и зарубежных ученых, изданиях международных организаций, включая ООН (см. например, ЮНИДО⁴ и др.), Всемирный банк, Международный Валютный Фонд; различных национальных статистических ежегодни-

¹ Маркс К. Революция в Китае и в Европе / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9. Изд. 2-ое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 98-105. [Marx, K. Revoluciya v Kitaei v Evrope (The Revolution in China and in Europe)]// K. Marx and F. Engels. Sochineniya. T. 9. Izd. 2-oe. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. Pp. 98-105.]

² В 1851 г. в Китае развернулось антифеодалное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9. Изд. 2-ое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Примечания. – С. 594).

³ Маркс К. Революция в Китае и в Европе / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9. Изд. 2-ое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 98. [Marx, K. Revoluciya v Kitaei v Evrope (The Revolution in China and in Europe)]// K. Marx and F. Engels. Sochineniya. T. 9. Izd. 2-oe. Moscow:

Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. P. 98.]

⁴ UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 – 2017 edition.

ках⁵ и в иных источниках информации, с применением широкого арсенала общенаучных и конкретно-научных методов, прежде всего историко- и сравнительно-географического.

Монография открывается посвящением декана географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, чл.-корр. РАН С.А. Добролюбова и состоит из трех разделов. Первый – персонализированный – включает краткие сведения о биографии Е.Н. Самбуровой (Н.И. Кучина), воспоминания коллег, учеников и друзей (Н.В. Рябова, А.В. Петров и др.); а также обзор основных этапов творчества ученого на основе анализа изданных трудов. В центре второго раздела – обобщение результатов периода рыночных реформ в Китае и превращения его в «мировую фабрику» (Е.Н. Самбурова и К.В. Мироненко). На основе анализа последних изменений на отдельных глобальных рынках (А.В. Хохлов, Е.Н. Перевалова, А.К. Цветкова, А.Ю. Александрова и Е.В. Аигина, И.Н. Тикунова и А.Е. Судакова, А.В. Нагирная и О.А. Ушакова), в промышленности мира (И.А. Родионова); в процессах транснационализации экономики (Д.Б. Калашников), формирования системы трансграничных цепочек добавленной стоимости (Т.Х. Ткаченко, С.А. Сафонов), международного движения инвестиций (Д.Н. Самусенко); отмечается неуклонный рост значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства и усложнении его пространственной структуры (И.Г. Чубаров). Но мощный экономический рывок и социальный прогресс дался Китаю немалой ценой, в частности, оказался связан с серьезными экологическими издержками. Целенаправленная смена ориентиров с количественного роста на качественные преобразования рассматривается в контексте государственной политики стимулирования развития интеграционного потенциала (В.Я. Портяков) и третичного сектора хозяйства при жесткой реструктуризации отдельных отраслей материального производства (Г.П. Елисеев) и общего развития к «зеленой экономике» (Ю.Ю. Ковалев, Н.А. Чумаков).

Третий раздел посвящен изучению

Китая как актора современных мирополитических процессов. Анализ общего расклада геополитических сил и проблемного фона проводится при использовании полимасштабного подхода: на глобальном уровне – в системе отношений трех сверхдержав (Россия, Китай, США) (В.В. Карякин) и геопространстве современного христианства (С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев, И.А. Захаров); на макрорегиональном – в пределах Срединной Евразии (В.Л. Бабурин); на региональном – в Северо-Восточной Азии (В.С. Кречетова), на Ближнем Востоке (на примере Саудовской Аравии) (Г.Н. Валиахметова и М.А. Герман); на страновом – в разрезе российско-китайских отношений (Л.Б. Вардомский, А.В. Кузнецов). В контексте исследования атрибутов политики «мягкой силы» Поднебесной отдельный блок материалов отведен китайской эмиграции (А.В. Фельде) и формирования этнической диаспоры в США (А.М. Кульчицкая) и странах зарубежной Европы (П.Н. Иванов).

В ходе истории постоянно меняются векторы и лидеры мирового развития. Мировозьяственные (глобализационные процессы), как и другие исторические процессы, будучи тесно связанными с «кондратьевскими волнами», имеют не только поступательную, но и циклическую составляющую, которая отражает подъемы и спады планетарной интеграции⁶. Авторы монографии исходят из гипотезы о неуклонном приближении третьего глобального интеграционного цикла и смены мирового лидерства. Фаворит первого интеграционного цикла – Англия,

⁶ Мироненко Н.С., Гитер Б.А. Мировозьяственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. – М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 40. [Mironenko, N.S.; Giter, B.A. Mirohozajstvennyj perekhod v nachale HKNI veka: makrotekhnologicheskie i prostranstvennye transformacii (World Economic Transition at the Beginning of the XXI century: Macro-Technological and Spatial Transformations) / Geografiya mirovogo hozjajstva: tradicii, sovremennost', perspektivy / Ed. by V.A. Kolosov, N.A. Sluka. Moscow-Smolensk: Ojkumena, 2016. P. 40.]

⁵ Включая, China Statistical Yearbook. Beijing, 2000-2017. и др.

поскольку в середине XIX в. страна производила половину мировой промышленной продукции. Время ее господства, продолжавшееся вплоть до окончания Первой мировой войны, вошло в историю как *Pax Britannica*. Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914-1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов. Второй глобальный интеграционный цикл, то есть нынешняя глобализация, начался с завершением Второй мировой войны и закономерно вошел в историю как *Pax Americana* (в 1945 г. американская экономика составляла половину мировой). За его окончание можно принять череду современных кризисов и рецессий с возможным апогеем в 2008 г., обусловленных с поворотной точкой мирового развития, лежащей в самом низу понижающей фазы 5-го цикла Н.Д. Кондратьева. Сейчас уже налицо классические признаки глобальной дезинтеграции: отставание темпов роста мировой торговли от темпов роста мировой экономики и усиление протекционизма (они, разумеется, взаимосвязаны)⁷. Бесспорно и размывание, на взгляд автора, и экономического могущества США, экономика которых к концу второго десятилетия XXI в., согласно одному из источников – данным Всемирного банка, уже менее четверти мировой⁸. Все это служит основанием для ряда экспертов полагать, что через одно-два десятилетия может начаться третий глобальный интеграционный цикл вокруг другого лидера.

⁷ Шупер В. Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация, 22.11.2017. Сайт С.П. Курдюмова. Mode of access: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/> [Shuper, V. Samoorganizaciya pri perelome traektorii: perekhod k intensivnomu razvitiyu (Self-organization at the Turn of the Trajectory: the Transition to Intensive Development) // Ekonomika, krizisy, riski, bezopasnost', samoorganizaciya, 22.11.2017. Mode of access: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>]

⁸ The World Bank, 2017. Mode of access: <http://worldbank.org/data/>

Удачно найденное сопряжение внутренних и внешних факторов экономического роста – залог стремительного расцвета Китая. Один из сравнительно неожиданных для многих западных экономистов и политиков результатов второго глобального интеграционного цикла – быстрое возвышение ранее традиционно «отсталого» и «закрытого» Китая, который в сжатые сроки совершил относительно безболезненный переход от плановой экономики советского образца к работающей рыночной модели смешанного типа. Слагающие успеха китайских реформ известны: это и постепенная «двухколейная» реформа ценообразования, и комплекс рыночных мер в сельском хозяйстве, и изменение системы управления госпредприятиями, и децентрализация административной системы, и поэтапное развитие банковской сферы и рынка капитала. Не менее значимой является и политика внешней открытости (*кайфан*), благодаря которой страна вышла из изоляции и активно использует зарубежный опыт и инвестиции для модернизации всех сфер жизни. Благодаря грамотной политике руководства Китай смог максимально эффективно реализовать свои конкурентные преимущества, включая дешевую рабочую силу, огромный потенциал внутреннего рынка, а также возможности экономической глобализации. В результате целенаправленного осуществления целой группы крупных программ он превратился в «мировую фабрику», выпускающую широкий ассортимент изделий и занял в мировом хозяйстве нишу крупнейшего производителя промышленной продукции. За четыре десятилетия реформ доля Китая в мировом ВВП по ППС увеличилась с 2,3% в 1980 г. до 18,3%, по оценкам МВФ⁹, в 2017 г. Таким образом, страна заняла лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По величине ВВП по валютному курсу она уступает США, находясь на 2-й позиции в мире. Внешнеторговый оборот Поднебесной за 1978-2017 гг. увеличился в 200 раз с 20 млрд долл. до 4,2 трлн долл. В 2009 г. она вышла на 1-е место по объему товарного экспорта и прочно сохраняет его. Именно

⁹ The International Monetary Fund, 2018. Mode of access: <https://www.imf.org/external/>

Китай в значительной степени определяет состояние многих товарных рынков, спрос на сырьевые товары, устойчивость развития мирового хозяйства в целом¹⁰.

Ныне страна, отличаясь сверхбыстрыми темпами экономического роста и на равных соперничая с признанными авторитетами на самых разных глобальных отраслевых рынках, плотно, но не афишируя, «подпирает» номинального лидера мирового хозяйства – США – по всем позициям. Материалы исследования убедительно доказывают, что Китай не собирается оставаться индустриальным придатком Запада. Во-первых, он уже давно возглавляет процессы урбанизации, индустриализации и научно-технического прогресса всего развивающегося мира. В результате произошли кардинальные изменения не только в «табеле о рангах» в глобальной экономике, но и в общей расстановке сил в системе отношений Центр – Периферия мирового хозяйства за счет быстрого укрепления места Полупериферии. Во-вторых, налицо концентрация усилий на приоритетном развитии высокотехнологичных отраслей национального хозяйства.

Укрепление позиций Китая в инновационных сферах, в магистральных направлениях научно-технического прогресса хорошо отражает изменение доли наукоемкого сектора в производимом ВВП. Согласно данным периодического издания Национального Статистического Центра науки и инжиниринга США¹¹ на 2016 г. добавочная стоимость, полученная в наукоемком секторе, составляла примерно $\frac{1}{3}$ от мирового

ВВП¹²; чуть менее $\frac{2}{5}$ – в США, но в Китае, увеличившем с 2003 г. объемы производства высокотехнологичной продукции почти в 6 раз, не намного ниже – 35% (для сравнения – в России – 20%). Совершив за последнее десятилетие мощный рывок, Китай по доле в мировом производстве высокотехнологичной продукции в 2008 г. превзошел Японию, в 2012 г. – ЕС и вплотную приблизился к США (24% против 31% в 2016 г.). Он же занимает лидирующую позицию в мировом экспорте продукции наукоемкого сектора (24%) и имеет большое положительное сальдо в торговле¹³. Хотя, за период с 2011 г. по 2016 г. экспорт высокотехнологичной продукции из Китая резко замедлился по сравнению с 2001-2008 гг.; упало и положительное сальдо торговли. Знаменательно, что это отчетливо наблюдающееся замедление можно считать началом переориентации развития Китая с экспортно-ориентированной модели на модель роста, опирающегося на развитие внутреннего спроса и рынка.

Позиционирование современного Китая в мировом сообществе далеко не ограничивается только экономической нишей. Уже к началу XXI в., по мнению ряда экспертов, страна превратилась в глобаль-

¹⁰ Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. – 2017. – № 1 (40). Mode of access: <http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf> [Samburova, E.N.; Mironenko, K.V. Kitaj v мировом hozyajstve v kontekste globalizacii (China in the World Economy in the Context of Globalization) // *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*, 2017, No. 1 (40). Mode of access: <http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf>]

¹¹ Science and Engineering Indicators 2018. Arlington, VA: National Science Foundation, 2018.

¹² С правочно отметим, что из этой величины около 15% приходилось на коммерческие услуги, 9% – на общественные, 4% – на производства средне-высоко-технологичного сектора и около 2% – на высокотехнологичный сектор.

¹³ Столь высокая доля Китая в мировом экспорте есть результат традиционных методов измерения торговых потоков по валовой стоимости продукта, пересекающего международную границу. Предпринятые ОЭСР и ВТО инициативы пересчета мировых торговых потоков на основе чистой добавленной стоимости значительно понижают позиции Китая. Так, доля Китая в экспорте компьютеров, электрического оборудования, оптики по традиционным методам расчета составила в 2016 г. 33%, а по методике добавленной стоимости – 19% (хотя это все равно 1-е место в глобальном экспорте этих продуктов). И с другой стороны, США становятся на значительно более высокую позицию в рейтинге стран, участвующих в мировой торговле, поскольку по новой методике им «приписывается» экспорт электронных комплектующих, используемых в конечной сборке продукта на территории Китая.

ную супердержаву с интересами в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Океании, а «китайский фактор» оказывает существенное влияние на развитие современных мирополитических процессов. Намеренно отказавшись от конкуренции в области идеологии, оставаясь твердым приверженцем принципов ООН, входя во многие международные организации и активно проводя политику «мягкой силы»¹⁴ на разных территориальных уровнях – глобальном, региональном и субрегиональном – по семи основным направлениям¹⁵: 1) распространение и популяризация языка; 2) продвижение традиционной и современной культуры; 3) расширение образовательных контактов; 4) развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество; 5) содействие международному развитию; 6) развитие общественной дипломатии; 7) поддержка соотечественников¹⁶; Китай продолжает набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную.

В плане реализации политики «мягкой силы» особо показательны два свежих примера из разных тематических областей. Во-первых, состоялся своего рода прорыв в сфере образования для иностранцев. В конце 2015 г. в более чем 800 вузах страны обучалось 398 тыс. зарубежных студентов. За гра-

ницей Китай инвестировал в создание 525 Институтов Конфуция (в вузах) и 1113 классов Конфуция (в школах), в которых насчитывается более 5 млн слушателей в год. Вторых, планомерно реализуются намерения «поглощения Европы». За последние шесть лет китайские капиталовложения в экономику ЕС увеличились в 10 раз¹⁷. Только в 2016 г., по данным консалтинговой компании EY, они выросли почти втрое – с 30,1 млрд долл. до 85,8 млрд. За этот год китайцы приобрели 309 европейских компаний или долю в них. По числу таких объектов 1-е место заняла Германия (68 приобретений), 2-е – Великобритания (47), 3-е – делят Франция и Италия (по 34). Для сравнения, почти десять лет назад, в 2007 г., китайцы купили в Европе только 51 компанию¹⁸. При понятных приоритетах китайские инвестиции имеют широкую географию, их можно обнаружить во всех без исключения государствах региона. В частности, еще в 2012 г. для налаживания сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы запущен проект «16+1»¹⁹. Его главная цель – получение до-

¹⁴ Термин «мягкая сила» (*soft power*) трактуется часто по-разному. В Китае в нее вкладывается, главным образом, конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства (см. Касаткин, Ивкина, 2018).

¹⁵ Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. № 2. – С. 95-129. [Mihnevich, S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki «myagkojsily» Kitaya (Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of the Policy of “Soft Power” of China) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*, 2014, Vol. 9, No. 2, pp. 95-129.]

¹⁶ Sluka, N.A.; Korobkov, A.V.; Ivanov, N.P. The Chinese Diaspora in the EU Countries // *Baltic Region*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 80-95.

¹⁷ За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу // Sputnik, 03.11.2017. Mode of access: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html> [За poslednieneskol'ko let KNR rezkouvelichila ob'em pryamyh investicij v strany ES. Skol'ko Kitajvkladyvaet v Evropu (Over the Past Few Years, the PRC Has Sharply Increased Its Direct Investment in EU Countries. How much Does China Invest in Europe) // Sputnik, 03.11.2017. Mode of access: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>]

¹⁸ Рождественская Я. Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ, 26.01.2017. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876> [Rozhdestvenskaya, Ya. Kitajskie investicii v Evropu dostigli rekordnogo urovnya (Chinese Investment in Europe Reached Record Levels) // *Kommersant*, 26.01.2017. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>]

¹⁹ В него входят 11 стран-членов ЕС и 5 балканских стран (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония).

ступа к технологиям и исследованиям, международным каналам продаж и узнаваемым брендам, обеспечение поставок сырья для китайской экономики. Дополнительной целью предприятий Поднебесной является инвестирование в проекты в области внешней инфраструктуры, а также предоставление льготных кредитов для проектов, реализуемых китайскими подрядчиками²⁰.

Для текущей «проверки» верности стратегического курса к мировому лидерству Китаем избран глобальный проект «Один пояс – один путь»²¹, запущенный в 2013 г. Руководство страны видит пять ключевых смысловых аспектов проекта²²: 1. Политическая координация (*чжэньцзэгоутун*); 2. Взаимосвязь инфраструктуры (*шэшиляньтун*); 3. Бесперебойная торговля (*маоичантун*); 4. Свободное передвижение капитала (*цзыцзиньжунтун*); 5. Укрепление близости между народами (*миньсиньсянтун*). Он должен показать стремление Китая не только к рациональному устранению территориально-отраслевых перекосов в национальной экономике и снятию ряда социальных противоречий, но и к ответственному участию в интеграционных

процессах на макрорегиональном уровне: высветить спектр проблем, возможности и способности организации новых «точек роста», тем самым раскрывая реальный потенциал притязаний на мировое лидерство. Этот евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие, призван обозначить главные черты нового трансрегионального геополитического порядка. Уже сейчас он объединяет почти семь десятков государств с населением около 4,5 млрд чел. и оказывает серьезное влияние на ключевые процессы современности – ход глобализационного движения, трансформации в системе международного разделения труда, изменение роли и значения ТНК, терциализацию и неоиндустриализацию экономики развитых стран и многие другие.

Российско-китайский стратегический тандем на пороге третьего глобального интеграционного цикла. Реализация амбиций Поднебесной в условиях мирохозяйственного перехода весьма остро ставит вопрос о ближайших и надежных партнерах, среди которых особое место занимает Россия. Для возникновения союзных отношений между двумя странами-гигантами выгодно уже их геостратегическое положение, родственность по общегеографическим размерным «габаритам» и богатая история позитивного взаимодействия. Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность их экономического и научно-технологического развития компенсируется взаимными дополнениями. Несмотря на необходимость дальнейшей проверки гипотезы о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия вне постсоветского пространства, на текущем историческом этапе у Китая и России нет острых противоречий, в том числе в отношении видения желаемого мироустройства. Обе страны отстаивают многополярную модель в мире глобализации. Общим противником для них являются претендующие на глобальное

²⁰ Беляков Д. Стратегия Пекина в Центральной Европе / СОНАР 2050, 01.12.2017. Mode of access: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/> [Belyakov, D. Strategiya Pekina v Central'noj Evrope (Beijing's Strategy in Central Europe) // SONAR 2050, 01.12.2017. Mode of access: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>]

²¹ Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. – Пекин: Из-во лит-ры на ин. языках. 2017. – 75 с. [Sovmestnoe stroitel'stvo «Odnogopoyasa, odnogoputi»: ideya, praktika i vklad Kitaya (Joint Construction of “One Belt, One Road”: the Idea, Practice and Contribution of China). Beijing: Iz-vo lit-ry na in. yazykah. 2017. 75 p.]

²² Чубаров И.Г., Калашников Д.Б. «Один пояс – один путь»: Глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 25-33. [Chubarov, I.G.; Kalashnikov, D.B. «Odin poyas – odin put'»: Globalizaciya po-kitajski (“One Belt – One Road”): Globalization in Chinese // *Mirovaya ehkonomika I mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No, pp. 25-33.]

доминирование США, открыто объявившие Россию угрозой своим интересам, а Китай – экономическим конкурентом, что в преддверии третьего глобального интеграционного цикла делает последних естественными союзниками.

Обсуждаемая книга подводит к следующим основным выводам:

- состояние неопределенности и турбулентности в современном мировом хозяйстве тесно связано с изменениями в пространственной конфигурации мирового развития в условиях мирохозяйственного перехода в макротехнологической структуре геоэкономики, что объяснимо в рамках теории длинных циклов Н.Д. Кондратьева. Адаптация к новой ситуации вызовет не только уход старых технологий и организационных структур и появление пропульсивных отраслей хозяйства и новых институциональных возможностей, но и пространственное переустройство мира.

- в исторически сжатые сроки благодаря грамотной политике руководства Китая, осуществив комплекс хозяйственных и иных реформ, вошел в число крупнейших экономик мира и на равных соперничает на многих глобальных рынках с признанными авторитетами. Экономические успехи и укрепление позиций во всех сферах международных отношений за счет активного проведения политики «мягкой силы» позволяет размышлять о быстром росте глобальной конкурентоспособности Поднебесной на этапе мирохозяйственного перехода.

- в целом выход Китая на мировое лидерство – не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, и с учетом особого стратегического мышления китайцев можно предположить, что Пекин скорее ориентирован на мировое цивилизационное доминирование «из тени», внешне оставаясь на вторых ролях. Иными словами, глобальное лидерство Китая – не цель, а скорее национальная идея, не требующая конкретных временных сроков, но способная идеологически мобилизовать китайское общество на стабильное и динамичное развитие через качественную внутреннюю трансформацию.

- с учетом «атомизации» Запада, который вместо мобилизации сил на эпо-

хальном историческом рубеже до сих пор пребывает в нирване от крушения советского блока и СССР, и отсутствия у России должного экономического базиса, активно-прагматической внешней политики и претензий на мировое верховенство, можно прогнозировать закономерное возникновение в ближайшем будущем китаецентричной системы международного порядка. В рамках третьего глобального интеграционного цикла мировое лидерство впервые за последние 500 лет, вполне вероятно, уйдет за пределы глобального Запада, и этот период истории заслужит обозначение как *Pax Sinica*. Хотя, Пекин вынужден будет еще предложить миру свой «цивилизационный проект».

- результаты исследования содержат ценный конструктив для России. Опыт Китая может быть полезен при разработке национальных программ социально-экономического развития, принципов регулирования развития отдельных отраслей хозяйства, подходов к формированию блока материнских ТНК, для совершенствования использования механизмов «мягкой силы» и по многим другим направлениям.

- все упомянутое актуализирует изучение Китая, делает его интересным объектом познания для специалистов как отдельных областей знания, так и при проведении междисциплинарных исследований эволюции места страны-гиганта в глобализирующемся мире.

Литература:

Беляков Д. Стратегия Пекина в Центральной Европе / СОНАР 2050, 01.12.2017. Mode of access: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>

Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9 № 1. – С. 26-36.

Маркс К. Революция в Китае и в Европе / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9. Изд. 2-ое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 98-105.

Мироненко Н.С., Гутер Б.А. Мирохозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. – М.- Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 40-48.

Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Ки-

тая // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. № 2. – С. 95-129.

Роздественская Я. Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ, 26.01.2017. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>

Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. – 2017. – № 1 (40). Mode of access: <http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf>

Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. – Пекин: Изд-во лит-ры на ин. языках. 2017. – 75 с.

Чубаров И.Г., Калашников Д.Б. «Один пояс – один путь»: Глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 25-33.

Шупер В. Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация, 22.11.2017. Сайт С.П. Курдюмова. Mode of access: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>

Sluka, N.A.; Korobkov, A.V.; Ivanov, N.P. The Chinese Diaspora in the EU Countries // *Baltic Region*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 80-95.

References:

Belyakov, D. Strategiya Pekina v Central'noj Evrope (Beijing's Strategy in Central Europe) // SONAR 2050, 01.12.2017. Mode of access: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>

Chubarov, I.G.; Kalashnikov, D.B. «Oдин poяс – oдин put'»: Globalizaciya po-kitajski ("One Belt – One Road": Globalization in Chinese) // *Mirovaya ehkonomika I mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 1, pp. 25-33.

Kasatkin, P.I.; Ivkina, N.V. Kul'turnaya i obrazovatel'naya sostavlyayushchie «myagkojsily» ES (Cultural and Educational Components of the EU "Soft Power") // *Sravnitel'naya politika*, 2018, No. 1, pp. 26-36.

Marx, K. Revolyuciya v Kitaei v Evrope (The Revolution in China and in Europe) // K. Marx and

F. Engels. Sochineniya. T. 9. Izd. 2-oe. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. Pp. 98-105.

Mihnevich, S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki «myagkojsily» Kitaya (Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of the Policy of "Soft Power" of China) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 2014, Vol. 9, No. 2, pp. 95-129.

Mironenko, N.S.; Giter, B.A. Mirohozyajstvennyj perekhod v nachale HKHI veka: makrotekhnologicheskie i prostranstvennye transformacii (World Economic Transition at the Beginning of the XXI century: Macro-Technological and Spatial Transformations) / Geografiya mirovogo hozyajstva: tradicii, sovremennost', perspektivy / Ed. by V.A. Kolosov, N.A. Sluka. Moscow-Smolensk: Ojkumena, 2016. Pp. 40-48.

Rozhdestvenskaya, Ya. Kitajskie investicii v Evropu dostigli rekordnogo urovnya (Chinese Investment in Europe Reached Record Levels) // *Kommersant*, 26.01.2017. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>

Samburova, E.N.; Mironenko, K.V. Kitaj v mirovom hozyajstve v kontekste globalizacii (China in the World Economy in the Context of Globalization) // *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*, 2017, No. 1 (40). Mode of access: <http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf>

Shuper, V. Samoorganizaciya pri perelome traektorii: perekhod k intensivnomu razvitiyu (Self-organization at the Turn of the Trajectory: the Transition to Intensive Development) // *Ekonomika, krizisy, riski, bezopasnost', samoorganizaciya*, 22.11.2017. Mode of access: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>

Sluka, N.A.; Korobkov, A.V.; Ivanov, N.P. The Chinese Diaspora in the EU Countries // *Baltic Region*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 80-95.

Sovmestnoestroitel'stvo «Odnogopoyasa, odnogoputi»: ideya, praktika i vklad Kitaya (Joint Construction of "One Belt, One Road": the Idea, Practice and Contribution of China). Beijing: Iz-vo lit-ry na in.azykah. 2017. 75 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10037

IN MEMORY OF E.N. SAMBUROVA

Nikolai A. Sluka

*Dr of Geography, Professor,
Department of Geography of the World Economy,
Moscow State University,
Moscow, Russia*

Для цитирования: Слукa Н.А. На пути к «китайскому миру». Памяти Е.Н. Самбуровой // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 3. – С. 159-166.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10037

For citation: Sluka, Nikolai A. Na puti k «kitayskomu miru». Pamyati Ye.N. Samburovoy (On the Way to Pax Cinica. In memory of E.N. Samburova) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 159-166.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10037

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С МЬЯНМОЙ

С 27 января по 5 февраля доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО К.А. Ефремова находилась в научной командировке в Янгоне (Республика Союз Мьянма).

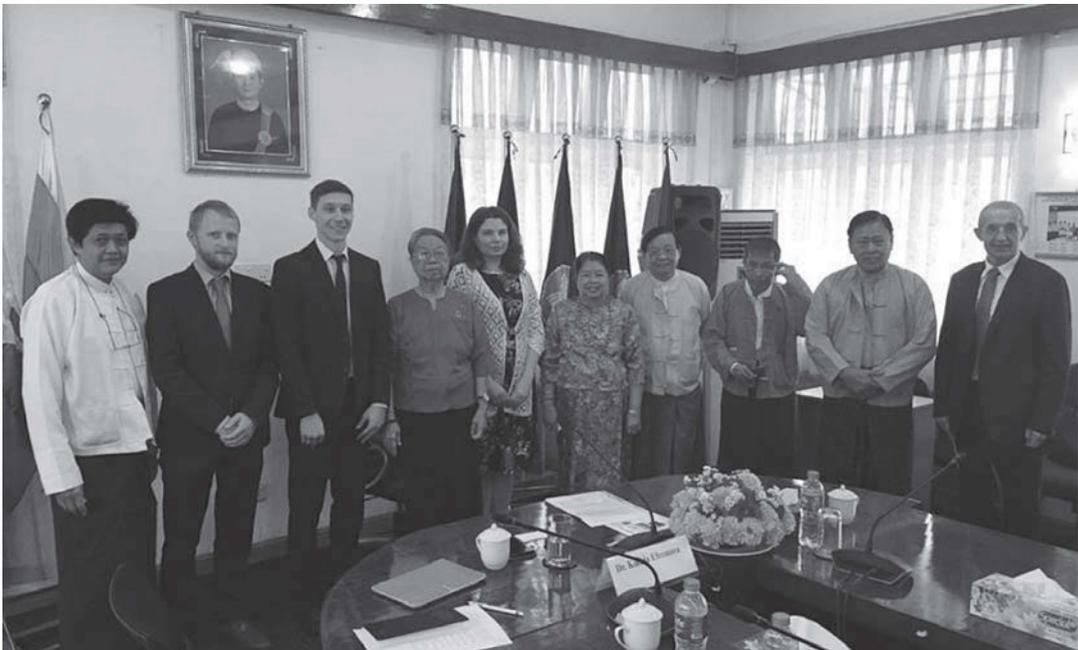
29 января К.А. Ефремова выступила в Мьянманском институте стратегических и международных исследований с открытой лекцией на тему «Russia's Turn to the East: Implications for Myanmar and Southeast Asia», организованной при содействии российского посольства и Центра АСЕАН при МГИМО.

На лекции присутствовали: Чрезвычайный и Полномочный Посол У Вин Лвин (H.E.U Winn Lwin), До Чжи Чжи Хла (Daw Kyi Kyi Hla), У Чжи Мьин (U Kyee Myint), До Тан Тан Тхэй (Daw Than Than Htay) и другие сотрудники MISIS, а также мьянманские студенты и аспиранты. Модерировал дискуссии заместитель директора MISIS советник-посланник У Кхин Маун Лин (U Khin Maung Lynn).

С российской стороны лекцию посетили вице-президент Российского общества дружбы и сотрудничества с Республикой Союз Мьянма А.В. Островский, второй секретарь посольства России в Мьянме А.С. Анисимов и другие российские дипломаты.

По итогам лекции состоялось открытое плодотворное обсуждение затронутых в ней вопросов. Мьянманская сторона выразила заинтересованность в развитии сотрудничества с Россией в таких отраслях как наука и техника, энергетика, сельское хозяйство, туризм, образование, религия и борьба с терроризмом, а также инвестиции.

В завершение выступления К.А. Ефремова преподнесла в дар MISIS свежие номера двуязычного журнала «Сравнительная политика / *Comparative Politics Russia*» (главный редактор – директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО А.Д.Воскресенский) с надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

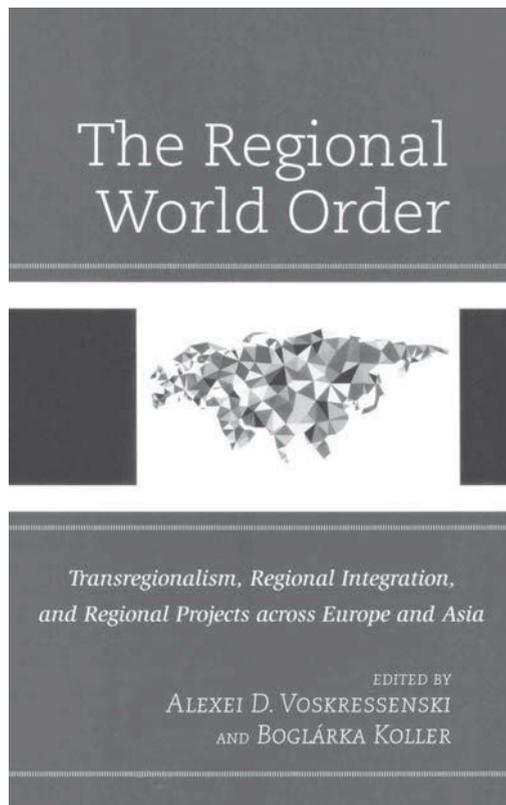
НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019

Одно из ведущих американских издательств Rowman & Littlefield и его подразделение Lexington Books издало книгу «The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia» (Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019). Исследование подготовлено совместно Центром комплексного китаеведения и региональных проектов в содружестве с партнером МГИМО Национальным Университетом государственной службы Венгрии.

Книга представляет собой фундаментальное и одновременно научно-практическое исследование. Она подготовлена международным коллективом авторов из Европы, России и Азии. Ее авторы представляют известные научно-аналитические центры Венгрии, Франции, России, Сингапура и США. Ответственными редакторами и руководителями авторского коллектива выступили директор ЦКК и РП МГИМО профессор А.Д. Воскресенский и декан Факультета международных и европейских исследований Национального Университета государственной службы Венгрии доктор Богларка Коллер.

Среди авторов книги преподаватели и научные сотрудники МГИМО МИД России – А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, И.Ю. Окунев, А.А. Киреева, Д.А. Кузнецов; Института стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова – П.В. Шлыков; Санкт-Петербургского университета – М.Л. Лагутина; Национального Венгерского Университета государственной службы – декан Факультета международных отношений Богларка Коллер и директор Института эконо-

мики Тамаш Сземлер; Наньянского Технологического Университета (Сингапур) – декан Колледжа гуманитарных наук и Факультета международных отношений им. С. Раджаратнама Джозеф Цюн Лью, а также научный сотрудник этого же университета PhD (Оксфордский университет) Джоэль Нг Куан Джунг; Университета Луисвилл (США) – заслуженный профессор, директор Международной премии им. Грэйвемейера, в прошлом заведующий департамента политических наук Чарльз Зиглер, а также независимый французский исследователь Сирил Виньон.

В первой части книги российские авторы проанализировали концептуализацию таких научных понятий, как регионализм, региональная интеграция, трансрегионализм. Во второй рассмотрели повестку практической политики регионализма и регионализации и провели сравнительный

анализ моделей интеграционного характера на пространстве ЕС, Евразии и АСЕАН. В третьей части книги исследователи вскрыли новые пути и модели интеграционных процессов, в том числе китайские трансрегиональные проекты «Пояса и пути» и «Морского шелкового пути», а также спрогнозировали развитие процессов в Южной Евразии. Четвертая заключительная часть

книги посвящена анализу трансрегиональной составляющей мировых процессов, в частности, влиянию идеологии, идентичности и проблематики безопасности на складывающийся баланс регионализма и трансрегионализма Евразийского пространства, а также оценили перспективы конструирования многостороннего регионального порядка.

CONTENTS

PART I: CONCEPTUALIZATION: REGIONALISM, REGIONAL INTEGRATION AND TRANSREGIONALISM

- 1 Introduction. Transregionalism and Regionalism: What Kind of a Balance Do We Need, and Its Consequences for Practical Politics (Alexei D. Voskressenski)
- 2 Discussion on Transregionalism and the Destiny of the Mega-Projects TPP and TTIP (Denis A. Kuznetsov)
- 3 Integration Systems, Subregionalism and Transregionalism: Is a Neofederalist Approach Possible? (Igor Okunev)
- 4 A World of Global Regions? Is Regionalisation 2.0 Possible? (Maria L. Lagutina)

PART II: THE TRANSREGIONALIST AGENDA AND MODELS OF INTEGRATION A COMPARATIVE PERSPECTIVE

- 5 Differentiated Integration in the European Union: the “New-Old” Way of European Integration (Boglárka Koller)
- 6 The European Dimension. The V4 and the EU: An “Alliance within the Alliance” (Tamás Szemlér)
- 7 The Eurasian Dimension. The Eurasian Economic Union as a Model of Integration (Cyrille Vignon)
- 8 The South Asian Dimension. The ASEAN Model of Integration (Joel Ng Kuang Jong and Joseph Chinyong Liow)
- 9 The Comparative Dimension. European and Asian Regionalisms (Ekaterina Koldunova)

PART III: NEW WAYS OF INTEGRATION? EMERGING OVERLAPPING AND TRANSREGIONAL PROJECTS

- 10 The Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road Initiative: Evaluating the Transregional Potential of Chinese Projects (Anna Kireeva)
- 11 Becoming Land-Linked Instead of Land-Locked: Where the Eurasian Economic Union Meets Chinese Silk Road Economic Belt (Cyrille Vignon)
- 12 The Transregional Agenda for Southern Eurasia: What to Expect? (Pavel Shlykov)

PART IV: THE EFFECTS AND OUTCOMES OF TRANSREGIONALIST LOGIC

- 13 Ideology, Identity, Security, and their Influence on the Evolving Eurasian Transregionalist / Regionalist Agenda (Charles E. Ziegler)
- 14 Balancing Transregional and Regional Projects: Is it Possible to Build the Greater Eurasian Space of a Multilateral Regional Order? (Alexei D. Voskressenski, Ekaterina Koldunova, and Anna Kireeva)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту svavnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical science comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy ([sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
 - About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
 - Title in Russian in capital letters;
 - Surname and author(s) initials (Russian transcription);
 - Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:
 «Роспечать» – 37237
 Периодичность в год – 4, 150 стр.
 Стоимость одного номера при подписке
 через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение	<i>Форма № ПД-4</i>						
	ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small>						
	<table style="width: 100%; border: none;"> <tr> <td style="width: 50%; border: none;"><u>7705790921</u> <small>ИНН получателя платежа</small></td> <td style="width: 50%; border: none;"><u>40702810500000010326</u> <small>(номер счета получателя платежа)</small></td> </tr> <tr> <td style="border: none;">в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></td> <td style="border: none;">БИК <u>044525272</u></td> </tr> <tr> <td style="border: none;">Номер кор./сч. банка получателя платежа: _____</td> <td style="border: none;"><u>30101810000000000272</u></td> </tr> </table>	<u>7705790921</u> <small>ИНН получателя платежа</small>	<u>40702810500000010326</u> <small>(номер счета получателя платежа)</small>	в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	БИК <u>044525272</u>	Номер кор./сч. банка получателя платежа: _____	<u>30101810000000000272</u>
<u>7705790921</u> <small>ИНН получателя платежа</small>	<u>40702810500000010326</u> <small>(номер счета получателя платежа)</small>						
в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	БИК <u>044525272</u>						
Номер кор./сч. банка получателя платежа: _____	<u>30101810000000000272</u>						
	<p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2020 <small>(наименование платежа)</small> _____ <small>(номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " _____ " _____ 20 г.</p>						
Кассир	<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>						
Квитанция	<i>Форма № ПД-4</i>						
	ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small>						
	<table style="width: 100%; border: none;"> <tr> <td style="width: 50%; border: none;"><u>7705790921</u> <small>ИНН получателя платежа</small></td> <td style="width: 50%; border: none;"><u>40702810500000010326</u> <small>(номер счета получателя платежа)</small></td> </tr> <tr> <td style="border: none;">в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></td> <td style="border: none;">БИК <u>044525272</u></td> </tr> <tr> <td style="border: none;">Номер кор./сч. банка получателя платежа: _____</td> <td style="border: none;"><u>30101810000000000272</u></td> </tr> </table>	<u>7705790921</u> <small>ИНН получателя платежа</small>	<u>40702810500000010326</u> <small>(номер счета получателя платежа)</small>	в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	БИК <u>044525272</u>	Номер кор./сч. банка получателя платежа: _____	<u>30101810000000000272</u>
<u>7705790921</u> <small>ИНН получателя платежа</small>	<u>40702810500000010326</u> <small>(номер счета получателя платежа)</small>						
в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	БИК <u>044525272</u>						
Номер кор./сч. банка получателя платежа: _____	<u>30101810000000000272</u>						
	<p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2020 <small>(наименование платежа)</small> _____ <small>(номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " _____ " _____ 20 г.</p>						
Кассир	<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>						

Центр редакционной подписки:
 тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
 8-800-333-28-04 (по России бесплатно)